

750 576

X

T. I

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА



В. А. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

ЗАПИСКИ
О
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ

с 6-ю схемами и 17-ю фотографиями

Государственная
Историческая
Библиотека РСФСР

71211
ИЮН. 1935

Редакционный Совет
1924

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОНН.
СОВЕТ № 983

Тираж 15250
Ленинградский Гублит
№ 5839

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

71211 ✓
и

Государственная типография
Ленинград, Зве

ОКЛЯБРЬ В ПОХОДЕ

ОТ АВТОРА

Настоящая моя работа, конечно, далеко не может быть признана подлинным историческим исследованием — в ней не мало весьма серьезных пробелов, а может быть, и избыток субъективизма автора.

Особенно ясно сознается мною пробел в описании деятельности рабочих организаций, имевший, конечно, громадное значение и в описании Центроштаба в Донбасе.

Есть и другие существенные пробелы в моей работе, объясняемые прежде всего недостатком фактического материала, бывшего в моем пользовании.

Я и не претендовал на полноту исторического исследования, — я хотел описать лишь те моменты, к которым лично имел определенное отношение.

Материалами этих «Записок» послужили, главным образом, — документы из архива моего штаба, а также записки, предоставленные мне товарищами Е. Щаденко и Р. Берзиным, которым я приношу товарищескую благодарность.

Необходимо оговорить, что повсюду в этой книжке даты мною приведены по новому стилю.

Читателей, заметивших какие-либо изъяны в моей работе, прошу сообщить мне через издательство, а также прошу направлять ко мне документы, относящиеся к описанному периоду.

ГЛАВА I

Революция у власти. Борьба за Ставку — борьба за мир. Демонстрация предположения. «Допьем Романовские остатки». Украинизация. Утоп — Каледин — Центральная Рада. Контр-революция организуется. Первые боевые действия — Берзин, Кудянский.

В первых числах ноября революция победила в Петрограде. Эта победа отчетливо выявилась в неудаче попытки Керенского просить с фронта войска на мятежную столицу и сломить большевиков. Фронт не поддержал неудачливого главноверха, генерал Краснов оказался одинок со своей дивизией против столицы, мужественно защищенной рабочей Красной Гвардией и моряками, при дружественном, хотя и мало активном, сочувствии всего гарнизона.

После ряда бесплодных попыток ворваться в Питер, где навстречу ему было произведено юнкерами восстание, генерал Краснов вынужден был сдаться, но был отпущен на честное слово, а Керенский сбежал навсегда с политического горизонта России.

Перед отразившими первый натиск контр-революции революционными силами стала задача дальнейшего закрепления и распространения революции. Надо было, прежде всего, овладеть не только зданиями, но и государственными аппаратами. Важнейшим из них — военным, обеспечив за собой руководство унаследованным от керенщины империалистическим фронтом. Надо было уберечь население столицы от голода, надо было, наконец, распространить Советскую Власть по всей России.

Мне, состоявшему в коллегии Народного Комиссариата по Военно-Морским делам и, одновременно, после смены Муравьева, назначенному главнокомандующим Петроградским Военным Округом, пришлось деятельно участвовать во всей этой работе.

Первая задача — оборона Петрограда. Для ее подготовки созывалось особое совещание из делегатов гарнизонного собрания (это собрание было создано одновременно с Военно-Революционным Комитетом, по постановлению Петроградского Совета, и состояло из представителей полковых комитетов), дополненных несколькими офицерами-специалистами.

Совещание это под моим председательством разрабатывало вопросы — поднятия боеспособности Петроградского гарнизона, приведения в порядок оборонительных сооружений столицы и общего плана ее обороны. Одним из наиболее деятельных членов совещания был командир 2-го Пулеметного полка, полковник Шереметьев, впоследствии работавший на Кавказе при Краевом Комитете.

Для усиления Петроградского гарнизона, с Северного фронта, куда комиссаром был направлен тов. Позерн, был вызван один из Латышских стрелковых пехотных полков (не помню его номера).

Овладение аппаратом Военного Министерства производил тов. Подвойский при содействии Механошина, Еремеева, Васильевского и всей «военки».

Я стоял во главе сформированного мною в разгар Октябрьских дней «Полевого Штаба» Военно-Революционного Комитета, где работала преимущественно военная молодежь, выдвинутая событиями: штабс-капитан Лукин — Свеаборгской артиллерии, капитан Казанцев, — командир 176 пехотного полка и др.

Я непосредственно руководил, — поскольку в ту пору можно было говорить о руководстве, — военными операциями по обороне Петрограда и реорганизацией Петроградского Военного Округа.

Основным вопросом для нас являлась скорейшая ликвидация того контр-революционного гнезда, которое свилось в Ставке.

Овладение Ставкой имело еще тем более важное значение, что только из нее возможно было руководить в должной мере проведением мирных переговоров.

Контр-революционные силы прекрасно сознавали все значение для Советской Власти приступа к организованным переговорам с немцами о мире. Срыв этих переговоров был первой задачей контр-революции. Борьба естественно сосредоточилась на Ставке.

При Ставке продолжал существовать Обще-Армейский комитет старого избрания, состоявший из социал-предателей и продолжавший поддерживать керенщину.

13-го ноября этот комитет опубликовал следующую телеграмму, обращенную ко Всероссийскому Исполнительному Комитету железнодорожников:

«Мы, представители Обще-Армейского Комитета при Ставке, без колебаний выступили против попытки большевиков силой навязать стране свою волю. На силу мы ответили силой. Войска, руководимые сознанием своей правоты, идут на Петроград. Все меры, предпринимаемые Ставкой, проводятся под нашим контролем. Мы не хотим крови. В тот момент, когда большевики сложат оружие, когда они подчинятся решению полномочного органа демократии — Всероссийского Комитета спасения родины и революции, — мы отзовем войска. Ни одна капля крови не прольется даром. Если же справа будет попытка использовать это восстание в целях контр-революции — мы всей своей мощью станем против нее. Мы просим вашего доверия, не препятствуйте движению войск по нашему указанию. Мы приглашаем в наш руководящий орган вашего представителя, для совместной работы в этот тяжелый момент».

Комитет Ставки, в своем враждебном отношении к Советской Власти, вполне сходилась с Высшим командованием.

Начальник штаба Верховного Главнокомандующего, генерал Духонин, вместе с Вырубовым — помощником Керенского по Политчасти, Ковалевским, комиссаром Временного Правительства при Ставке, и Перекрестовым — Председателем Обще-Армейского Комитета, опубликовали того же числа следующую телеграмму:

«От имени Армии и Флота мы требуем немедленного прекращения большевиками насильственных действий, отказа от вооруженного захвата власти и безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами демократии Временному Правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного Собрания, хозяина земли русской. Действующая армия силой поддержит это требование. Духонин, Вырубов, Ковалевский, Перекрестов».

Казачий генерал Богаевский телеграфно обратился к генералу Духонину из Новочеркасска, с приветствиями, изъявлениями

готовности казачества «стать на стражу государственного спасения», предлагая услуги казачества для поддержания порядка и т. д. Духонин ответил в Новочеркасск с копией «всем, всем, всем», что «меры к восстановлению в Петрограде порядка и Временного Правительства приняты и проводятся в жизнь».

Как видим, с первых же дней Советской Власти, Ставка заняла по отношению к ней определенно враждебную позицию. Но вскоре, как только выявилась неудача Керенского, Красной и юнкерского восстания в Петрограде, Ставка, чтобы не потерять окончательно всякое влияние на солдатские массы, начинает лавировать, — она переходит с позиции прямой войны на позицию соглашения. Так, 14-го ноября Духонин издает приказ в виду бегства Керенского о принятии им, Духониним, временно должности Верховного Главнокомандующего, а также о прекращении дальнейшей отправки войск на Петроград. Последнее распоряжение было тем более своевременным, что отправляемые из Питер войска лишь братались с Питерским гарнизоном (как например, Финляндская стрелковая дивизия).

17-го ноября в Ставку прибывает бывший Военный Министр генерал-майор Верховский и эс-эры Чернов, Фейт и Шохерман. В тот же день, по инициативе Викжеля, происходит совещание «общественных и политических деятелей», и начинаются переговоры Чернова и Обще-Армейского Комитета с Центральной Украинской Радой.

Вскоре в Ставку прибывают также Гоц, Скобелев и др.

21-го ноября, после решающего заседания, Обще-Армейский Комитет рассылает воззвание, в котором обвиняет большевиков в расколе «демократии», в возбуждении гражданской войны, говорит о неспособности большевиков справиться со всеми затруднениями и предлагает поручить Обще-Армейскому Комитету, от имени всей армии, обратиться ко всем социалистическим партиям и демократическим организациям с предложением немедленно же приступить к организации правительства, от большевиков до народных социалистов, со следующей программой: первое — «немедленное прекращение системы политического террора и восстановление всех гражданских свобод»; второе — «обязательно собрать Учредительное Собрание в кратчайший срок, на условиях, обеспечивающих свободу вы-

боров»; третье — передача земли в ведение Земельных комитетов; четвертое — немедленный приступ к мирным переговорам.

Но уже 23-го ноября этот твердый тон Обще-Армейского Комитета срывается, — многие из членов Комитета высказались против его участия в политической борьбе. В 1, 3, 10-й армиях проявилось колебание, их Комитеты стоят за однородную социалистическую власть, но не поддерживают инициативы Обще-Армейского Комитета в создании этой власти.

В этих колебаниях «верхов» сказывалось все возраставшее брожение глубоких солдатских масс. Армия уже к ноябрю 1917 г. была больше чем на половину большевистской, а на ближайших к Ставке фронтах, она была большевистской почти целиком.

Однако, Обще-Армейский Комитет чувствовал себя еще так прочно, что отказал Советскому Правительству в переводе Корнилова из Быхова в Петроград.

Отмечу тут же, что Духонин все время поддерживал с Быховскими узниками тесную связь и получал от Корнилова советы по защите Ставки. Духонин держал связь и с Калединым.

23-го ноября Духонин в телеграмме № 7991 запрашивает Каледина: «не найдет ли он возможным направить в Москву, для содействия правительственным войскам в подавлении большевиков, отряд казаков с Дона, который, по усмирении восстания, мог бы пройти на Петроград, для поддержки генерала Краснова». На эту телеграмму Каледин уклончиво ответил, — что он недостаточно ориентирован, и что посылка таких войск противоречит постановлению Круга, — «требуется наличие чрезвычайной необходимости». 29-го ноября, Духонин сообщает Каледину, что к Ростову двинуты тральщики и две миноноски с десантом в несколько сот матросов с пушками и что Черноморский Наморси получил указание о недопуске этого движения.

Между тем, как эта политическая игра разворачивалась в Ставке, дни последней уже были сочтены.

21-го ноября, на заседании В.Ц.И.К., комиссар по иностранным делам Троцкий сделал доклад о шагах Советского Правительства в области достижения мира. В этом докладе тов. Троцкий огласил, между прочим, обращение к послам Союзных держав. В нем указывается на текст предложения перемирия, одобренный Всероссийским Съездом Советов и предлагается смотреть

на указанный документ, как на «формальное предложение и немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров».

Далее тов. Троцкий сообщил о посланном тов. Лениным вместе с военным комиссаром т. Крыленко, Верховному Главнокомандующему указании сейчас же «обратиться к военным властям неприятельской армии с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров». Тов. Троцкий закончил доклад выражением надежды, что Духонин пойдет навстречу политике Советского Правительства. Это ожидание, однако, не оправдалось.

29-го ноября, при переговорах по прямому проводу с Совнаркомом, Духонин заявил, что не может исполнить телеграммы Совнаркома о приступе к мирным переговорам, и что, по его мнению, «необходимый для России мир может быть дан только Центральным Правительством». Духонин тем самым отказался признавать Совет Народных Комиссаров правительством России.

За подписью Ленина, Сталина и Крыленко последовал ответ Духонину. «Именем Правительства Российской Республики, по поручению Совета Народных Комиссаров, мы увольняем вас с занимаемой вами должности за неисполнение предписаний Правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армии. Мы предписываем вам, под страхом ответственности по законам военного времени, продолжать ведение дела, пока не прибудет в Ставку новый Главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко. Подписали: Ленин, Сталин, Крыленко».

И вслед за тем, Совет Народных Комиссаров выпустил обращение ко всей армии, в котором разъясняет столкновение со Ставкой, заявляет о назначении новым Главнокомандующим тов. Крыленко и предлагает стоящим на позициях выбрат уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. О каждом шаге переговоров предлагается извещать всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совнарком.

Армия, солдатская ее масса, восторженно приветствовала решительные шаги Совнаркома.

Предательская позиция Духонина, в свой черед, нашла дружественную поддержку, а именно: 23-го ноября военные представители Англии, Франции и других «союзников» подали генералу Духонину ноту, в которой заявляют, что их правительства не признают Советской власти и грозят, что «всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собой тяжкие последствия».

Американский и французский военные представители обратились, кроме того, к генералу Духонину с отдельными нотами протеста. Особенно резкая нота подана была французским представителем генералом Ляверни.

Совнарком немедленно отправил по радио «всем, всем, всем» решительный протест против недопустимого вмешательства союзников во внутреннюю жизнь страны, и в этом протесте заявил, что — «заключенные в ноте угрозы не могут нас отклонить от честного демократического мира».

Духонин, стремясь укрепить свою позицию, вошел в сношение с командующими фронтами. Все командующие фронтами выразили ему свое сочувствие.

Тем временем, тов. Крыленко выехал на Северный фронт, для назначения непосредственных переговоров с немцами о перемирии. По дороге в Двинск, во Пскове, он был встречен тов. Пономаревым, но командующий Северным фронтом генерал Черемисов отказался от свидания с Крыленко и был им смещен. Также было поступлено и с генералом Болдыревым, командующим 5 армией, в Двинске.

26-го ноября тов. Крыленко отправил в Ставку телеграмму Двинска о том, что им высланы к германцам парламентеры с предложением начать переговоры об общем перемирии; той же телеграмме Могилевскому Совету Депутатов предлагалось принять все меры к устранению от должности Духонина, «насилия».

Принять дела от Духонина было поручено генералу Дитенко. Но Могилевский Исполнительный Комитет Советов, тогда еще меньшевистско-эс-эровский, заявил о непризнании Крыленко Главнокомандующим. Он отказался исполнить его распоряжение относительно роспуска Обще-Армейского Комитета и решения от командования Духонина. Обще-Армейский Ко-

митет и комиссарверх Станкевич послали Крыленко аналогичную телеграмму, протестуя одновременно против проникновения в Ставку в сопровождении вооруженного конвоя.

Переговоры по прямому проводу между Крыленко и Станкевичем были очень резки. Станкевич отказался дать распоряжение о прекращении по всему фронту перестрелки и братания на время мирных переговоров.

От немцев, на предложения наших парламентариев, последовал ответ, изъясняющий согласие, со стороны командующего Восточным фронтом, вступить в переговоры с русским Главкомом. Германцами далее заявлено, что Главнокомандующий Восточным фронтом уполномочен вести переговоры о заключении мира.

Добившись такого результата, Советское Правительство поставило себе задачу нанести последний удар гнезду контр-революции, и 28-го ноября началось формирование специального отряда для ликвидации Ставки. Из Минска для этой цели должен был быть двинут особый полк под командой Ремнева, сформированный из освобожденных из Минской тюрьмы большевиков.

К командующему западным фронтом полковнику Каменкову послан тов. Тер-Арутюнянц, чтобы понудить его направить войска к Орше, Гомелю и Бобруйску, дабы изолировать Ставку. С тов. Крыленко из Петрограда направлен сводный отряд под командой Сахарова (начштаба Сиверс), два эскадрона Литовского полка и отряд моряков балтийцев под командой тов. Павлова.

Деятели в ставке всполошились, узнав об этих приготовлениях. Они подтянули к Ставке две сотни Оренбургских казаков, Бирский казачий полк и 1 Ударный полк. Но 4-й Сибирский казачий полк высказался за большевиков, остальные части были ненадежны, кроме Ударного полка, определенно большевистского. Должны были также подтянуться к Ставке ударные батальоны из окрестностей Могилева, но их задержали из-за наступления большевиков из Минска (отряд Берзина).—С Западного фронта прибыл, по собственному почину, в Ставку 2 Оренбургский ударный батальон.

Обще-Армейский Комитет пытался войти в соглашение с Петроградом, предложил приостановить движение «большевистских

эшелонов, назначить Верховного Главнокомандующего по соглашению, Ставку объявить нейтральной и устранить ее от политической деятельности. Переговоры о мире должно вести министерство иностранных дел. Обще-Армейский Комитет обратился далее к Викжелю с предложением принять меры, чтобы не допустить столкновений, и выслал трех своих представителей для переговоров с Крыленко о приостановке движения «большевиков» на Ставку.

1-го декабря, на совещании чинов Ставки, выяснилась полная невозможность сопротивления. Представители союзных держав выехали в Киев.

Левое крыло Могилевского Исполкома развило усиленную деятельность, созвало экстренное собрание Исполнительного Комитета и на этом заседании было решено признать Советскую власть и создать Военно-Революционный Комитет.

Соглашатели проявили тут полную приспособляемость.

Тем временем, предупрежденные Духонным, в ночь на 2-ое декабря Быховские узники — генералы Корнилов, Деникин, Дукомский, Марков, Эрдели и другие бежали на юг, сопровождаемые сторожившими их текучками.

2-го декабря ударники покинули Могилев, а 3-го утром в Ставку вступили Советские войска. Захватить комиссарверха Юмкевича и других членов Обще-Армейского Комитета не удалось, — они, за полтора часа до появления большевиков, уехали на автомобиле из Ставки.

Как известно, Духонин был убит моряками, несмотря на все усилия Крыленко помешать этому убийству.

На следующий день в Могилев прибыли эшелоны гвардии Литовского полка и броневики, но затем они были отозваны в Петроград, отряд матросов направлен к Быхову.

24-го декабря в Могилеве был созван Обще-Армейский съезд, на котором господствовали большевики и отсутствовали только представители от Румынского и Кавказского фронтов. На съезде был избран Центральный Комитет действующей армии и флота — «Цекодарф».

Верховным Главнокомандующим единогласно избран Крыленко.

Таким образом, дело проведения мира и ликвидации войны окончательно перешло в руки Советской власти.

Занятие нами Ставки во времени почти совпало с выступлением «демократии» в защиту Учредительного Собрания. Выступление было приурочено к намеченному еще Временным Правительством дню созыва учредилки. Вопрос о том, что отменить на предполагавшуюся демонстрацию «демократии», обсуждался и на гарнизонном собрании Питера, и здесь было решено, что надлежит противопоставить ей контр-демонстрацию за Советскую власть; Ц. К. партии на это не согласился, а приказал принять меры к тому, чтобы войска в демонстрации не принимали участия. Был отдан приказ «из казарм не выходить, дежурным ротам быть в боевой готовности». Всюду были выставлены караулы, и войска участия в демонстрации учредилковцев не приняла (только какая-то рота электротехников шла в их толпу).

К вечеру поступило донесение, что большая толпа демонстрантов направляется к Таврическому дворцу. Уверенный в надежности его охраны (рота латышей), я особых мер не принимал, когда был вызван в Совнарком. Здесь я увидел группу ответственных товарищей сильно взволнованных. Особенно запомнились мне озабоченные лица Володарского и Урицкого. Ленин отозвал меня в другую комнату, куда пришли также Троцкий и Сталин:

«Как вы допустили, что 100-тысячная толпа идет к Таврическому! Дворец занят?!»

Я изумился; мои сведения не говорили о таком размахе демонстрации.

«Моя жена проезжала, — поддержал Троцкий, — там не менее 20 тысяч».

«Что вы можете сделать? Нельзя допустить толпу к Смольному, надо выгнать их из Таврического».

«Сейчас дам приказ самым надежным частям, сам пойду с латышами».

«Но что вы сделаете против такой толпы?» — изумился Леонид Давыдович.

«Справлюсь!».

«Торопитесь!»

Приказания были немедленно отданы матросам и Белгородскому (кажется, так он звался) полку. Я лично поехал к латышам. Они собирались ужинать. Дежурный офицер не сразу по-

ил, чего от него хотят. Командир полка только тогда согласился исполнить мой приказ, когда я заявил, что пойду лично полком.

Через 10 минут полк выстроен. Я говорю ему коротко, что то время, когда революционный народ взял дело войны и мира в свои раскрепощенные руки, жалкие последыши керенщины пытаются вернуть власть империалистам и вот захватили Таврический дворец, чтобы оттуда провозгласить новую керенщину. Выслушана моя речь была в молчании. К Таврическому дворцу мы подошли быстрым шагом. Но в нем и вокруг него все было уже спокойно. Учредилловцы пришли, патетически пошумели и ушли, как китайские тени, а всего демонстрантов было не более пяти тысяч.

Гораздо больше хлопот, чем учредилловцы (с городской сумой во главе), мне лично доставил самый гарнизон, начавший совершенно разваливаться. До сих пор толком не выяснено, не было ли тут и хитроумной провокации, но только никогда невиданное бесчинство разлилось в Петрограде. То там, то сям появлялись толпы громил, большей частью солдат, разбивавших винные склады, а иногда громивших и магазины. Караульная служба замучивала немногих сохранявших дисциплину солдат и красную гвардию. Никакие увещания не помогали. Особенно остро встал вопрос с погребами Зимнего дворца. К этому времени сохранявший ранее свою дисциплину, Преображенский полк, неся караул у этих погребов, спился окончательно. Павловский, — наша революционная опора, — также не устоял. Посылались караулы из смешанных частей — перепивались. Ставились «комитетские» караулы — не выдерживали. Посылались броневики разгонять толпу, — команда их после некоторого променада, также начинала подозрительно шататься. Как только наступал вечер, разливалась бешеная вакханалия. «Допьем романовские остатки» — этот веселый лозунг владел толпой. Пробовали замуровать входы — толпа проникала сквозь окна, высадив решетки, и грабила запасы. Пробовали заливать погреба водой, — пожарные во время этой работы напивались сами. Только когда за борьбу с пьяницами взялись Гельсингфоргские моряки, погреба Зимнего были обезврежены. Эта была своеобразная титаническая борьба. Моряки держались стойко, связанные свирепым товарищеским

обетом — «смерть тому, кто не выполнит зарока», и, сами в другое время великоленные «питухи», они победили николаевское разложение. Борьба на этом не кончилась. Пьяный угар заразил весь гарнизон. Совнарком, наконец, выделил специальное лицо, снабдив его исключительными полномочиями и дав ему сильный отряд. Это лицо тоже оказалось мало состоятельным... На Васильевом Острове борьба была поведена твердо. Финляндский полк, руководимый элементами, тяготевшими к анархо-синдикализму, объявил остров на осадном положении и заявил, что будет расстреливать грабителей на месте, а винные погреба взрывать. Лишь с большим напряжением удалось преодолеть это пьяное безумие. Итоги борьбы были жестокими. Пришлось истребить массу людей, употреблявших вино и чистого спирта. Гарнизон почти целиком разложился. Красногвардейцы надорвались на караульной службе.

Среди этой окаянной темной борьбы, не дававшей совершенно покоя ни днем ни ночью, продолжалась большая организационная работа.

На заседаниях гарнизонного совета обсуждались положения нового военного устава, вопросы о взаимоотношениях между командованием и солдатами, вопросы караульной службы и т. д.

Особенное значение приобрел вопрос о национальных частях. Еще при Временном правительстве этот вопрос был поставлен достаточно остро, и уже тогда началась некоторая украинизация частей.

Национальные стремления среди частей вызывались в значительной степени искусственно, теми элементами, которые старались прикрыть национальной оболочкой свою антисоветскую сущность, но, поскольку такие стремления проникали в солдатскую массу, мы шли им навстречу, ставя себе задачей овладеть этими стремлениями и устранить антисоветские влияния.

Признающие себя украинцами сводились в особые части с выборным командованием. Им выделялось определенное, в процентном отношении, количество вооружения, и они, в составе новых Украинских полков, отправлялись к себе на родину. Конечно, мы старались добиться, чтобы во главе этих частей стояли советские комиссары. Мы, сверх того, брали с них торжественное обещание действовать в духе советской власти. И в ряде случаев мы могли впоследствии убедиться, что сол-

ты-украинцы оставались по меньшей мере нейтральными в разгоревшейся борьбе.

Работой по формированию украинских частей руководила в Петрограде «Украинская Войсковая Рада», состоявшая из украинских шовинистов.

Для противодействия националистическому уклону среди украинцев, действовал особый революционный комитет украинцев, который подбирал большевистские украинские части. Штаб этого комитета был в Царском Селе.

Другие национальности и в том числе белоруссы поставили также вопрос о выделении своих воинских частей. Последним были готовы идти навстречу, ибо в белорусских частях видели известный противовес польским легионам, расположенным далеко от Революционной Ставки и представлявшимся чрезвычайно ненадежными.

Особенное значение приобрела, однако, непосредственно боевая работа.

Надо было обеспечить связь Петрограда с промышленными и хлебными районами, надо было содействовать распространению советской власти на всю территорию страны.

В виду поступивших сведений об угрозе Челябинску со стороны казачьего атамана Дутова (из Оренбурга), была снаряжена экспедиция на Урал, которая выступила в составе 17-го Сибирского стрелкового полка и отряда матросов мичмана Павлова при комиссаре Щекине.

Попытка придать этой колонне подкрепление из Архангельских моряков не удалась. Беломорский флот, хотя и выразил полное сочувствие Советской власти, однако не смог выделить боевых сил. Отряд Павлова впоследствии превосходно работал против Дутова и содействовал занятию нами Оренбурга к концу января 1918 года.

Почти тотчас же за ликвидацией Керенского-Краснова, пришлось думать о том, чтобы обезопасить столицу со стороны продолжавших двигаться, по указаниям Ставки, на Питер фронтовых войск.

Особенно много хлопот причинила 3 Финляндская дивизия, которая была направлена Керенским с фронта, в расчете на ее антибольшевизм. Мне пришлось выехать навстречу этой ди-

визии и вести переговоры с ее комитетом, а также наблюдать ее полки в Луге и т. д.

Очень быстро удалось установить, что дивизия в целом, т. е. ее солдатская масса, не имеет никаких контр-революционных намерений, а тянется в Питер исключительно для отдыха. Мы столкнулись с дивизионным комитетом о посылке квартирмейстеров в окрестности Петрограда и о размещении в них дивизии.

Положение в Москве нас озабочивало в крайней степени. Борьба в Москве уже затихала, когда мы, наконец-то, оказались в состоянии послать серьезную поддержку московским товарищам. Туда выехал отряд под общей командой полковника Потапова, командира стрелкового Финляндского полка с одним батальоном этого полка, частью матросов с тов. Ховриным и т. Желтковским во главе, отрядом красногвардейцев с Путиловского завода с изготовленной на этом же заводе бронеплощадкой под командой т. Зайцева. Этот отряд нагнал у ст. Бологое бронированный поезд ударников, действовавший в свое время против Петрограда. После этого, перед которым рабочие разобрали путь, сдался без сопротивления, и, восстановив путь, весь отряд проследовал в Москву. Впоследствии, этот бронированный поезд сослужил большую революционную службу на Юге. В Москву отряд тов. Потапова прибыл уже к окончанию борьбы с юнкерами. Тов. Потапов со своим полком отбыл обратно в Петроград, а остальной отряд, несколько пополненный в Москве, направился на Юг к Харьков. Это движение частей отряда Потапова к Югу имело связь с общим планом действия против контр-революционных сил, группировавшихся на Дону.

По широко задуманному мною плану, предполагалось действовать как непосредственно частями с юго-западного и западного фронтов, пробиваясь через Украину, так и частями из Петрограда, Москвы в общем направлении к Донецкому Бассейну.

К этому времени, было точно известно, что на Дону группируются силы контр-революции, что туда пробирается Корнилов, бежавший из Быхова, вместе с другими контр-революционными генералами.

Тайная разведка моего штаба к концу ноября напала на след целой организации, вербовавшей пополнения на Дон к генералу Алексееву и ловко наладившей отправку их из Петро-

рада. На Николаевском вокзале арестовано несколько десятков переодетых юнкеров и офицеров. Захвачен и руководитель всей организации — офицер одного из ударных батальонов, правый сер, державшийся на допросе довольно нахально. Одновременно был захвачен и адъютант Керенского, Петров, за которым по слухам следили два наших разведчика, надеясь разыскать через него убежище «Главковерха». След привел на Украину, где и пришлось арестовать Петрова, из боязни, что он укроется под крыло Рады или Каледина.

Было известно, что Каледин группирует у себя большие силы, стягивая Донцов с фронта, и что он, вместе с терским, кубанским и астраханским казачьими атаманами, затеял создание единого «юговосточного союза», намереваясь противопоставить это контр-революционное объединение Советской власти севера.

Каледин действовал, при явном попустительстве, а может быть и при тайном сговоре с Украинской Центральной Радой, которая открыто проявляла вражду к Советской власти и подготавливала определенный разрыв с нею.

Было ясно, что в случае, ежели бы мы дали окрепнуть этому контр-революционному движению, оно в благоприятной обстановке казачьих областей, могло основательно отрезать нас от Кавказа и Бакинской нефти, лишая Советский центр также и угля Донецкого бассейна, марганца Криворожья, хлеба Украины. Было вместе с тем очевидно, что это контр-революционное объединение не остановилось бы перед союзом с иностранными империалистами и превращением юга в плацдарм для развития иностранной интервенции, на предмет удушения Советской власти и превращения России в колонию иностранного капитала.



Генерал Каледин

Таким образом все будущее нашей страны зависело от успехов калединской затеи.

Совет Народных Комиссаров не мог смотреть спокойно на контр-революционную работу Каледина.

6-го декабря Совнарком издал следующее обращение ко всем советам:

«В то время, как представители рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ведут переговоры, чтобы обеспечить стабильный мир, — враги народа, помещики и банкиры с их союзниками генералами предприняли последнюю попытку сорвать дело мира и вырвать власть из рук советов и землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону и Дутов на Урале подняли знамя восстания, кадеты и буржуазия дают им необходимые средства для борьбы против народа; Миллютин, Языков, Миллюковы, Гучковы и Коноваловы хотят вернуть себе власть при помощи Каледина, Корниловых и Дутовых и превращают трудовое казачество в орудие для действий в преступных целях; Каледин ввел на Дону военное положение, препятствует доставке хлеба на фронт и собирает силы, угрожая Египту, Тернополю, Харькову и Москве. К нему на помощь прибегавший из заключения Корнилов, тот самый, который в июле ввел смертную казнь.

«Буржуазная Центральная Рада Украинской республики ведет борьбу против украинских советов, помогает Калединам отбивать войска на Дон, мешает Советской власти направлять необходимые военные силы через землю братского украинского народа для подавления калединского мятежа. Кадеты, злейшие враги народа, подготовлявшие вместе с капиталистами воюющие страны нынешнюю мировую войну, надеются изнутри Учредительного Собрания притти на помощь генералам Каледина, Корниловым и Дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ рабочих, солдат и крестьян.

«Революция в опасности.

«Нужно народное дело довести до конца. Нужно сместить врагов народа. Нужно, чтобы контр-революционные заговоры и казачьи генералы и их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа.

«Совет Народных Комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контр-революционное восстание будет подавлено. Виновники понесут кару, отвечающую тяжести их преступления.

«Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Все те области на Урале, Дону и в других местах, где обнаружатся контр-революционные отряды, объявляются на военном положении.

2) Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.

3) Какие бы то ни было переговоры с вождями контр-революционного восстания или попытки посредничества воспрещаются.

4) Какое бы то ни было содействие контр-революционерам со стороны местного населения или железнодорожного персонала будет караться по всей тяжести революционных законов.

5) Вожди заговора объявляются вне закона, и всякий трусовый казак, который сбросит с себя плго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны советской власти».

Немедленно, по получении известий о замыслах контр-революции, мною был разработан такой план:

1) Опираясь на черноморцев, провести вооружение и организацию красной гвардии в Донецком бассейне.

2) С севера и из Ставки двинуть сборные отряды к югу в исходные пункты — Гомель, Брянск, Харьков, Воронеж.

3) 2-й гвардейский корпус, особенно настроенный, двинуть из района Жмеринки-Бара к востоку, для сосредоточения в Донбасе.

Для проведения этого плана, в Севастополь посланы несколько матросов-балтийцев, во главе с тт. Шерстобитовым и Любичкиным, которые должны были побудить черноморцев дать оружие и организаторов для рабочих Донбаса.

Революционный штаб Ставки (во главе его Тер-Арутюнянц и комиссар Склянский) получил от меня определенные указания и начал действовать (в общем) в их смысле.

14 декабря я имел следующий разговор по прямому проводу со Ставкой:

У аппарата Антонов; что нового, тов. Склянский?

Склянский (из Ставки). Здравствуйте. По сообщениям, полученным мною от главного комиссара Романеса, Ростов, Таганрог, Таганрог в руках революционных войск и черноморской флотилии. Командующий контр-революционными войсками генерал Потоцкий и его штаб арестованы и находятся на транспорте. Из Одессы посылается новый отряд из 3.500 человек соединенных сил матросов, солдат и рабочих гор. Одессы. Вечером адъютант Московского Военного Округа передал следующие сведения относительно Дона. Фамилия адъютанта Грицак. В Новочеркасске находятся Каледин, Лукомский, Родзянко, Деникин и Алексеев. В трех Новочеркасских полках до 16 тысяч винтовок и громадное количество патронов, имеется также и артиллерия. Кругом Ростова — кольцо казаков Донской Область. Казаков под ружьем 50 тысяч. Происходит мобилизация стариков. Ежедневно прибывают новые казачьи части. В некоторых казачьих частях — брожение по поводу этой мобилизации, как пехотинцев увольняют. В каменноугольных копях уголь вырывается. Москвичи двинули туда блиндированный поезд и Белгородский польский полк, представители которого выражали полное подчинение революционной власти и который отныне назван первым польским революционным полком. Кроме того из Борисоглебска обещают двинуть одну батарею легкой артиллерии и кавалерию. У кубанцев идет сильная борьба с пугачами, которые делают набеги на станицы. Третьего дня Московский отряд взял без боя Калугу, ударники разоружены и арестовываются. Арестован Дударов. Местный гарнизон вооружается и вооружается. Передаю вам состав северного отряда, о котором вам вчера говорил в общих чертах тов. Терентьев и отправка которого задерживается из-за ремонта паровоза блиндированного поезда. Ремонт закончится на днях. Кроме блиндированного поезда, входят 60-й Сибирский стрелковый полк, 3 пулеметных команды, две броневых машины, вторая батарея 132-й отдельный артиллерийский дивизион, Брянский отряд красной гвардии — 800 штыков, 17-й стрелковый полк, 37-й запасный полк — 500 штыков, 19-й Стрелковый полк, еще один

легкая батарея, противозаэропланная, 10 орудий и еще одна батарея, того 20 орудий. Эти части находятся в районе Гомель-Брянск.

Распоряжения, данные на южный фронт, повидимому, исполняются. В Орше есть 500 легких орудий, вполне снабженных всем, не хватает людей. Людей можно взять из запасных артиллерийских частей, расположенных кругом Петрограда. Отряд пошел из Новгорода эшелонами, 10 тысяч кавалерии и пехоты на Брянск».

Указанный в конце этого разговора отряд, на деле значительно меньший по количеству, был сформирован тов. Кудинским.

Выдвинувшийся еще в Октябрьские дни, как комиссар Литовского и 6-го саперного полков, с-р. максималист Кудинский был мною послан в Новгородскую и Петроградскую губернии для формирования боевых сводных отрядов тотчас же после ликвидации Краснова (из Старой Руссы ко мне явилась делегация от тамошнего запасного драгунского полка, который весь примыкал к Советской власти с предложением двинуть весь этот полк на контр-революционеров, и тов. Кудинский был поставлен в связь с этим конным полком). Кудинскому, назначенному мною начальником северных Советских отрядов, был подчинен и отряд тов. Сахарова, имевшего нач. штаба тов. Сиверса (быв. редактора «Окопной Правды»). Тов. Кудинский получил задание, организовав несколько таких сводных отрядов, сосредоточить их в Брянске, откуда установить связь с нашими военными силами в Гомеле, а также с отрядом тов. Потапова, который должен был продвигаться из Москвы к Туле..

Для содействия колонне тов. Потапова, был направлен вслед за ней особый поезд снабжения № 1 революционных войск штаба Петроградского Ревкома, с начальником тов. Толкачевым.

22-го ноября этот поезд прибыл в Москву, 2-го декабря — он в Туле грузит оружие, через четыре дня вышел из Тулы в Харьков с оружием для тамошних рабочих и Донбаса. В эту пору была получена телеграмма от комиссара отряда тов. Павлуновского одвигающихся на Белгород эшелонах ударников. В этих эшелонах продвигался сводный отряд в составе — «первого ударного революционного» полка, бежавшего из Ставки при приближении наших войск, 4 и 8 ударных батальонов,

2 Оренбургского батальона (прибывшего в Ставку с юго-западного фронта) и Финляндского штурмового батальона.

Потерпев под Жлобиным неудачу в столкновении с 60-м бирским полком (полком командовал капитан Андреев), ударники пытались прорваться через Белгород, Купянск на Дон, но рядом Ховрина, двигавшимся из Москвы, были остановлены 7-го декабря у ст. Тамаровка (в 28 верстах от Белгорода). Ударников было до 3000 при 50 пулеметах.

С нашей стороны действовали два бронепоезда, 60 матросов балтийцев, 93 человека команды блиндированного поезда с рабочими на путиловских платформах, 95 штыков 251-го пехотного запасного полка из Москвы, 35 — школы прапорщиков, 43 — команды Петроградского бронедивизиона, 29 ч. Московских артиллеристов, 46 ч. команды поезда снабжения — всего 391 человек. Бой не был особенно упорным. После серьезной неоднократно возобновлявшейся перестрелки, наш отряд отошел к Белгороду. Сюда подоспел вскоре отряд черноморцев — 500 ч., под начальством Гусельгорского, и эшелон 30-го пех. полка из Харькова (т. Руднев). Ударники начали было наступать к Белгороду, но, узнав о подошедших к нам подкреплениях, решили, бросив эшелоны, идти на Дон походным порядком. Наши потрепали их в 4 арьергардных боях; многие разбежались, остальные почти окружены нами у Белое (17-го декабря) разоружены, а частью перебиты.

Отряд Ховрина застрял было в Белгороде, смущенный неопределенным настроением расположенного там польского запасного полка и слухами об угрожающем положении в Харькове (из Харькова прибыл к отряду представитель тамошней «Ревштаба», рисовавший всяческие ужасы и предложивший Ховрину не входить в город).

Отряд Гусельгорского, впрочем, вскоре после боя с ударниками отъехал обратно в Крым, вызванный из Севастополя.

К 14-му декабря подошел к Белгороду с севера через Смоленск-Орел, Сиверс. Несмотря на устрашающие известия из Харькова, он решил продолжать движение к югу и 19 декабря прибыл в Харьков.

В это время боевая работа разворачивалась и со стороны Ставки (Могилев). Сейчас же, по занятии Ставки революцион-

ыми войсками, отряд матросов был двинут к югу для прикрытия Ставки со стороны Гомеля. Мною уже сообщалось о стычке 10-го Сибирского пехотного полка под Жлобиным с отрядом ударников. Стычка эта кончилась поспешным бегством ударников в эшелонах.

Особое значение имело столкновение с корниловцами у г. Унечи. Здесь первый Минский революционный отряд, под начальством Андреева, имел короткую перестрелку с конвоем Корнилова, бродившим по Украине в поисках эшелонов для отправки на Дон. Корнилову удалось скрыться, а текинцы из них несколько офицеров сдались. Всего сдались 264 человека. Впоследствии, по доставке их в Брянск, они были освобождены, кроме офицеров, направленных, по приказанию Ставки, в Могилев.

Настроение рядовых текинцев было отнюдь не антисоветское, — они хотели лишь одного — добраться скорее домой.

Из Ставки целый ряд товарищей был послан к югу, а также в Гомель и Брянск для проведения необходимых организационных и оперативных мер. Тов. Фейерабенд и Лысяков направлены были в Жмеринку в штаб 2-го гвардейского корпуса, имея в виду, во исполнение моих указаний из Петрограда, воздействовать на корпус для направления его через Украину на Дон, тов. Чудновский и Рошаль на юго-западный фронт.

Положение в Ставке представлялось тогда неопределенным и опасным. Прежде всего, держали себя подозрительно польские части, расположенные вблизи Рогачева, Жлобина и т. д. Затем на Украине в Киеве и вплоть на север до Гомеля, все находилось в неустойчивом состоянии. Рада вела двойственную политику, готовясь к разрыву с Советской властью и усиленно украинизируя фронт и тыловые части. Это положение требовало твердых и решительных действий со стороны Ставки.

15-го декабря в Ставке было решено назначить командиром 1-го Минского отряда тов. Берзина, а начальником штаба его Андреева, и был принят план, предложенный тов. Берзиным (этот план не был особенно согласован со мной и входил в некоторый разнбой с отдававшимися мной распоряжениями).

По приказу от 15-го декабря за № 9, Военно-Революционный Комитет при Ставке передает в Минский отряд, состоявший

до сих пор из 60-го стрелкового полка и 132-го — отдельного артиллерийского дивизиона, еще 17 — 19-й стрелковые полки, 2 эскадрона плана, первую революционную батарею, противозаградную батарею и отряд красногвардейцев из Брянска в 700 человек.

Берзину и его отряду давалась следующая «диспозиция». Вверенному вам отряду направляться по двум направлениям: 1) Гомель, Бахмач; 2) Брянск, Орел, Курск, Воронеж, Лиски. Занять опорный пункт для сосредоточения войск в Харькове.

В Харькове создать Полевой штаб, подтянуть войска и направлять их на юг к Ростову и т. д.

Одновременно тов. Берзину сообщалось из Ставки, что, в переговорах со мной, Кудинский направляется из Новгорода с большим отрядом пехоты и кавалерии и, кроме того, из Петрограда идут отряды солдат и моряков («до 6.000 человек») на Дон.

Берзину предлагалось координировать свои действия с Кудинским — «вы продвигаетесь с северо-запада, а они идут с севера к Ростову, с юга и юго-запада двинутся черноморцы. Отряд Фейерабенда направляем с запада».

Этот приказ оказалось чрезвычайно трудно выполнить — одна из частей не была пригодна для немедленной борьбы с контр-революцией. Некоторые отказались выступить, и предъявляли требования на дополнительное обмундирование, денежное снабжение и т. д.

14-го декабря тов. Берзин издал в Гомеле свой приказ № 1 по Минскому отряду. Он разбил свой отряд на две колонны по названию входящих в него номеров полков. 17-я колонна полковника Зайцева — 17-й стрелковый полк с 3-мя пулеметными командами, 2 бронированные машины, — должна была 15-го декабря выступить со ст. Почеп, двигаться через Брянск, Курск, Воронеж, Лиски к Миллерово, где ждать дальнейших распоряжений. 19-я колонна, с полковником Волобуевым и комиссаром Алистратовым — в составе 19-го полка, трех пулеметных команд, одной шестирудийной легкой батареей, 37-го запасного пехотного полка в 500 штыков и блиндированного поезда — должна была 15-го декабря выступить со ст. Клинцы и Унеча и следовать через Гомель, Бахмач на Харьков, где ждать дополнительных распоряжений.

«Резерву» под командой Розенберга, командира 60-го Сибирского полка, — 3 батареи, 3 пулеметных команды, одна легкая артиллерийская батарея и 2 батареи 132-го арт. дивизиона — призывалось 15 декабря выступить из Гомеля на Бахмач, Ромны, Приковка, Харьков, где ждать дальнейших распоряжений.

В приказе относительно продовольствия частей говорилось просто, — «организовать реквизицию продовольствия», для чего каждому полку выделить реквизиционную комиссию с полковым комиссаром, которые, отправляясь вперед, заготавливают эшелону продукты. От каждого полка выделяются представители в отрядный комитет.

Ни при одной колонне не было организовано штаба. Дисциплина отсутствовала. Связь действовала до крайности слабо.

Тов. Берзин, во многочисленных переговорах со Ставкой, дает отчет о своих больших затруднениях. Затруднения эти — из-за недостатка продовольствия, из-за самоуправства частей. 37-й полк, оказавшийся совершенно небоеспособным, самочинно прибыл из Клинцев в Гомель с намерением отправиться в Минск. 2-ю батарею пришлось отправить обратно, за полной непригодностью.

Тов. Берзин отмечает также массовую перевозку спирта и вина по железным дорогам. Это вино распространяется явно провокационной целью. Эшелоны солдат разбивают вагоны, напиваются, и части разлагаются. Идут грабежи...

К этому времени, на всех фронтах было заключено перемирие с немцами.

Надо было использовать перемирие для спешной организации новых революционных сил. Представилась возможность двинуть с фронта серьезные части против контр-революции на Дону, и энергичная подготовка к отправке этих частей началась.

Но лишь с большим опозданием, тов. Берзину удалось двинуть свои 2 колонны по назначению.

Вокруг этих колонн кипела контр-революционная работа как со стороны некоторых элементов железнодорожников, так особенно со стороны офицеров, ведущих линию «нейтральности» и игравших на стремлении солдат к демобилизации.

Тов. Берзину приходилось действовать очень решительно и он, властью Революции и, как представитель Военно-Революционного Комитета Ставки, предписывал переизбрание Советов

и создание Военно-Революционных Комитетов как в Почепе, так и в Гомеле.

Лишь 20-го декабря первые эшелоны 17-й колонны прибыли в Брянск, а остальные еще находились в Гомеле. 19-я колонна к этому времени уже отправилась по своему маршруту (к Лиску).

20-го декабря прибыли в Брянск Кудинский и сразу разделили свои действия с Берзиным. Сейчас же начинается работа по созданию Красной Гвардии в Брянске. Использованы были и 17 пулеметов, которые вынуждены были бросить ударные отряды, пробивавшиеся на Белгород.

Но особенно значительные осложнения проявились при попытках Берзина продолжать движение вглубь Украины. Вся 19-я колонна оказалась ненадежной, когда пришлось действовать против Украинских частей, занявших Бахмач и отказавшихся пропускать дальше эту колонну.

Тщетно тов. Берзин, действуя по указанию Ставки, требовал от начальника колонны Волобуева решительных действий. Волобуев вступил в переговоры с украинским полком, занявшим Бахмач и разобравшим впереди путь. Украинцы заявили, что ни в коем случае не пропустят наш отряд и будут стрелять. Волобуев при таких обстоятельствах не решился действовать. Полки 19-й колонны, устроив митинг, высказались против наступления на Бахмач, заявили, что будут бороться только против Каледина и что готовы ехать на Харьков только через Брянск. Волобуеву пришлось выехать обратно в Гомель, куда начинали стягиваться в эшелонах части его колонны.

Ставка требовала самых решительных действий для прорыва через Бахмач и указала на то, что Рада на предъявленный Ставкой ультиматум ответить отказалась.

Но внутри 19-й колонны было не мало солдат, считавших себя украинцами, и было очень мало революционных сознательных элементов, понимавших контр-революционность Рады. Только командир блиндированного поезда тов. Пролыгин был готов действовать более решительно. В самом Гомеле свободно выходили антисоветские газеты, велась определенно контр-революционная агитация, разлагавшая части первого Минского полка. Берзин приказал закрыть буржуазные газеты. Исполком отказался это приказание выполнить.

18-го декабря Берзин предписал Розенбергу, начальнику своего резерва, закрыть газеты, в течение 5 дней, произвести переизбрание Гомельского Совета и создать Военно-Революционный Комитет.

Командующий западным фронтом, Каменьщиков и штабс-кавалерии требовали в свой черед от Берзина самых решительных действий против Рады. Но, после переговоров с Волобуевым, Берзину пришлось согласиться на задержку всей 19-ой колонны в Гомеле, и он сам выехал в Гомель для того, чтобы на месте принять меры против разложения своего отряда. В этих целях, им был издан приказ о выделении из частей всех тех, кто не согласен исполнять приказы революционной власти. В каждом полку должен быть выделен отряд человек в 200 наиболее надежных людей.

18-го декабря Кудинский в Брянске издал характерные приказы, показывающие одновременно и размах его первоначального замысла и немудренность тогдашней военной организации.

Он разделил свои войска на четыре колонны, каждая силами не свыше батальона при батарее и десятке пулеметов. Первая должна была продвигаться к Лиски, откуда вместе с войсками Военно-Революционного Комитета действовать против Новочеркасска.

Вторая — занимает Купянск, чтобы отсюда, «совместно с В.-Р. Комитетом» действовать в направлении к Новочеркасску.

Третья — занимает Белгород и также совместно с «ВРК» действует в том же направлении.

Четвертая — резервная — отправляется в Воронеж.

17-й отряд (посланный Берзиным) Кудинский предполагал послать уже в Миллерово.

Надо отметить, что военно-революционных комитетов в указанных пунктах не только не имелось, но Купянск был занят гайдамаками.

В тот же день этот приказ был изменен приказом № 3. От движения к Лиски и Купянску Кудинский отказался. Первой колонне (Сиверса) предписано занять Белгород. Второй колонне (Соловьева) и остальным частям ждать распоряжений в Брянске.

В двадцатых числах декабря дислокация отрядов, подчиненных Кудинскому, была такова:

1. В направлении Гомель — Бахмач отряд тов. Берзина (личность уже была указана), находившийся в периоде реорганизации и усиленный матросами (500 ч.) под командой Яковлева.

2. В направлении Орел — Белгород «Северный летучий отряд» Сиверса — в составе 178-го пехотного запасного полка (Старой Руссы) под командой Шпмановского — 889 штыков: 1 гусарский Нежинский полк — 47 сабель, 76 штыков, 10 пулеметов, 40 чел. прислуги ¹⁾; Дновский гарнизон 200 штыков, 50 сабель, 3 броневика (из 2-го бронедивизиона), кроме того 6-орудийная батарея 17-го корпуса; сборная Петроградская самокатная команда — 14 самокатов, 9 мотоциклов, 4 пулемета. Всего 1165 штыков, 97 сабель, 14 пулеметов, 6 орудий, 3 броневика, 14 самокатов, 9 мотоциклов.

3. В Смоленске формировалась «вторая колонна» Соловьева. Сборный отряд из 17-го корпуса — 600 штыков, 10 пулеметов и Рославльский отряд — 500 штыков, 10 пулеметов и 2 орудия.

4. В Белгороде — вне связи с Кудинским, — отряд Ховрина 300 человек с бронеплощадкой тов. Зайцева.

5. В резерве — Брянский и Великолукский отряды 300 штыков, 50 сабель, Смоленская батарея, части 17-го корпуса и в ремонте в Брянских мастерских бронепоезд, отбитый в Бологое.

6. По дороге к станции Лиски — Чертково — «17 отряд», направленный Берзиным.

Колонны Кудинский организовал различным образом. Неполные бригады на добровольческих началах из фронтовиков и тыловых гарнизонов, эти отряды сводились по-ротно в более высокие соединения, во главе каждого отряда стоял выборный комитет для содействия штабу. Командир был большей частью и организатор данного отряда; в штабе находился заведующий передвижением и заведующий довольствием. Довольствие шло с местных складов.

22-го декабря Кудинский доносил мне из Брянска: «В Смоленске обезоружен 3-й бронедивизион, 3 броневика переданы в отряд Сиверса, начато формирование 6-орудийной батареи».

¹⁾ П р и м е ч а н и е. Очевидно, отдельная пулеметная команда этого полка.

В Рославле сформирован в один день отряд в составе 100 штыков, 2 орудий и 10 пулеметов.

В Брянске Советская власть неорганизована. Врачебная комиссия распустила до 75% солдат по домам (это тогда было бычным явлением)».

Кудинскому удалось вооружить в Брянске до 10 тысяч рабочих. Из Гомеля направлены в Брянск 50 тысяч винтовок. В Брянске формируются трехорудийная батарея и легкий артиллерийский парк. Там же подготавливается база для всего революционного фронта.

Сухарный завод поднят и вместо 150 пудов дает 1.000 пудов сухарей в день. С ревкомками различных городов Кудинский вошел в соглашение об известной поддержке революционному фронту и о добровольном обложении себя данью в пользу этого фронта.

21-го декабря на станции Липовская Риго-Орловской ж. д. разоружен эшелон украинцев из 121-й дивизии, в числе 840 человек при 2-х пулеметах, шедший на Жмеринку, где будто бы формируется «31-й Украинский корпус».

В Смоленске этот эшелон пытался арестовать член Военно-Революционного комитета. В Рославле произошло вооруженное столкновение с этим эшелом. Среди радовцев убито 2 и ранено 4. Эшелон удалось задержать, разобрав путь у станции Липовской. Сюда направлен из Брянска бронепоезд с отрядом в 400 штыков. Украинцы сдались; были разоружены и отправлены в Красное Село в распоряжение Украинского Военно-Революционного комитета. Офицеры арестованы.

21-го декабря в Орле задержан эшелон казаков, шедший с позиций на Дон (360 человек, 2 орудия). Казаки разоружены и отпущены. 22-го декабря у Брянска разоружена партия казаков (16 человек, 50 винтовок), направлявшихся в Ростов. Того же числа в Смоленске разоружены 3 эшелона украинцев «полуботковцев» и пропущены домой.

Тут же Кудинский сообщает об отправке им на подкрепление 1-го Минского отряда (Гомель-Бахмач) сводного морского отряда Яковлева и о вступлении Сиверса в ночь на 22/хл в Харьков.

Кудинский выработал следующий план: Отряды разбиваются на 6 колонн; первая и вторая занимают Купянск и организуют

оттуда снабжение оружием Донбаса. 3-я колонна из Ворошиловграда идет на Лиски, где ставит заслон со стороны Царицына, и продвигается до Миллерова, а затем занимает Лихую.

4-я колонна из Гомеля занимает Бахмач и далее Круты, Хотин и Гребенку, также вооружая здесь рабочих.

По выполнении этих задач, в зависимости от обстановки сосредоточение либо против Ростова - Новочеркасска, либо против Киева.

Кудинский считал ближайшей задачей вооружение рабочих Криворожского и Донецкого бассейнов и организацию тыла, а затем уже широко активные операции.

Но он шел слишком далеко в замыслах на счет продвижения вглубь Украины со стороны Гомеля. Это продвижение было временно приостановлено, в виду необходимости накопления сил и подготовки широкого охвата Украины со стороны частей Юго-западного и Румынского фронтов.

В подготовительный период, Кудинский находил необходимым общее руководство вести из Брянска, а не из Харькова, как не имеющего, по его мнению, надежного тыла. В Брянске он начал организацию продовольственной базы, с месячным постоянным запасом на 10 тысяч человек.

ГЛАВА II

Казацьи настроения. Совет казачьих войск и Казачий Комитет при ВЦИК. Совпарком и казачество. Мое назначение. В Ставке. Центральная Рада и Советская власть. Ультиматум 17 декабря. Из Питера — в Харьков. Общая обстановка. Первые распоряжения.

В это время, как заканчивалось, в описанной суматошной обстановке, накопление в исходных пунктах революционных войск против контр-революционного юга, я вел в Петрограде попутно определенную работу среди казачьих частей.

Донцы 1-го, 4-го и 14-го полков, расположенных в Питере, соблюдавшие в эти дни полный нейтралитет, добивались от нас согласия на отъезд на Дон, но не получали такого согласия до окончания их внутренней перестройки на основах выборного командования.

Одновременно я имел сношения с расположенной в Финляндии 5-й Кубанской казачьей дивизией, которая также не получила согласия на свой пропуск на Кубань, пока не была перестроена и пока не были в ней выбраны желательные для нас командиры и признан комиссаром тов. Мирошниченко, член казачьего отдела ВЦИК'а (этот отдел образован из подотдела 23 сентября 1917 г.).

В Питере еще существовал «Совет союза казачьих войск», во главе с определенными контр-революционерами. Казачий отдел ВЦИК задумал противопоставить ему объединение революционного казачества. 17 ноября он устроил совещание с представителями расположенных в Петрограде и Финляндии казачьих частей ¹⁾. На этом совещании решено создать выборный казачий комитет для защиты интересов трудового казачества (председателем избран Лагутин 14-го полка). Комитет должен содействовать выводу с фронта в родные области казачьих частей.

¹⁾ От 5-й Кавк. Кубанской дивизии, от Кубанской каз. батарее, 3-линейного казполка, 1-го Кавк. кавалер. корпуса 1, 4 и 14-го Донполков.

На одном из заседаний, с моим участием, разработан проект обращения Совнаркома к казачеству об устранении тягот казачьей военной службы, о признании права трудового населения казачьих областей на внутреннее разрешение земельного вопроса и о желательности созыва съезда трудового населения казачьих областей. Этот съезд предполагается созвать 1 — 14 января.

«Совет союза казачьих войск», однако, не уговорился по поводу обращения Совнаркома (от 6 декабря) ко всем советам о контр-революционных восстаниях Дутова и Каледина он принял на заседании 7 декабря следующую резолюцию:

«Казачество издавна представляет демократическую земельную общину, где проведено полное народовластие. Казачество делится на классы угнетателей и угнетенных. В казачестве земля с ее недрами принадлежит всему войску, как целое. Установившийся казачий общественно-экономический быт с идеями подлинного демократизма не должен возбуждать агрессивных действий со стороны центральной государственной власти, кому бы она ни принадлежала, хотя бы как ныне, представителям большевизма. Казачество, направившее всю свою энергию в данное время на устроение краевых дел, не питает намерений вторгаться в область борьбы за государственную власть и никаких шагов вне своих областей в этом направлении не делает. Введение военного положения в области Войска Донского еще 25-го октября, т. - е. до свержения Временного Правительства, было вызвано, несомненно, целями безопасности и сохранения общественного порядка в хлебородном и угледобывающем промышленном районе юга и в интересах обеспечения нормального подвоза к армии и к центру продовольственных и угольных грузов, но отнюдь не стремлением к борьбе за центральную власть. Вместе с тем, отсутствие центрально-государственной власти, всепародно признанной и правомочной действовать на имени всей страны, казачество считает недопустимым, как считает недопустимым и заключение мира с германцами без согласия на то союзных с ними держав.

В виду изложенного, совет союза казачьих войск, как объединенный орган всероссийского казачества, обсудив вопрос о непрекращающихся толках о посылке военно-революционных

омитетом воинских эшелонов, для тех или других действий большевиков, в казачьи области и, присоединяясь к резолюции Донского правительства Донской области, а также фронтового казачьего съезда, заявляет:

1. Что казачество ничего для себя не ищет и ничего себе не требует вне пределов своих областей; но в то же время, руководствуясь демократическими началами самоопределения народностей, оно не потерпит на своей территории иной власти, кроме народной, образуемой свободным соглашением местных народностей без всякого внешнего и постороннего давления.

2. Что посылка карательных отрядов против казачьих областей, а в частности против Дона, перенося гражданскую войну на окраины, где идет энергичная работа по водворению общественной безопасности и общественного порядка и по беспрепятственной доставке грузов, угля и нефти к городам России, вызовет расстройство транспорта и тем ухудшит продовольственное дело, приведя к расстройству житницы России.

3. Что казачество протестует против всякого введения посторонних войск в казачьи области без согласия войсковых или краевых казачьих правительств.

4. Что казачество, неисчислимо жертвуя по защите отечества, не может принять на себя последствий такого мира, который будет заключен без согласия народа в лице Учредительного Собрания».

Эта насквозь лицемерная резолюция была представлена 8 декабря делегацией «Совета Союза казачьих войск» военно-революционному комитету и председателю Совнаркома тов. Ленину.

Тов. Ленин и Военно-Революционный Комитет прямо заявили делегации казачьего совета, что Совнарком действительно посылает войска на юг, для защиты Донецкого бассейна от казачьих банд и ликвидации контр-революционного заговора на Дону. Эта экспедиция не только ни в чем не умаляет прав трудового казачества, но прямо является поддержкой ему в его борьбе с контр-революционным атаманством, втягивающим Дон в бунт против рабоче-крестьянской власти.

Делегаты казачьего совета держались весьма двусмысленно, усиленно подчеркивали нейтралитет Совета в гражданской войне, но не смогли скрыть своих явных симпатий каледищине.

Тотчас же я поставил в Казачьем Комитете ВЦИК'а реб
вопрос об этом совете.

13 декабря на совещании казачьего комитета, по
предложению, было решено казачьей рукой арестовать Со
союза казачьих войск. Этот арест, однако, не совсем уда
ибо большинство членов совета, кем-то предупрежденных,
бежалось. Всего из 33-х арестованы семь человек; они впе
ствии были выпущены и выбрались на Дон.

В результате работы Казачьего Комитета, появился впе
ствии декрет Совнаркома (от 25 декабря):

«Ко всему трудовому казачеству.

Властью революционных рабочих и крестьян Совет Нар
ных Комиссаров объявляет всему трудовому казачеству До
Кубани, Урала и Сибири, что рабочее и крестьянское пра
тельство ставит своей ближайшей задачей разрешение земе
ного вопроса в казачьих областях в интересах трудового ка
чества и всех трудящихся на основе Советской программ
принимая во внимание все местные и бытовые условия и
согласии с голосом трудового казачества на местах.

«В настоящее время Совет Народных Комиссаров постановил

1) Отменить обязательную воинскую повинность казан
и заменить постоянную службу краткосрочным обучением п
станциях.

2) Принять на счет государства обмундирование и снаря
жение казаков, призванных на военную службу.

3) Отменить еженедельные дежурства казаков при станичны
правлениях, зимние занятия, смотры и лагеря.

4) Установить полную свободу передвижения казаков.

5) Вменить в обязанность соответствующим органам п
народном комиссаре по военным делам по всем перечисленным
пунктам представить подробные законопроекты на утвержде
Совета Народных Комиссаров».

Советом Народных Комиссаров было также выпущено о
бое обращение к трудовым казакам:

«Братья казаки, вас обманывают. Вас натравливают
остальной народ. Вам говорят, будто Советы Рабочих, Солда
ских и Крестьянских Депутатов — ваши враги, будто они хот
отнять вашу казацкую волю, вашу казацкую «вольность».

«Не верьте, казаки, вам лгут. Вас преступно обманывают. Ваши собственные генералы и помещики обманывают вас, чтобы держать вас во тьме и в кабале. Мы, Совет Народных Комиссаров, обращаемся к вам, казаки, с этим словом.

«Прочитайте его внимательно и судите сами, где правда, где злой обман.

«Жизнь и судьба казаков была всегда неволей и каторгой. По первому зову начальства, казак обязан был садиться на коня и выступать в поход. Всю воинскую «справу» казак должен был создавать на свои кровные трудовые средства. Казак — в походах, хозяйство расстраивается и падает.

«Справедлив ли такой порядок? Нет, он должен быть отменен навсегда. Казачество должно быть освобождено от кабалы.

«Новая народная Советская власть готова прийти к трудовому казачеству на помощь.

«Нужно только, чтобы сами казаки решились отменить старые порядки, сбросить с себя покорность крепостникам — офицерам, помещикам, богачам, — скинуть с своей шеи проклятое ярмо.

«Поднимайтесь, казаки! Объединяйтесь!

«Совет Народных Комиссаров призывает вас к новой, более свободной, более счастливой жизни.

«В октябре и ноябре происходил в Петрограде Всероссийский Съезд Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов. Этот Съезд передал всю власть на местах в руки Советов, т.-е. в руки выборных от народа людей. Отныне не должно быть на Руси никаких правителей и чиновников, которые сверху командуют народом и помыкают им. Народ сам создает свою власть. У генерала не больше прав, чем у солдата. Все равны.

«Рассудите, казаки, дурно это или хорошо.

«Мы призываем вас, казаки, присоединиться к этому новому народному порядку и создавать ваши собственные Советы Казацких Депутатов. Этим Советам должна принадлежать на местах вся власть. Не атаманам в генеральских чинах, а выборным представителям трудового казачества, своим доверенным, надежным людям.

«Всероссийский Съезд Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов постановил все помещичьи земли передать в пользование трудового народа.

«Разве же это несправедливо, казаки? Корниловы, Каледины, Дутовы, Карауловы, Бардины всей душой стоят за помещиков-богачей и готовы утопить Россию в крови, только бы от земли за помещиками.

«Но вы, трудовые казаки, разве же вы сами не страдаете от бедности, гнета и земельной тесноты! Сколько есть казаков у которых не больше 4 — 5 десятин на двор? А рядом с ними казаки-помещики, у которых тысячи десятин своей земли и которые, сверх того, прибирают к рукам войсковые земли и угодья.

«По новому Советскому закону, земли казаков — помещиков должны без всякой платы перейти в руки казаков-тружеников от казачьей бедноты.

«Вас пугают тем, будто Советы хотят отнять у вас землю. Кто вас пугает? Казаки-богачи, которые знают, Советская власть хочет помещичьи земли передать в ваши собственные руки.

«Выбирайте же, казаки, за кого вам встать: за Корниловых и Калединых, за генералов и богачей, или же за Советы Беднотных, Солдатских, Рабочих и Казачьих Депутатов».

«Избранный Всероссийским Съездом Совет Народных Комиссаров предложил всем народам немедленное перемирие и честный демократический мир без обиды и ущерба для какого-либо народа. Все капиталисты-помещики, генералы-корниловцы встали против мирной политики Советской власти. Им война давала барыши, власть, чины. А вам, рядовым казакам? Вы гибли без смысла и без цели, подобно вашим братьям солдатам и матросам. Вот уже скоро 3½ года, как тянется эта проклятая бойня, которую капиталисты и помещики всех стран затеяли из-за своих выгод, из-за мировых грабежей. Трудовому казачеству война принесла лишь разоренье и гибель. Из казачьего хозяйства война высосала все соки. Единственное спасение для всей нашей страны и трудового казачества — в частности это скорый и честный мир.

«Совет Народных Комиссаров заявил всем правительствам и всем народам: «Мы не хотим чужого и не хотим отдавать свое. Мир без аннексий и контрибуций. Каждый народ должен сам решать свою судьбу. Не должно быть никакого притеснения».

нации над нацией». Такой именно честный, демократиче-
ский, т.-е. народный мир предлагает Совет Народных Комисса-
ров всем правительствам, всем народам союзным и враждебным.
Первый результат налицо: на русском фронте уже устано-
влено перемирие. Там уже не льется солдатская и казацкая кровь.

«Теперь, казаки, решайте сами: хотите ли вы дальше вести
эту пагубную, бессмысленную преступную бойню. Тогда поддер-
жите кадет, врагов народных, поддержите Чернова, Церетели,
Кобелева, которые бросили вас в наступление 18-го июня, под-
держите Корнилова, который ввел на фронте смертную казнь
для солдат и казаков. А если хотите скорого и честного мира,
тогда становитесь в ряды Советов и поддержите Совет Народ-
ных Комиссаров:

«Ваша судьба, казаки, в ваших собственных руках. Наши
общие враги: помещики, капиталисты, корниловцы, офицеры,
буржуазные газетчики обманывают вас и толкают на путь ги-
бели. В Оренбурге Дутов арестовал Совет и разоружил гарнизон.
Каледин угрожает Советам на Дону. Он объявил там военное
положение и стягивает туда войска. Караулов расстреливает
грузинцев на Кавказе. Кадетская буржуазия снабжает их своими
миллионами. Их общая цель: задушить народные советы, пода-
вить рабочих и крестьян, ввести снова палочную дисциплину
в армии и увековечить рабство трудового казачества.

«Наши революционные войска двинулись на Дон и на Урал,
чтобы положить конец преступному восстанию против народа.
Начальникам революционных войск отдан приказ: ни в какие
переговоры с мятежными генералами не входить, действовать
решительно и беспощадно.

«Казаки, от вас зависит теперь, будет ли дальше литься
братская кровь. Мы вам протягиваем руку. Объединяйтесь со
всем народом против его врагов. Объявите Каледина, Корнилова,
Дутова, Караулова и всех их сообщников и пособников врагами
народа, изменниками и предателями. Арестуйте их собственными
силами и передайте их в руки Советской власти, которая будет
их судить гласным и открытым революционным судом.

«Казаки, объединяйтесь в Советы Казачьих Депутатов. Берите
в свои трудовые руки управление всеми делами казачества.
Отбирайте земли у ваших собственников помещиков-богачей.

Передавайте их зерно, их инвентарь на обработку земель
дового казачества, разоренного войной.

Вперед, казаки, на борьбу за общенародное дело!

Да здравствует трудовое казачество!

Да здравствует союз казаков, солдат, крестьян и рабочих!

Да здравствует власть Советов Казачьих, Солдатских,
чих и Крестьянских Депутатов!

Долой войну. Долой помещиков и генералов-корниловцев!

Да здравствует мир и братство народов!»

Казачий Комитет, в свой черед, выпустил такое воззвание.

«Г р а ж д а н е - к а з а к и !

В феврале народ, недовольный царской властью, сверг
передав затем власть капиталистам и помещикам, которые избрали
из своей среды министров. Восемь месяцев эти министры
тягивали войну, чтобы больше выиграть для себя и своих
граничных союзников-капиталистов немецких, английских, фран-
цузских и австрийских. Народ увидел, что он обманут, что
капиталисты не могут быть его друзьями, и потому в Октябре
сверг этих правителей и взял власть в свои руки.

Представителями народной власти теперь являются на местах
Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов.

Уже изданы законы о переходе земли трудовому народу.

Война, затеянная царями, генералами, банкирами, помещи-
ками, чтобы увеличить свою власть, силу, свои богатства, а
народную кровь превратить в золото своих барышей, не нужна
трудовому казачеству, солдатам и крестьянам.

Все народы жаждут мира, только правителям он страшен
и невыгоден. Народная власть уже обратилась ко всем воюющим
государствам с предложением приостановить бойню, вступить
в переговоры и заключить мир без земельных и других при-
обретений и контрибуций (расходов на войну). Врагам бедного
трудового народа невыгоден такой мир, и они всячески тормозят
переговоры, стараются вызвать гражданскую войну внутри
страны, между собой: приверженцы старого режима, генералы
и другие разные высшие чины, из желания сохранить за собой
старые права и положение, мобилизуют темных казаков и
травливают на народ, заставляя их так же, как и царь, отстаивать
свои интересы.

Станичники! Не верьте этим лицемерам. Они говорят вам: советская власть заключает сепаратный мир только с Германией». Неправда. Предложено одинаково как врагам, так и союзникам, всем. Они запугивают нас союзниками, говоря, что союзники нас разобьют, это тоже обман, так как против свободного народа никакой народ не пойдет. С свободным народом воевать трудно, ибо тогда будет война не по приказу, а по знанию самого народа, а народная война страшна и могуча, русский народ не раз это доказал, спасая свои земли. Вина расходы падут на тех, кто будет затягивать войну. Земли казачьи принадлежат казакам, никто их отбирать не будет, а зарученное имущество на войне каждый казак получит вознаграждение.

Враги народа, чтобы разъединить дружную работу и вызвать недоусобие, начали устраивать казачьи и другие национальные спублики, а сами забирают власть, вводят военные положения, закабалывают вновь казачество.

Не ошибитесь, казаки, теснее сплотитесь со всем русским народом, соединяйтесь в гражданском управлении и политической жизни. В единении—сила, один за всех, а все за одного, узурпаторов власти, загибающих народную власть да деньги, ищите прочь. Не смотрите враждебно на рабочих: они на фабриках вырабатывают вам материю для одежды, военные и сельскохозяйственные орудия, а в шахтах добывают эти материалы. Снабжайте их хлебом и всеми питательными продуктами. Всеми силами старайтесь, чтобы не прерывались дружные работы, в этом залог свободы и блага. Земля наша богата, и все есть в избытке, нужна только дружная работа.

Да здравствует власть трудового народа!»

После того, как 5-я Кубанская казачья дивизия выполнила предъявленные ей требования, я разрешил ей двинуться на Кубань через Царицын, дабы прочистить дорогу нашим войскам и поддержать Советскую власть на Кубани. Это движение организовывалось, однако, крайне медленно.

С дивизией Краснова были также изрядные хлопоты. Эту дивизию сначала было решено перевести на северный фронт, под надзор латышей и сибирских стрелков, но фуражные условия побудили от этого отказаться, и дивизия, к которой был

приставлен надежный комиссар по выбору казачьего общества ВЦИК'а, была передвинута в район В. Лук, где она вскоре настолько «разложилась», что генерал Краснов вынужден был покинуть (отправился с Советского разрешения в Пятигорск), а ее полки, сдав оружие, получили разрешение на отъезд к своим родным полям.

В разгаре этих подготовительных мероприятий, я получил от тов. Ленина предложение указать, по соглашению с тов. Подвойским и Подвойским, лицо для непосредственного командования против Каледина и «его пособников» (под «пособниками» подразумевались поддерживающие Каледина контр-революционные украинцы). Я предложил самого себя для этой работы, что и было принято.

Тов. Ленин настаивал на немедленном отправлении в Харьков; но, в целях лучшей ориентировки и сговора с необходимыми для меня военными силами, я решил предварительно съездить в Ставку.

В Ставку я прибыл 16-го декабря. Здесь застал комиссариат северного фронта тов. Позерна, т. Мясникова (ком. западного фронта) и других. Ревштаб, сформированный в Ставке в главе с бывшим прапорщиком Тер-Арутюнянцем, показался чрезвычайно слабым. Аппарат ставки совершенно не был использован; специалисты почти не привлечены. Связь между отдельными фронтами поддерживалась не столько через технический аппарат Ставки, сколько особыми курьерами и комиссарами.

Положение вещей обрисовалось в следующем виде. С 1-го января до 14-го января по всем фронтам установлено перемирие (генерал Щербачев с румынского фронта еще 2-го декабря заявил о своем согласии приступить к переговорам с немцами).

С первых дней Октябрьского переворота, Рада заняла по отношению к Советской власти враждебное положение. Она находилась в сношениях с так называемым Обще-Армейским комитетом в Ставке, предлагая ему взять на себя почин в создании нового, в противовес большевистскому, государственного аппарата.

20-го ноября Рада выпустила так называемый 3-й универсал, который начинается такими словами: «Настал тяжелый час для Российской Республики. В северных столицах идет кровавая междоусобная борьба. Центрального Правительства нет, и в стр

дворяется беспорядок, безвластие, анархия»..., а заканчивается к: «Мы, Центральная Рада, призываем вас к решительной борьбе с захватами, безвластием и анархией».

Чрезвычайно внимательно относясь к правам наций на самоопределение, Советская власть с первых же шагов признала зоговорочно право на государственную самостоятельность украинского народа, согласилась не задерживать вывода украинских частей с фронта на Украину, согласилась возвратить все национальные украинские памятники, вывезенные Украины, и т. д. И все же Рада продолжала держаться вызывающе-враждебно по отношению к Совнаркому.

В начале декабря, тов. Троцкий передал по прямому проводу тов. Крыленко в Ставку: — «Предлагаем принять представителя украинского штаба при вашей Ставке. Равным образом предлагаем включить представителя Центрального Секретариата в состав Общероссийской Мирной Делегации. Что касается создания единого украинского фронта из нынешних юго-западного и румынского, то вопрос этот остается открытым. Вполне одобряем нашу политику; не чинить никаких препятствий передвижению украинских частей с севера на юг, поскольку это допускается общим положением фронта и состоянием транспорта. Украинские трудящиеся массы должны на деле понять, что Общероссийская Советская власть не будет чинить никаких затруднений самоопределению Украины, в какие бы формы это самоопределение окончательно ни вылилось, и что признание народной Украинской Республики со стороны Российской власти самое полное».

Разговор этот происходил 7-го декабря.

Уже после того, как выяснилось определенное враждебное настроение Центральной Рады, Ставка запретила отъезд украинских войск с северного и западного фронтов и отклонила предложения Рады на выделение Украинского фронта. Тогда Центральная Рада обратилась с приказом по всем частям возвращаться домой без разрешения местных командующих и объявила юго-западный и Румынский фронт слитыми в единый Украинский фронт, под командованием генерала Щербачева.

Это был открытый разрыв Рады с Совнаркомом.

Продовольственное положение на фронте было крайне тяжелым, Рада же не пропускала продовольствия на фронт.

В начале декабря закончился съезд юго-западного фронта на котором в большинстве были представлены соглашательские до революции избранные, элементы. На Съезде произошел раскол. Выделился большевистский ревком, который однако не смог взять власть. Рада и поддерживающие ее соглашатели вели борьбу за власть и использовали также контр-революционное офицерство, во главе с командующим генералом Володько. Ревкому не удалось уговорить ни одного из высших офицеров взять на себя командование фронтом, и фронт остался неорганизованным в своем центральном командовании. Борьба за упрочение организации велась Радой с чрезвычайным напряжением, и следовательно Рада совершенно беспрепятственно пропускала на Дону вооруженные казачьи части, шедшие на поддержку Каледина, и явным образом поддерживала тягу контр-революционного офицерства на Дон.

Столкновение с Радой представлялось совершенно неизбежным, и при мне тов. Крыленко, по указанию Смольного, отправил в Киев следующий ультиматум:

«Исходя из интересов единства и братства союза рабочих и трудящихся эксплуатируемых масс в борьбе за социализм исходя из признания этих принципов многочисленными решениями органов революционной демократии советов и особенно 1-го Всероссийского Съезда Советов, социалистическое правительство России, Совет Народных Комиссаров, еще раз подтверждает право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России.

«Поэтому мы, Совет Народных Комиссаров, признаем право Украинскую республику, ее право совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой о федеративных или тому подобных взаимоотношениях между ними.

«Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, признается нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же, без ограничений и безусловно.

«Против Финляндской буржуазной республики, которая остается пока буржуазной, мы не сделали пока ни одного шага в смысле ограничения национальных прав и национальной не-

заинтересованности финского народа, и не сделаем никаких шагов, угрожающих национальной независимости какой бы то ни было страны из числа входящих и желающих войти в состав Российской Республики.

Мы обвиняем Раду в том, что, прикрываясь национальными фразами, она ведет двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и советской власти и на Украине (между прочим, Рада отказывается созвать, по требованию советов Украины, крайний съезд Украинских советов немедленно). Эта двусмысленная политика, лишаящая нас возможности признать Раду, как полномочного представителя трудящихся и эксплуатируемых масс Украинской республики, довела Раду в самое последнее время до шагов, означающих уничтожение всякой возможности соглашения.

«Такими шагами явилась, во-первых, дезорганизация фронта.

«Рада перемещает и отзывает односторонними приказами украинские части с фронта, разрушая таким образом единый общий фронт до размежевания, осуществимого лишь путем организованного соглашения правительств обеих республик.

«Во-вторых, Рада приступила к разоружению советских войск, находящихся на Украине.

«В третьих, Рада оказывает поддержку кадетско-калединскому заговору и восстанию против Советской власти. Ссылаясь заведомо ложно на автономные будто бы права «Дона и Кубани», прикрывая этим калединские контр-революционные выступления, идущие в разрез с интересами и требованиями громадного большинства трудового казачества, Рада пропускает через свою территорию войска к Каледину, отказываясь пропустить войска против Каледина.

«Становясь на этот путь неслыханной измены революции, на путь поддержки злейших врагов как национальной независимости народов России, так и советской власти, врагов трудящейся и эксплуатируемой массы — кадетов и каледицев, Рада вынудила бы нас объявить, без всяких колебаний, войну ей, даже если бы она была уже вполне формально признанным бесспорным органом высшей государственной власти независимой буржуазной Республики Украины.

«В настоящее время, в виду всех вышесказанных обязательств, Совет Народных Комиссаров ставит Раде, перед лицом народов Украинской и Российской республик, следующие вопросы».

1) Обязуется ли Рада отказаться от попыток дезорганизации общего фронта.

2) Обязуется ли Рада не пропускать впредь, без согласия верховного главнокомандующего, никаких войсковых частей, направляющихся на Дон, на Урал или в другие места.

3) Обязуется ли Рада оказывать содействие революционным войскам в деле их борьбы с контр-революционным кадетско-калединским восстанием.

4) Обязуется ли Рада прекратить все свои попытки разоружения советских полков и рабочей красной гвардии на Украине и возвратить немедленно оружие тем, у кого оно было отнято.

«В случае неполучения удовлетворительного ответа на эти вопросы в течение срока сорока восьми часов, Совет Народных Комиссаров будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине. Совет Народных Комиссаров».

Из Ставки я дал в Питер распоряжение распустить Революционный штаб Украинской Рады. Мои переговоры со Ставкой были короткими и чисто деловыми.

Я сговорился с тов. Крыленко относительно направления в мое распоряжение в Харьков частей с фронта. Позери обещал при этом дать одну пехотную дивизию, два латышских полка, кавалерийскую дивизию, дивизию легкой горной и дивизию тяжелой артиллерии, а также вспомогательные части. Тов. Мясников обязался выделить соответствующие силы на Гомель-Бахмачское направление. С Тер-Арутюнянцем было условлено, что наступление к Киеву произойдет после предварительного сосредоточения достаточных сил, в основном направлении Гомель-Бахмач-Гребенка, отрезывая Киев с востока. Одновременно с запада революционные войска наступают к Киеву от Шепетовки, Житомира, Жмеринки. 2-й гвардейский корпус (штаб в Баре) должен отправиться в мое распоряжение южными дорогами через Екатеринослав.

Я сговорился далее с тов. Крыленко о том, чтобы никакое продвижение войск в восточном направлении от фронта не производилось без моего согласия.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
КОМИССАРОВЪ.

Петроградъ.

8-го декабря 1917.

№ 76.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Дано сіе удостовѣреніе тов. Антонову въ томъ,
что онъ, съ согласія Главкома Криленко, Комис-
сара Подвойскаго и всей Коллегіи по военнымъ де-
ламъ уполномачивается для общаго руководства опе-
раціями противъ казаческихъ войскъ и какъ пособ-
никовъ.

Председатель Совѣта народныхъ

Комиссаровъ

Управляющій Дѣлами Совѣта

Секретарь

СОВѢТЪ НАРОДНЫХЪ
КОМИССАРОВЪ.

Петроградъ.

8-го декабря 1917.
№ 391.

Товарищъ Антоновъ, находящійся въ Москвѣ и слѣдующій въ
Петроградъ, въ качествѣ представителя, съ своей стороны
получилъ отъ Совѣта народныхъ Комиссаровъ (лично или чинимъ)
полномочіе на имя народныхъ Комиссаровъ о томъ, кого именно
онъ представляетъ, и въ силу военной власти, слѣдующей за
полномочіемъ, въ качествѣ представителя, и въ силу
полномочія, въ качествѣ представителя, и въ силу
полномочія, въ качествѣ представителя, и въ силу

Председатель Совѣта народныхъ
Комиссаровъ
Управляющій Дѣлами Совѣта
Секретарь

Вернувшись из Ставки, я имел вновь разговор с Владимиром Ильичом; сообщил ему о своих намерениях, получил от него некоторый выговор за медлительность, хотя не задерживал в Ставке ни на один лишний час. На вопрос Владимира Ильича, кого я беру с собой в Харьков, я сказал, что намерен взять начальником штаба бывшего подполковника Муравьева. Владимир Ильич отнесся с большим сомнением к целесообразности этого выбора. — «Смотрите — на вашу ответственность» — сказал он. Я условился также с Владимиром Ильичом сообщать ему обо всех назначениях и всю информацию давать с определенной условной отметкой, дабы гарантировать более или менее подлинность.

Взяв с собой несколько человек из моего полевого штаба, передав командование округом б. штабс-капитану Казанцеву, выехал в Харьков через Москву.

В Москву я выехал вместе с Муравьевым и еще несколькими работниками из Петроградского штаба (денег взяли с собой 20.000 руб.).

21-го декабря приехали в Москву. Были весьма приветливо приняты революционным командующим Мураловым, сразу сдружившимся с Муравьевым. Москва, к этому времени, почти ничего еще не сделала для борьбы с контр-революционным югом. Выделен был лишь небольшой отряд, усиливший отряд Ховрина и Сиверса; а, судя по описанию гарнизонов, сделанному Муравьевым, Округ мог бы выставить до 30 тысяч бойцов.

Предварительный план наших действий в Москве наметился по совету Муравьева, так: накапливание сил в Харькове, Купянске и Воронеже; из Харькова и Купянска руководство работой по организации сил в Донбасе, главный удар по магистрали Воронеж-Новочеркасск.

Оставив в Москве для связи одного товарища, мы с Муравьевым, преисполненные наилучших ожиданий от энергии Московского Округа, поспешили к югу.

В Орле застали довольно неустойчивое настроение. Ревком не знал, как быть с вооруженными украинцами, пробиравшимися к Киеву, и казачьими эшелонами, спешившими на Дон. 23-го декабря мною оставлен Орловскому Ревкому приказ — украинские части, следующие в распоряжение Центральной

Разоружать; приступить к организации поддержки борьбы против Каледина. Для последней Орел должен выделить в Харьков, в мое распоряжение, особый отряд с одной батареей и одной конно-горной артиллерии, присоединив последний к направляющемуся из Тулы в Белгород-Купянск «1-му Революционному отряду» (600 штыков, 16 пулеметов).

В Курске навел «революционный порядок» и соответственно нареканию на обывателей посланный Кудинским «Рославльский отряд» тов. Щеглова.

Ревком вел себя нерешительно. Допустил украинизацию артиллерийской батареи, согласился пропустить на Украину, по требованию радовцев, 8 орудий, растерялся перед вызывающим поведением персонала бронепарка Английской военной миссии (бронепарк обслуживал империалистский фронт).

«Команда выздоравливающих», для которой Муралов выслал до 1.000 винтовок, оказалась совершенно непригодной.

Курский Ревком через члена тов. Садикова получил от нас твердые задания, — орудий украинцам не давать, украинцев из артиллерийской батареи распустить по домам, батарею доформировать и прислать в Харьков, бронепарк Английской миссии захватить и использовать по моему дополнительному заданию.

В Белгороде — «первый польский революционный полк» был вооружен из поезда снабжения тов. Толкачева (7 тысяч винтовок, 14 пулеметов и миллион патронов).

По отзыву комиссара полка Бабянского и председателя местного ревкома Мандреваля, этот полк вопреки отзыву Муралова оказался не боеспособным. Однако Мандреваль обещал выполнить данные ему жесткие приказы — выделить из полка до 4.000 штыков для Харькова и отряд в поддержку тверичанам для занятия Купянска.

В Харьков мы прибыли в 16 часов 24-го декабря. На вокзале — полный хаос. Бесчисленное число составов, между которыми затеряны эшелоны Сиверса и Ховрина. Связь этих эшелонов с городом крайне слаба. Отряд Ховрина — так называемый 1-й Петроградский сводный отряд, почти совершенно разложился на почве реквизиций, обысков и арестов.

Отряд Сиверса представлялся вполне стойким. Сейчас же по его прибытии в Харьков (в ночь на 22 декабря), у него пошли

пелады с местным ревкомом ¹⁾. К отряду на вокзал прибыли члены местного Комитета большевиков, во главе с т. Артемом добивавшиеся от отряда отказа от каких бы то ни было враждебных действий против Харьковских радовцев. С последними местные большевики объединенно работали в «Кештабе» и не находили возможным стать в конфликт с Центральной Радой, физиономия которой представлялась им еще неопределившейся. Но, осмотревшись в городе, Сиверс сейчас же осознал необходимость решительными действиями обезвредить радовцев.

На следующую же ночь по прибытии отряда, Сиверс решил захватить у радовцев бронедивизион. О решении отряда извещен Комитет большевиков. От имени Комитета, тов. Мартынов потребовал отказа от выступления, чтобы не срывать начавшихся переговоров с радовцами о пересмотре отношения к Совнаркому. Тов. Волинский ответил за весь отряд, что выступление состоится, и оно состоялось. Под угрозой орудий, взявших на прямой прицел ворота бронедивизиона, казармы броневиков были захвачены и все бронеавтомобили вывезены нашим отрядом. Одновременно были арестованы комендант города Чеботарев и член войсковой рады Павленко. «Радовцы» не посмели и шелохнуться. Но наши соглашатели возмущенно суетились. Они в разгаре операции приехали во главе с тов. Артемом к казармам бронедивизиона и вызвали Волинского, как представителя отряда, на заседание «демократических организаций». Волинский передавал, что более глупого отношения к революционным войскам он нигде до той поры не встречал. Все собрание, в ответ на сообщение им, что захват бронедивизиона будет произведен и все контр-революционные силы будут разоружены, яростно шумело, требовало вывода отряда из Харькова. Этим требованиям, сформулированным председателем Городской Думы, аплодировали и некоторые большевики. Лишь немногие из последних поддерживали Волинского. Резкие объяснения с местными лидерами партии продолжались и на вокзале, после окончания операции.

¹⁾ Примеч. автора. Дальнейший инцидент мною изложен со слов тов. Волинского, бывшего тогда начштаба отряда Сиверса.

Тов. Артем и другие, ссылаясь на особое положение на Украине в связи с национальным вопросом, требовали от отряда Сиверса прекращения всяких действий против радовцев и подчинения городскому ревштабу. Кончили соглашением — держать контакт с организуемым ревкомом (большевики с эс-эрами, без украинцев). По настоянию парткомитета, Сиверс выпустил арестованных радовцев.

Однако, благодаря этой внушительной демонстрации наших сил, местные радовцы согласились изменить свое отношение к «москалям» и, в нарушение приказа Центральной Рады, не препятствовать вывозу продовольствия из Украины на север.

Отношения были очень натянутыми, когда приехали мы с Муравьевым.

Отряд Сиверса пытался вести некоторую борьбу с бандитизмом, казовые попытки превратили штаб отряда в судилище. Председателем суда был Клейман, человек весьма подвижной, а членом суда входил прямолинейный матрос Трушин, который считал всякого белоручку достойным истребления.

В этот суд за советом и с жалобами обращались многие рабочие и служащие, не встречавшие должной поддержки со стороны местных властей. Суд жестоко расправлялся с грабителями.

«7-я верста» памятна обывателям Харькова. Но обывательская фантазия до чрезвычайности преувеличивала происходившие на ней расстрелы. По приговору Революционного отрядного суда, действительно, произведено было несколько расстрелов, но в общем их было крайне мало в сравнении с той разрухой, которая царила в городе.

Помню, например, один случай такого расстрела нескольких человек бандитов — по требованию самих рабочих одного завода.

Гарнизон в Харькове был в самом расхлябанном состоянии. Лучшее всего сохранился 3-й запасный полк под командой поручика Руднева. Он мог выделить до 500 человек. 252-й запасный полк мог дать до 150 человек боеспособных.

Автомобильные запасные мастерские смогли выделить только 3 броневика, которые несли охрану города. Саперный полк совершенно распылен. 4-й запасный артиллерийский дивизион — без людей, с попорченными орудиями.

В городе — сильное украинское влияние. 28-й полк украинизирован. Переименован во 2-й украинский. В нем до 3-х тысяч солдат, 427 офицеров, 40 пулеметов; гарнизон только что пополнен также украинизированным Чигиринским полком с большим количеством украинского офицерства.

Эти полки стоят за Центральную Раду, но нерешительны. По сведениям местных товарищей, в городе существует белогвардейская организация «вольное казачество» — до 300 человек. 19-й броне-дивизион был также настроен весьма не надежно, — Рада сильно рассчитывала на его поддержку, но Сиверс, как я сообщал, захватил этот бронедивизион почти тотчас по своем прибытии. В этом дивизионе — 4 вполне исправных машины.

По сообщению Муралова, в Харькове имелось до 10 тысяч красногвардейцев; на деле оказалось вооруженных рабочих не более 3-х тысяч человек (тов. Толкачев перевез в Харьков на своем поезде снабжения 2 тыс. винтовок и несколько пулеметов, а также через Харьков отправил в Донбас к Никитовке до 2-х тысяч винтовок и 4 пулемета).

Из этих красногвардейцев — годных к боевым действиям — не более 1½ тысяч человек. Наиболее сильная дружина — из паровозостроительных мастерских и в ВЭК (Всеобщая Электрическая Компания).

В городе продолжает действовать городская дума. Рядом с ней — беспомощный совет, в котором засилье соглашателей. При совете ревком, в который входят и меньшевики и эс-эры. Ревком крайне раздражительно относится к действиям наших частей и не оказывает им никакого содействия, а только преисполнен обиды на их самоуправство.

В штабе красной гвардии — тов. Рухимович, равнодушно относящийся к нуждам наших отрядов, но также и несколько brave товарищей, вроде тов. Белянковича (вскоре перешел в мой штаб в качестве его коменданта). Местные большевики в большой нерешительности, ищут коалиции с соглашателями и не решаются ни на какие серьезные меры. Не хотят и не пытаются оказать никакой помощи нашим отрядам. А городская дума старательно саботирует продовольственную работу, и в городе ощущается серьезная продовольственная нужда.

главе большевистской организации — член Ц. К. Артем (Сергеев). Сидит на проводах, разговаривая с «центром». Пома-ленко соглашается с буржуазией. «Областной комитет» — с ростов-скими товарищами, Васильченко и его неизменным спутником Жаровым — с большой претензией на руководство всем и с полным отсутствием влияния на что-либо.

Вокруг все враждебно или неопределенно. В самом Харь-кове — подпольная работа белогвардейцев, время от времени провокаторски постреливающих в городе и на вокзале; несколько разных белых или анархистских организаций.

Через Харьков свободный проход-проезд подозрительных эшелонов. Станция забита солдатами, едущими с фронта само-волью; никакого наблюдения ни в одном из направлений не установлено, между тем, как в Белгороде стоит ненадежный, полусекретный полк, в Сумах — украинизированный дивизион 12-дюй-мовых орудий (а туда тов. Муралов послал 3 тыс. винтовок), в Чугуеве — Юнкерское училище, в Купянске — Запорожский украинский полк с 120 офицерами. Оттуда замышлялось радов-цами движение к Харькову. Об этом определенно говорили перехваченные нами телеграммы «начальникам отрядов украинцев» Чугуева и Купянска. И эти телеграммы давались свободно из Харькова.

В Полтаве — Совет под пятой гайдамачины. Через Лозовую свободное продвижение казачьих эшелонов. По Северо-Донец-кой ж. д., путь из Харькова в Донбас отрезан украинизирован-ным 5-м запасным кавалерийским полком (несколько тысяч человек), — в Изюме и Балаклее. В Павлограде, Синельникове — гайдамаки. В Александровске Совет разогнан гайдамаками. В Константинограде тоже — гайдамаки.

Южная часть Донбаса занята казачьими бандами, оттеснив-шими в Юзовке и Никитовке отряд рудничных партизан до 2-х тысяч человек. В Луганске совет наш, но сильное влияние Рады, ведущей темную игру с казаками, подбирающимися к патронному заводу.

Отряд Черноморцев под командой Гусельгорского, дравшийся против Корнилова у Белгорода, к 23 декабря пытается пробиться через Александровск, занятый гайдамаками, в Крым, куда его зовут тревожные вести о контр-революционном выступлении

Татарского корпуса, вернувшегося с фронта. В Екатеринославе власть Рады, поддержанная отрядами гайдамаков, ненадежные прочие части, в том числе так наз. Сердюковского полка (сформированного из Петроградских гвардейских полков) и перешли на сторону местных большевиков.

Обстановка требовала прежде всего:

- 1) установления строгого порядка в городе и на вокзале,
- 2) организации наблюдения за надлежащими направлениями,
- 3) сосредоточения достаточных боевых сил.

Мною сейчас же отдано было распоряжение тов. Сивухину об организации заслонов и наблюдения в сторону Полтавы и Лозовой, а Муравьев отправлен в Москву получить от Московского Округа необходимые подкрепления.

24-го декабря Муравьеву была послана в догонку телеграмма о том, чтобы он побудил Воронежский Ревком занять Лиски и Елец, а также Валуйки. Того же числа в Ставку отправлен тов. Павлуновский, возвращавшийся после ликвидации ударных групп у Белгорода и ему даны были полномочия и указания по командованию из Ставки революционными частями против Центральной Рады.

Для установления связи с Ревкомом Никитовки, направлен Григорьев (матрос балтфлота). И оттуда получено следующее красноречивое заявление:

«28 дек. 17 г. Представитель горных районов — Боковского, Картушанского, Говенецкого, Хрустальского и Чистяковского товарищ Гриднев, от имени районов, заявил, что, если мы не дадим им вооруженной силы против казаков, которые там убивают рабочих, то все рабочие бросят рудники и разбегутся. Необходимо вооружение рабочих и дальше вам видно, какие меры принять для защиты районов».

Отряду Гусельгорского послано предписание задержаться у Александровска и ждать дальнейших распоряжений (предписание не дошло по назначению).

Комитету 2-го гвардейского корпуса (в Жмеринку-Бар) направлен с нарочным приказ, в развитие отданного из Ставки предписания, двигаться через Екатеринослав в Донбас для очищения его от Калединских банд, для связи выслать своего представителя в мой штаб в Харьков.

дано распоряжение направить из Тулы в Саратов большевистскому ревкому 5.000 винтовок с соответствующим количеством патронов, и этому же Ревкому просьба — содействовать прочистке пути к Царицыну.

В развитие плана, намеченного в Москве, мною поставлены такие ближайшие задачи:

1) Овладение южной магистралью, пересекая все пути, ведущие из Украины на Дон, разобщая Дон от фронта и от непосредственной связи с Украинской Радой, контролируя все движение между Украиной и Донбасом.

2) Расчистка пути в Донбас, прежде всего в обход Северо-Донецкой к. д. через Лозовую-Славянск.

3) Одновременно установление связи Харьков-Воронеж через Купянск-Искри.

4) Надаживание связи с Царицыным и Северным Кавказом.



Красногвардейцы

Последняя задача поручалась Муравьеву, который должен был попытаться наладить эту связь из Москвы и, если возможно, побудить Кавфронт к активным действиям против контр-революционного Дона-Кубани. Посланный к этому же времени на Кавказ из Петрограда полковник Шереметьев должен был закрепить эту связь. Было известно, что в Трапезунде образован Ревком, сносящийся с Новороссийском и подготавливающий эвакуацию наших войск из Турции.

Штабу Горлово-Макеевского района 24-го декабря предписано через Константиновку и Дружковку войти в связь

с Славянском, куда мы рассчитывали через Лозовую направив эшелон с оружием (8.000 винтовок, 9 пулеметов, 300.000 патронов).

Для занятия Лозовой, собран был сборный отряд из красных гвардейцев Харькова (латыши из ВЭК) и 30-й полк, под общим командованием Руднева, всего до 700 штыков. Впоследствии к нему придан также бронепоезд тов. Зайцева.

Настроение у этого хваленного «большевистского» полка было особенно устойчивым.

Этот отряд 26-го декабря занял Лозовую, вытеснил почти без боя гайдамаков, но ночью в панике бежал, не выдержав пустякового нападения противника. 30-й полк в эшелонах прибыл в Харьков, где был с почетом встречен музыкой, а красные гвардейцы прислали ко мне делегацию, требуя подкрепления и одежды. Пристыженные моей отповедью, делегаты вернулись, перейдя в наступление, красногвардейцы вновь заняли Лозовую, а оттуда стали искать связи с Славянском, где, по нашим сведениям, стоял отряд рудничных партизан. На деле Славянск оказался занят гайдамаками силой до 200 штыков.

В Люботине, выделенный Сиверсом отряд обезоружил первый же день 2 эшелона украинцев и захватил много украинских офицеров.

Наряду с этой боевой работой, большая работа велась и в организации штаба.

Вопросами продовольственного снабжения частей особенно удачно начал распоряжаться прибывший от Кудинского тов. Степанов, энергичный, но склонный к выпивке человек. Он сумел не только наладить продовольствие наших отрядов, но и организовать серьезное хлебопечение в самом городе Харькове к большой пользе населению. В помощь Степанову, даны прибывшие со мной матросы Бабкин и Новиков, честно работавшие по вещевому довольствию отрядов. Артиллерийским снабжением ведал вызванный мною из Питера штабс-капитан Лукин с помощником Гусевым. Санитарная помощь организована при помощи местных военных врачей.

Для политической работы среди прибывающих в Харьков частей, выделен Политотдел, во главе с толковым и смелым тов. Маурером.

С Ревкомом я пытался сразу наладить правильные отношения, говорился, что непосредственных реквизиций производить не будем, но будем предъявлять Ревкому определенные требования, которые он обязуется выполнять без промедления.

Но эти обещания Ревкомом выполнены были лишь отчасти, и мне приходилось все же применять самостоятельные реквизиции, что вскоре до крайности вновь обострило наши взаимоотношения.

Особенно всего в Штабе была, конечно, его оперативная часть. Здесь у меня не было никаких серьезных помощников и, до возвращения Муравьева, я действовал исключительно сам, имея всего двух комиссаров для поручений.

При содействии местных почтово-телеграфных служащих, особенно старшего механика И. С. Кожевникова, налажена телеграфно-телефонная связь, во главе которой поставлен питерец тов. Мишаев. Борьба с почтово-телеграфными служащими, саботировавшими нашу работу — одна из интереснейших страничек в развитии революции на юге. Она связана с именем тов. Кожевникова, который, поддержанный сильной группой революционных телеграфистов, сломил саботаж по всей телеграфной линии от Харькова до Москвы. Особенно упорно держались Орловские саботажники.

На центральный телеграф в Харькове, а также и на железнодорожную телеграфную станцию, были назначены наши комиссары.

Серьезная работа проведена по наведению порядка на станции Харьков. Коменданта его, полковника Чаплина, я сместил, назначив нашего человека.

Для передвижения по узлу, мы пользовались ревкомаами соответствующих железных дорог.

Нам удалось настоять на установлении своей комендатуры, но строгого порядка в узле так и не удалось добиться.

Такое же недружелюбное отношение мы встретили и со стороны высших служащих Екатерининских и Южных желдорог. 29-го декабря мною послана такая, составленная т. Бакинским, телеграмма:

29 декабря 1917 г.

Всей сети ШН, ШЧ, ШТ, Ко, Ш, ЛН, ЛМ, ЛЧ.

Товарищи, долг гражданина требует в настоящее время от всех нас самой напряженной борьбы с контр-революцией

и мы не сможем складывать оружие и переходить к строительству мирной жизни, пока не раздавим Калединское восстания, заговора буржуазии против революции. Работа требует напряжения и в ваших руках один из важнейших нервов работы. Учтите, насколько важна в настоящее время исправность, быстрота и точность работы телеграфа, и приложите все усилия к поддержанию всей сети в наилучшем состоянии. Вследствие отсутствия инициативы и руководства со стороны, организуйте сами работу по восстановлению поврежденных. Обо всех повреждениях и восстановлениях сообщайте по прежнему с копиями мне. 1533. Парком Антоном

На это мое обращение к ним о содействии, я получил от «Комиссара» Екатерининской дороги Плевако заявление, что «дороги Украины признают власть только Центральной Радой, что они-де готовы пропускать хлеб на север, но что это мы в оборот, начинаем нежелательную войну. И при этом — ссылка на поранения, нанесенные матросами телеграфистам в Александровске, ссылка явно недобросовестная, ибо в Александровске матросы выдержали бой с гайдамаками, не пропускавшими матросов в Крым.

27-го декабря в Харькове закончился съезд Советов Украины, который вынужден был перебраться сюда из Киева, где Радой в противовес Съезду Советов собралась Съезд волостных представителей и пыталась этим покрыть рабочий съезд. Съезд Советов в Харькове избрал Центральный Исполнительный Комитет Украины (ЦИКУ'ку), у которого тотчас же начались конфликты с Военно-Революционным Комитетом Харькова.

У меня сразу же установились дружественные отношения с «Цикукой», который прислал в мой штаб своего представителя для постоянной работы в штабе, тов. Сергея Бакинского. Тов. Бакинский взял на себя обязанности Начальника военных сообщений.

Съезд шахтеров Донбаса, также работавший в ту пору в Харькове, имел для нас большое практическое значение. Он выделил из своего состава «Бюро Связи» с Донбасом и Доном. Во главе этого Бюро были анархо-синдикалисты Петровский и Коняев. Бюро связи развило серьезную работу, и я получал через него не мало сведений о положении в Бассейне и на Дону.

ГЛАВА III

Противоречия на Дону. Казачество и иногородние. Сложная игра Каледина. Разложение казачьих частей. Партизанские отряды. Алексеевская армия. Наши действия в Купянском, Екатеринославском и Донецком направлениях. Вступление Сиверса и Саблина в Донбас.

Из сообщений различных товарищей и из Новочеркасских газет выяснились следующие подробности о положении и на Дону.

При первых известиях о восстании в Питере, уже 8-го ноября Каледин объявил Донскую область на военном положении, окружным атаманам дал приказ — образовать советы обороны. 13-го ноября начдиву 7 Каледин приказывает «помочь» верным «правительству» войскам в Москве — «первая задача — взять Воронеж». 21-й и 40-й Донполки, 15-я конная и 4-я пешая батареи должны двигаться через Поворино-Лиски на Воронеж. Этот поход, однако, не состоялся.

К Каледину обращаются за помощью атаман Астраханского войска и Саратовский губкомиссар (эс-эр), Каледин отвечает — «помочь не можем».

Новочеркасск становится центром тяготения всех контр-революционных сил. 14-го ноября Каледин проводит чрез «Объединенное Донское Войсковое Правительство» идею создания «Юго-Восточного союза казачьих областей и свободных народов Кавказа», — в противовес «большевистскому» Совнаркому.

Каледин вступает в конфликт с Украинской Центральной Радой, претендуя на присоединение к автономной Донской области Таганрогского и Ростовского районов, которые Рада, по 3-му универсалу, считает украинскими.

Но этот конфликт не нарушает дружественных отношений Донской контр-революции с Центральной Радой. Центральная Рада оказывает Каледину массу услуг, — содействуя перевозке с фронта на Дон казачьих частей и контр-революционного офи-

царства. Более того, Рада посылает с казачьими эшелонами и вооружение на Дон. Киевская Войсковая Рада, узнав о решении черноморцев действовать против Каледина, дала распоряжение «воспрепятствовать этому силой оружия украинского флота».

Чтобы закрепить свою власть в рудниках, Каледин добился к 8 ноября от Керенского отмены приказа о движении к Ровенки-Грушевску 3 кавал. дивизии, направленной Ставкой для охраны шахт. Дивизия остановилась в районе Гришино. «Охрана рудников — дело самих казаков», — определил Каледин и послал казачьи части в помощь рудовладельцам, в рабочие районы. Под общим начальством генерала Балабина, казаки стали наводить «порядок» в Макеевском и Горловском районах. Аресты, разгон советов и профсоюзов, расстрелы красногвардейцев. Особо усердствует отряд есаула Чернецова.

Стремясь упрочить свое влияние среди фронтового казачества, Каледин предложил общefронтовому казачьему съезду, открывшемуся в Киеве 4-го ноября, перебраться, для большей безопасности, под его атаманское крыло. И казачий съезд возобновил свои заседания в Новочеркасске 19 ноября. Каледин употребил все свое влияние и власть, чтобы направить этот съезд по руслу непримиримой борьбы с «большевиками». Но как ни слабо отражал этот съезд настроения казачьих масс, и на нем выделилась «левая группа», ставшая в разрез с планами атамана. Эта группа требовала, чтобы казачество соблюдало «нейтралитет» в гражданской войне и чтоб контр-революционными силами не было доступа на Дон. Большинство съезда пошло с Калединым и постановило, что казачество, «во имя спасения государства», должно идти с фронта «разрушенного большевиками» домой с оружием; политика Каледина была одобрена. Съезд закрылся 9-го декабря, выделив Областной Военно-Казачий Комитет. Закрылся при начале серьезных осложнений на Дону. В рабочих районах нарастало сильное брожение — казачьи банды, наводя в них «порядок», лишь обостряли положение. В Таганрогском и Ростовском Округах — аграрные волнения, разгром помещичьих усадеб. В северных районах Дона — особенно в Хоперском, голод и сыпной тиф. Прибывающие с фронта казачьи части оказывались ненадежны. В нескольких полках вынесены резолюции против Каледина, требования сбли-

контраст с крестьянством — создания единой демократической власти. Не только станиц (в их числе Малоделовская, Усть-Медведицкого округа) отказались формировать пешие дружины против «большевиков». Брожение проникало в запасные полки, расположенные в Новочеркасске. По приказу Каледина, эти полки (272-й и 275-й) были разоружены. Но разоружены руками... алексеевских добровольцев. Особенно обострился конфликт с Ростовом. Образовавшийся в Ростове ревком (незначительным большинством) провозгласил себя областной властью. На поддержку ростовцам появились черноморцы. Двинутые против Ростова Калединым казачьи части колебались, некоторые прямо отказались выступить. Каледину пришлось вновь обратиться за помощью к «Алексеевцам». Только при поддержке офицерских и юнкерских добровольческих отрядов Каледин (15-го декабря) сломил восставших рабочих Ростова, вначале имевших успех.

Противоречия внутри казачества, которые вскрывались в этих столкновениях, не были, однако, ни особенно глубоки, ни особенно обострены.

Еще в Питере, на казачьих совещаниях, я убедился, насколько ревниво относятся даже передовые «революционные» станичники к вопросу о распоряжении землей казачьих областей. Они прямо ставили вопрос о том, что распорядителем этих земель должно быть само казачество; на участие в этом распределении неказачьего населения этих областей они соглашались с колебанием.

Казачество вообще было богато землей и землей хорошего качества. Расслоение в казачью среду проникло не особенно глубоко. Конечно, по определенным округам были сильные различия. Наиболее богатым был Сальский округ, где до $\frac{1}{5}$ дворов пользовались наемным трудом. Всего беднее были северные округа, примыкавшие к Воронежской губернии. Крупные помещичьи усадьбы были относительной редкостью. Порядочная доля земли числилась «войсковой» и «гуртовой» (станичной). Казачество центральных и южных районов Дона, в основной своей массе, было не столько заинтересовано в земельном вопросе (в смысле прирезки земли), — сколько в освобождении от казачьего служилого тягла.

Гораздо острее земельный вопрос стоял перед неказачьим населением Донобласти. На Дону неказачьего населения было до

половины, из них большая часть крестьянства. Из них — таганишнего, прочно осевшего, до $\frac{2}{3}$, остальное — переселенцы из нескольких последних лет. Среди первых была сильно представлена довольно зажиточная группа с крупной земельной собственностью и солидным инвентарем, до 60% из них пользовались наемным трудом. Остальные были парями на Дону. Безземельные, они вынуждены были арендовать землю у богатых казаков или батрачить у них. «Иногородние» не несли казачьей службы, но не пользовались и казачьими правами. Между ними и коренным казачеством происходили на этой почве постоянные трения. Возраставшую активность иногородних вынуждены были учитывать и верхи казачества и, во имя сохранения внутреннего порядка на Дону, идти им навстречу.

Уже происходивший в середине апреля 1917 г. съезд Донского выступивший против «большевистского влияния» и добивавшийся сохранности за казаками всей «гуртовой» и «войсковой земли» признает и права неказачьего населения на участие в самоуправлении Дона, но лишь в решении вопросов, специально «иногородних». Но крестьянство Дона, конечно, не удовлетворилось этими «уступками». На своем съезде в мае, оно, под руководством эс-эров, высказалось за решение земельного вопроса в общероссийском духе и за полноту своих прав в самоуправлении. Донской казачий круг первого созыва (21-го июня) созванный на основе всеобщего голосования (без женщин и неоседлых менее 2 лет жительства элементов), установил примирительные камеры для разбора споров между казачеством и крестьянством. В сентябре произошли (особенно в Таганрогском Округе) некоторые «беспорядки» — иногородние пытались захватить и поделить земли, отказывались платить аренду. На втором созыве Войскового Круга, в конце сентября, решено войти в сношения с крестьянскими организациями и выработать новое положение о принятии иногородних в казачье сословие.

18-го ноября, на заседании областного Войскового Комитета (вскоре распавшегося, так как солдатская секция уехала в Ростов) Каледин еще заявляет, что хозяин на Дону казак и что привлечение иногородних к власти является преждевременным, а уже в конце ноября он же созывает экстренное совещание Войскового Правительства с представителями крестьян, город-

ского самоуправления и других общественных организаций и весь заявляет, что необходимо привлечение к управлению Донской властью и неказачьего населения, с целью объединения против большевиков; при этом Дон должен быть самостоятелен.

Конечно, крестьянское население Дона не могло удовлетвориться этим заигрыванием со стороны верховодов казачества. И с ним мы имели вполне надежную опору для своей борьбы с Донской контр-революцией.

20-го декабря, на новой сессии Войскового Круга, Каледин требовал себе всей полноты власти. Круг согласился на его требования. 22-го декабря, при избрании Наказного Атамана, Каледин получил почти 90% всех голосов (всего 35 было подано за других кандидатов, в том числе 4 за старшину Голубова, известного своими «левыми» взглядами, 37 воздержались).

Круг послал Совнаркому требование освободить арестованных нами членов Совета союза казачьих войск и «приказал» казачкам расположенных в Питере Донских полков поддержать это требование.

Продолжая игру с «многородними», Круг постановил образовать высшую власть на Дону на «паритетных основаниях» по 7 представителей от казачества и от остального населения, а 15-ым — наказной атаман. Областной казачий комитет и фронтовая казачья секция этим не удовлетворялись и требовали, чтобы законодательная власть принадлежала областному Учредительному Собранию, созданному на основе всеобщего избирательного права.

Войсковое Правительство, под этим давлением, решило созвать на 11 января Войсковой Круг и отдельно съезд представителей неказачьего населения.

Войсковому Кругу пришлось озаботиться и настроением внутри казачьих частей — все пешие батальоны оказывались мало надежны, 35-й, 39-й и 44-й Донполки выносили враждебные Каледину резолюции. Круг постановил — арестовывать «агитаторов» и предавать их военному суду, как «изменников Дону». В некоторых батальонах (напр., в расположенном в Александровске-Грушевском) был произведен поголовный опрос казаков — «согласен ли сражаться за Дон». И находились смельчаки,

отвечавшие и в этой обстановке, — «нет» (в указанном талоне их набралось 100).

Каледин имел прямую поддержку всех влиятельных капиталистов юга. В Новочеркасске действовало отделение Союз горнопромышленников Юга России, отсюда исходило руководство тем саботажем, который проводился, со стороны заводладельцев и рудничных компаний в Донбасе, Криворожье, Екатеринославе и Харькове. В Новочеркасске же собирались совещания Монотопа (орган, созданный Временным Правительством для осуществления «монополии» государства на топливо). Капиталисты создали в Новочеркасске свой орган — «Экономический Совет», который держал Правительство Каледина с себя в финансовой зависимости и руководил его политикой.

Сообщениями наших разведчиков была установлена также почти полностью дислокация Калединских частей.

Выяснилось, что главные свои силы Каледин держит на линии Владикавказской жел. дор., особенно прочно занимая станции Миллерово, Глубокую, Каменскую, Лихую.

Царицын отрезан от Лисок двумя казачьими полками, верными Каледину.

Каледин так рассредоточил ненадежные части, что уже по этому одному нам рассчитывать на них не приходилось.

Силы Каледина постоянно пополнялись приходящими с фронта казачьими полками, но внутри этих полков — ненадежно. Молодежь стоит против старых порядков на Дону. Старики держатся за эти порядки.

20-го декабря Таганрог прошли первые эшелоны казачьей гвардейской бригады. Они направлены в район Лихая — Каменская.

В виду малой надежности фронтовых частей, Каледин широко поощряет формирование добровольческих отрядов. У Царицына действует отряд «Степана Разина» (до 200 ч.). На севере — отряд подъесаула Бикадорова, в рудничном районе — отряд есаула Чернецова (от 200 — 300 ч.), специальные отряды организует сотник Семилетов.

В Новочеркасске в начале декабря прибыл генерал Алексеев и начал формирование контр-революционной армии «Комитета Общественного спасения». Его агентура работает во всех круп-

ных центрах и на фронте, добывая средства и людей для этой «армии». В Новочеркасск же прибыли Корнилов и Деникин, которые усилили работу Алексеева.

«Алексеевцы» уже оказали ряд услуг Каледину (при разоружении двух запасных полков в Новочеркасске и при взятии Ростова).

Казачьи банды и регулярные части (в их числе 58-й Донполк) под общей командой полк. Балабина, занимают Горлово-Макеевский район, вытеснив из него красnogвардейцев. К началу января, в Новочеркасске до 16 тыс. офицеров и юнкеров не организованных и до 2-х тыс. сформированных в полки, кроме того казачьи части. В городе есть группа большевиков во главе с хорушим Алешинным (кандидат в Учредительное Собрание). Мобилизация, объявленная Калединым, не удалась.

В Ростове до 2-х тыс. вооруженных юнкеров и белогвардейцев — студенты, гимназисты, некоторая артиллерия.

В станицах — Константиновской, Цымлянской — казаки вооружаются против большевиков. В Усть-Белокалитвенском горном районе расположена 8-я казачья дивизия, которая не допускает разгрома солдатской организации. Рудники работают. В Песвятовском районе Совет разогнан, рабочие разбегаются.

Особенно обстоятельные сведения доставил тов. Толоконенко (один из наших разведчиков). Между прочим, он сообщал, что фронтовые казаки настроены по-большевистски и выражаются в том смысле, что если бы им была малая поддержка, то они бы эту банду разбили, — «но мы ничего не можем сделать, против кадетов и юнкеров и молодых казаков, которые не были на фронте. Если будет на Дону наступление, то получится раскол».

Положение в Донбасе тревожное. Многие из шахт остановлены — в виду прибытия казаков, мастеровые бросают работу.

Остановлена работа в районе между станциями Иловайское и Харциск. Здесь стоит «дивизия» молодых казаков с 36 орудиями. Они ведут все время разведку и находятся в боевом напряжении.

Тоже «бюро связи» мне много помогло в установлении сношений с красной гвардией Юзовки и Никитовки, а также с рабочими организациями Ростова, Александровска и Екатеринослава.

В Александровске нашлась связь только с анархистами. Ко мне явилась от их имени известная Маруся Никифорова, впоследствии стяжавшая себе печальную славу своими похождениями с Махно. Выяснилось, что в Александровске совет разогнан, что господствуют там белогвардейцы, Крымский конно-татарский полк и гайдамаки, захватившие 8-й бронедивизион и 18-е бронетанковое отделение. Попытка совета 25-го декабря взять власть не удалась, несмотря на поддержку черноморцев (командовал тов. Толстов), совет потерпел поражение от гайдамаков, поддержанных казаками (части 53-го и 17-го полков и пулеметная команда 49-го полка), возвращавшимися с фронта.

Из Екатеринослава прибыли для связи несколько товарищей, во главе с начальником красной гвардии тов. Бондаревым и Мокневской-Зубок (посланной в свое время Подвойским в качестве комиссара продовольствия). Тов. Мокневская — еще совсем молодая девушка, с большим революционным темпераментом и твердой волей; ее последующая работа на боевом фронте заслуживает быть особенно отмеченной, как и ее героическая смерть во время борьбы с Деникиным в начале 1919-го года.

В Екатеринославе такая же нерешительность и соглашательство, как и в Харькове. На Брянском заводе до 8-ми тысяч вооруженных рабочих. Оружие было доставлено в Екатеринослав из Москвы (тов. Ройземаном) в середине декабря. Гайдамаки тщетно пытались перехватить его на вокзале, брянцы отбили гайдамаков и перевели весь эшелон к себе на завод. В самом городе — один сочувствующий нам полк, украинский гвардейский («сердюки») нейтрален, артдивизион колеблется, стоит еще до 1 1/2 тыс. гайдамаков. Без нашего воздействия рабочие не решаются тронуться. С екатеринославцами я разработал подробный план захвата ими власти.

К этому же времени получены были следующие сведения из Николаева (Херсонской губ.). В городе 840 красногвардейцев, вооружены: 500 трехлинейными, 150 берданами; организация создавалась недавно; товарищи не обучены. Настроение бодрое. Рада авторитет теряет. Совет — большевистский.

Всего рабочих до 40.000; вооружить можно до 5.000. Одно время были гайдамаки, теперь нет. Украинских войск нет. Стоит 45-й республиканский пехотный запасный полк, больше-

вистаний, около 3.000 человек; будет драться. Рабочие жалования не получают.

Установить связь с Крымом не сразу удалось. От посланной мною из Питера в Севастополь товарищей сведений не приходило. 5-го января я послал в Севастополь тов. Мокроусова, прибывшего из Питера, матроса, человека исключительной энергии, дав ему поручение организовать из черноморцев отряд для действий к Таганрогу.

Сведения из Украины приходили неопределенные. Замечалось сосредоточение враждебных нам войск в Полтаве, где солдатская секция Совета была против нас и куда продвинут был Радою полк Богдана Хмельницкого и бронепоезд из Клева (об этом мы узнали из перехваченных нами телеграмм «начальника штаба обороны Украины»).

Через Полтаву и дальше Лозовую шло густое движение казачьих эшелонов. До середины декабря прошли: 2 Таманский, Полтавский, Запорожский, 1-ый Екатеринодарский, Уманский, 1-ый линейный и Волжский полки, штаб 5-й дивизии, 13 и 12-ая донбатарей, 1 и 8-я Оренбургские батареи, 29-й Донполк (2 сотни) штаб 4-го казачьего корпуса, 19-я Донсотня.

Надо было, во что бы то ни стало, преградить поскорее этот поток.

27 декабря Рудневу вновь предписано занять Лозовую.

Отряд Ховрица, подкрепленный тверчанами (300 ч.) и одной батареей, взятой у Сиверса, двинут в тот же день на Чугуев, для обезоружения юнкерского училища и для дальнейшего движения на Купянск, на соединение с ожидавшимися из Москвы и Воронежа нашими силами. Сиверс после проведения 28-го укр. полка к «демократизации» (под ультиматумом офицеры «обеспогонены» и введено выборное начало), 28 декабря направлен пробивать путь к Никитовке по Северо-Донецкой ж. д.

У меня оставалось в Харькове всего несколько броневиков да батарея, прибывшая из Орла, командир которой плакался на свою инвалидность. Было еще человек 100 прикрытия



Женщина-воин
Мокневская-Зубок

к этой батарее и к броневикам, когда вечером 28-го получена была из Белгорода от Меронвиля телеграмма: «Немедленно вышлите Белгород 3 орудия с прислугой и прикрытиями», ночью он сам, полумертвый от перепуга, примчался из Белгорода на паровозе. «Польский полк восстал, захватил арсенал, грозит уничтожить Ревком». Сейчас же я издал предписание по линии эшелонам, направлявшимся из Москвы в Харьков задержаться в распоряжении Меронвиля для разоружения восставшего польского полка. Один из отрядов Москвы 30 декабря разоружил этот полк, причем убит командир полка подстрекавший солдат к неповиновению.

Впоследствии, был отдан приказ, распустить полк на 3 месяца в отпуск, оставив до 10 человек от каждой роты по жребью для охраны имущества. Комиссар полка Бобянский едет в Москву, где у Муралова и других товарищей добивается реабилитации полка, и я получил от т. Подвойского и т. Муралова запрос относительно дальнейшей судьбы полка, с предложением восстановить его и вернуть ему оружие. Это я отказался выполнить, заявив, что полк совершенно ненадежен.

28-го декабря Ховрин после «одинадцати-часовой перестрелки», как он доносил, а на деле — после четырех оружейных выстрелов и переговоров, — принудил к сдаче Чугуевского юнкерского училища. 900 юнкеров в эшелонах были отправлены в Москву.

Но отряд Ховрина оказался совершенно небоеспособен, — его матросы предались грабежу и, вместо дальнейшего движения на Купянск, куда должны были также направиться части Московских отрядов через Белгород (для проталкивания из Белгорода к Купянску этих частей был мною послан специальный комиссар), тверчане покинули Ховрина под предлогом возмущения реквизициями.

В Харькове, при содействии штабной команды и броневиков они были, большею частью, разоружены и отосланы с соответствующей аттестацией обратно в Тверь, а часть из них, изъявившая согласие продолжать борьбу, была послана на усиление отряда в Лозовую.

29-го декабря в подкрепление Ховрина была выслана Брянская батарея взамен возвращенного т. Сиверсу оружейного

вывоз но отряд Ховрина, ослабевший из-за отъезда тверчан и нагнанный показавшимся со стороны Балаклеи разъездом (5-й украинизированный кавполк), а также слухами о движении гайдамаков из Купянска (на деле гайдамаки, узнав о нашем решении наступать на Купянск, бежали из него), самовольно вернувшись в Харьков.

Отряд Ховрина пришлось ликвидировать, так как он совсем разбежился.

Ввиду ненадежности отряда Ховрина, еще загодя мною было предписано Воронежу через Москву направить в Купянск батальон пехоты на соединение с нашими, двигающимися из Белгорода.

Это предписание никогда выполнено не было, и вообще все указания на наличие вполне боеспособных отрядов в районе Листки-Чертково оказались вздором.

30-го декабря прибыли в Харьков сильные отряды Московских красногвардейцев, под общим командованием тов. Егорова. Того же числа в 12 час. дня тов. Егорову мною дано следующее предписание:

«Гайдамаки занимают силами не свыше полка при пулеметах станцию Лозовую. В Полтаве полк Богдана Хмельницкого и блиндированный поезд только что разгромили Совет депутатов и готовы к действиям против нас.

«В Павлограде — неизвестной численности части гайдамаков. В Екатеринославе 3 тыс. красногвардейцев с 10 пулеметами и до 1½ тысячи гайдамаков. Воинские части нейтральны.

«По линии Лозовая-Никитовка, в Славянске — 2 сотни гайдамаков, в Дружковке и Константиновке — хорошо организованные отряды Красной Гвардии. В Никитовке отряд 1.300 красногвардейцев и 3-я кавдивизия наполовину наша, наполовину нейтральная. К югу от Никитовки — в Авдеевке казачьи отряды.

«Вам предписывается вступить в командование всеми силами сводного отряда у Лозовой. В ваше распоряжение переходят: отряд Харьковских красногвардейцев — 500 человек, команда 30-го полка — 300 человек, отряд путиловцев — 60 человек, Московских красногвардейцев — 500 ч., 3-орудийная Брянская батарея и блиндированный поезд тов. Зайцева. Сформировав отряд в составе Московских и путиловских красногвардейцев

и Брянской батарее, вы двинетесь к Лозовой, на соединение с отрядом тов. Руднева (красногвардейцы, 30-й полк и близкий железнодорожный поезд).

«Заняв станцию Лозовая, наблюдайте направление на Потаву секретной разведкой и заставами с подрывным материалом; при первом подозрительном движении, взрывать мост на дороге. По направлению на Синельниково, Александрово-Екатеринослав, войдите в связь с красной гвардией Екатеринослава и прочно займите Синельниково. В направлении на Микитовку, займите Славянск силами до 2-х рот, выдвинув заставу к Лиману и войдя в связь с красногвардейцами в Дружовку и Константиновке. В дальнейшем следовать особым указаниям».

30-го декабря в 9 час. вечера Лозовая была занята без боя. Гайдамаки бежали, услышав о приближении новых наших сил. 30-й полк был смещен тверчанами (остатками от вернувшихся самовольно из Чугуевского отряда, посланных 31 декабря).

Вернувшийся из Москвы тов. Муравьев писал Егорову:

«Дорогой тов. Егоров! В Ваше распоряжение посылаю Тверской Революционный отряд при 8-ми пулеметах. Обращаю серьезное внимание на этот отряд. Дело в следующем: первоначально тверцы назначены были для взятия Чугуева, что они совместно с матросами и сделали, но там не поладили с ними что-то, самовольно бросили город и потребовали отправки в Тверь. Несмотря ни на какие уговоры, часть их все-таки уехала обратно, правда, были обезоружены. Присланные вам люди, хотя и согласились поехать, но среди них много скрылось притаившихся, которые могут вести пропаганду, а потому за ними надо иметь надзор. Пусть рабочие зажгут их революционным пламенем — вообще обработают их политически. Немедленно пошлите их и прикажите им занять Славянск, придайте им сто человек своих красногвардейцев, дабы во что бы то ни стало занять Славянск и там закрепиться. Дорогой, пожалуйста, наблюдайте за несением сторожевой службы, и Лозовую в каком случае не отдавайте никому. О занятии Вами Лозовой телеграфировал в Москву и там будет опубликовано о работе красногвардейцев. Скоро поведем решительное наступление. Организуйте хорошенько свой штаб. Уверен, что будете действовать решительно».

Егоров повел дальнейшее наступление по магистрали южных дорог, и 31-го бронепоезд Зайцева врывается в Павлоград, занятый гайдамаками. Растерявшиеся гайдамаки не оказывают сопротивления бронепоезду и сдаются. Несколько пленных было доставлено ко мне в Штаб, они выражали свое раскаяние и обещали нам содействовать.

Ее развить наступление Егоров не решался. Его смущало положение в Полтаве и он тянулся в Донбас. Эти его тяготения были решительно прекращены мной указанием наступать к югу для связи с Екатеринославом и Крымом.

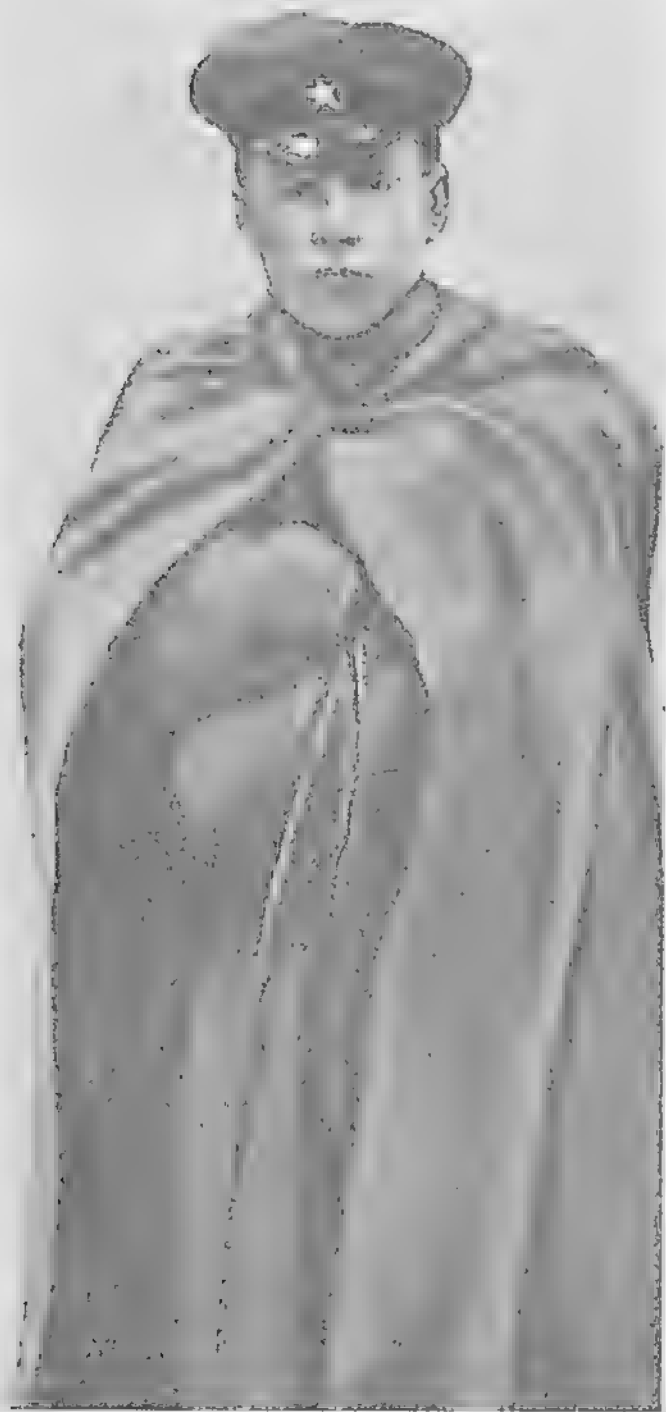
Тем временем, Сиверс продвигался к Никитовке с большой медлительностью, в день по 10 раз взывал о поддержке, хотя почти не встречая активного сопротивления. Украинизированный 5-й полк, расположенный, главным образом, в Изюме и Балаклее, не способен был к активной борьбе. Лишь отдельные его разъезды разбирали пути перед эшелонами Сиверса. Представители от полка вели затяжные переговоры, Сиверс эти переговоры, с своей стороны, тянул, не чувствуя за собой надлежащих сил. В переговорах представителям полка указывалось, что борьба идет только с Калединым и его приспешниками, а не с теми, кто Каледину не помогает. В отряде Сиверса было неблагополучно. Главным врагом оказалось «зелье». В Змиевке люди 2-х его эшелонов разбили винные склады и, несмотря на обстрел, подвергли их разгрому и перепились. Их пришлось обезоружить, и я получил обратно в Харьков 2 эшелона мертвецки пьяных людей. Из них до 300 человек были отправлены с позором в Москву.

31-го декабря 5-й кавполк наконец согласился сдать оружие и пропустить Сиверса (впоследствии ликвидация этого полка поручена Военному отделу Харьковского Совета).

3-го января Сиверс хотел вернуться в Харьков из-за отсутствия подкреплений, но получил от меня категорический приказ продвигаться вперед, с угрозой предания суду «за измену делу революции».

4-го января состоялось, наконец, наше соединение с рудничными красногвардейцами. С Сиверсом доставлены в Донбас несколько тысяч винтовок и несколько пулеметов. Мною послано ему в Никитовку следующее предписание:

«Тов. Сиверсу. — Начальнику первого северного отряда. Вы являетесь командующим всеми отрядами у Никитовки. 1. Ровно направлен Московский революционный отряд (Саблин). Воронежская армия (Петров) получила предписание прервать



Т. Сиверс

перемирие, прочно занять Чертоково и нажимать на Миллерово. Отряд Егорова в Лозовой занял Синельниково и действует к Александрову и Екатеринославу.

«Вам следует, организуя красную гвардию, держать связь с Юзово, закрепивши за собой район Никитовки - Горловки и Дебальцево, продвигаться в связи с отрядом Саблина, который пойдет к Лихой по направлению к Звереву, послав разведку на заслон к Иловайской.

«Мы посылаем отряд красной гвардии в Никитовку для укрепления этого района. Движение ваше проведите лишь после тщательной разведки».

Тов. Кротов, матрос, посланный мною из Харькова в Никитовку, организации красной гвардии, сообщает уже 5-го января, что формирует полк в 1200 человек.

Еще раньше, 2-го января в 10 ч. в Купянск вступил Московский отряд

Саблина 3-мя эшелонами — 55-й полк, 193-я, команда добровольцев 85-го полка, 8 пулеметов, одна батарея, 192-й полк и 251-й полк всего до 1.900 штыков.

По дороге Саблин ликвидировал восстание польского полка и оставил в Белгороде некоторую часть своего отряда. В Купянске им разоружены объявившие «нейтралитет» запасные части и гайдамаки. Отобрано 3000 винтовок.

Из Купянска Саблин снесся с командующим на Воронежском направлении тов. Петровым и имел свидание с ним. Выяснил

невое состояние отряда Петрова, жаловавшегося на отсутствие обмундирования и под этим предлогом заявившего о невыполнимости данного им же раньше обещания выделить Саблину батарею и 3000 штыков.

В Купянске Саблина также постиг кризис. Солдаты начали пьяный кутеж, разбежались; ему удалось с трудом удержать половину отряда, остальных пришлось разоружить.

Следственной Комиссией отрядов Саблина было арестовано 20 человек. С трудом был успокоен 192-й полк, требовавший освобождения полкового командира, арестованного за пьянство.

Управление Екатерининской жел. дор. (из Екатеринослава) приказало не давать эшелонов Саблину, но Саблин заставил местных железнодорожников предоставить ему эшелоны.

Составив в Купянском гарнизоне отряд в 200 человек 53-го полка, он выступил по указанному мною направлению — Попасное-Родаково, Дебальцево-Луганск и вскоре его передовые части вступили в Луганск и Дебальцево. Но всего привел он с собою не более 500 человек...

Первый период — установления связи с Донбасом и приступа к систематической организации вооруженных сил бассейна закончился.

В своем воззвании к рабочим Донбаса¹⁾, я извещал об этом прибытии революционных войск в помощь шахтерам и для борьбы с контр-революционными заговорщиками и призывал к вступлению в наши ряды.

¹⁾ Говорю о нем по памяти.

ГЛАВА IV

М. А. Муравьев — его биография. В октябрьские дни — «Триумф»
В плену у юнкеров. Муравьев — главком. Из моей работы с ним. М.
вьев в Москве. Дислокация к 7 января.

Михаил Артемьевич Муравьев одна из самых памятных
меня фигур, встреченных в эти дни революции. Его сухая
гура, с коротко стриженными седеющими волосами, с быстрой
взглядом — мне вспоминается всегда в движении, сопровожда
звуканием шпор. Его горячий взволнованный голос звучал
поднятыми верхними тонами. Выражался он высоким шти
и это не было в нем напускным. Муравьев жил всегда в
и действовал всегда самозабвенно. В этой его горячности
его главная притягательная сила, а сила притяжения к нем
стороны солдатской массы несомненно была. Своим пафосом
напоминал Дон-Кихота и того же рыцаря печального обра
напоминал своей политической беспомощностью и своим
преклонением. Честолюбие было его подлинной натурой.
искренне верил в свою провиденциальность, ни мало не со
вался в своем влиянии на окружающих, и в этом отсутс
сомнения в себе была вторая его сила.

Отец его будто бы — бедный князь. Заброшен
сына обратила на себя внимание местного богача, кото
взял мальчика Михаила ко двору, а затем устроил его в уезд
школе. Оттуда Муравьев переходит в учительскую семина
Из нее в 15-летнем возрасте он исключен за какую-то шал
Дальше ему удастся держать экзамен на вольноопределяюще
и поступить в Гренадерский Фанагорийский полк, а затем в Ка
ское Юнкерское училище, которое он кончает в 1901 го
поступает в первый пехотный Цевский полк.

Здесь он ведет себя, по сведениям его восторженного
графа, некоего Печорина, «как блестящий офицер». «Неут

ый тензор, занимательный рассказчик и буйный сердцеед». За участие на балу офицера Смирнова, он приговорен Военным судом к 1½ годам арестантских рот и лишен офицерского звания. Но арестантские роты были заменены Муравьеву месячной унизительной и ему было возвращено офицерское звание, а затем он и правили не в очередь на русско-японскую войну. Здесь, будто бы, вел себя геройски, был ранен. Для лечения ран, по совету, был отправлен за границу и там будто бы приобрел к революции. С тех пор, он начинает путаться между различными политическими партиями и то делает предложение Плеханову (в 1911 году) о передаче в распоряжение кадет военно-революционных групп, будто бы им организованных, то забегает к эс-эрам.

Во время империалистической войны он на фронте, после ранения выбывает из действующей армии и, по выздоровлении, поступает преподавателем во 2-ю Одесскую школу прапорщиков. Здесь он завязывает широкие связи с различными офицерами. Во время февральской революции, он снова на фронте, приезжает в Петроград с различными предложениями фантастического свойства к Керенскому; затем в мае 1917 года выдвигает свою ударных батальонов, проводит ее на съезде Юго-Западного фронта, сближается с Черноморской делегацией (матросом Батальным) и, в качестве представителя Всероссийского добровольского комитета, развивает лихорадочную работу по созданию ударных батальонов, которых будто бы, по сведениям того же географа, им создано чуть ли не 120. Затем он разочаровывается в Керенщине; во времена Корнилова состоит в связи с левыми эс-эрами и ищет сношения с нами, большевиками.

Я увидел его впервые в приемной ЦК нашей партии в пред-тябрьские дни. Он проходил своей энергичной походкой кабинет, и т. Свердлов шепнул мне немного сконфуженно: «Вот эс-эр, офицер, предлагает свои услуги. Не знаю, что с ним делать, можно ли доверять». Другой раз Свердлов говорил мне: «Муравьев догадывается о наших приготовлениях и не верит успех. По его мнению, войска временного правительства мало-численны, но гораздо боеспособнее наших и гораздо более стойки». Все в этом замечании сказывалась ограниченность Муравьева: его специфическая военщина заставляла его недооценивать факт

величайшего морального значения—отсутствие жизненной точности под керенщинной, делавшее не боеспособными самые Керенские войска.

Вообще этот смелый авантюрист был крайне слабым политиком. Избыток военщины мешал ему быть таковым, а плохой политик мешал ему быть хорошим военным. Муравьев несомненно сыграл бы крупную роль в нашей революции, если бы он был более уравновешенным и более политически обработан.

Октябрьские события развернулись без участия Муравьева.

Когда определилось наступление Керенского, я вместе с Чудовским и Дзевалтовским был назначен организовать ему сопротивление ¹⁾.

Помню бесплодную попытку столкнуться с этими 2-мя товарищами, из которых особенно импонировал мне штабс-капитан Дзевалтовский.

Мое предложение прежде всего сосредоточиться на неоглобальном, принять меры к удержанию Гатчины, было отвергнуто. Прошло лишь предложение о сосредоточении Кронштадтских частей под общим руководством т. Кудинского в Ораниенбаум и направление к этому пункту одного из военных судов для поддержки наступления отсюда к Гатчине, на случай занятия таковой войсками Керенского, что мне представлялось совершенно неизбежным. Мне навязали обсуждение общего плана обороны Петрограда.

Вся эта наша канитель производилась в помещении, только недавно занятом, окружного штаба [несмотря на мой резонанс помнится, т. Ленин настоял на том, чтобы из Смольного, где мы имели все связи, мы перешли в несомненно саботировавший наши распоряжения, окружной штаб, и это было серьезной ошибкой]. Из штаба мы не могли сноситься, как следует, с районами и военной организацией Н. И. Подвойского, которые, по той или иной причине, не держали с нами должной связи. Распоряжения, отдаваемые нашим триумвиратом, чрезвычайно медленно выполнялись.

¹⁾ Прим. автора. Должен сознаться—этот «триумвират» я представлял сам, не решившись принять на себя единолично руководство обороной Петрограда (на единоличном моем командовании настаивал тов. Ленин).

Витру пришло известие, что Гатчина занята Керенским и что он уезжает Красному селу.

Одновременно в помещении ЦК или в Смольном (точно не припомню) произошло у нас совещание с работниками «военки». Здесь г. Подвойский, идя против нашей «Тройки», доказывал нашу несостоятельность и рекомендовал передать дело «военке». С этим решением большинства согласился и я, заявив, что нахожу возможным продолжать работу, если будет поддержка всей «военки». — Подвойский ушел и через несколько времени вернулся с сообщением, что решением ЦК партии он назначен Главнокомандующим.

Выразив свое неодобрение этому назначению, заявив, что он ни в каком случае с этим делом не справится, я однако тут же предложил Николаю Ильичу свои услуги и получил от него командование левым Пулковским участком наших Питерских позиций. Правым, у Красного села, должен был командовать Дыбенко.

С Павлом Дыбенко, только что прибывшим с эшелоном моряков, мы выехали по дороге на Пулково. На повороте к заставе автомобиль у нас вышел из строя; мы задержали шикарный автомобиль Итальянского консула, посадили последнего, несмотря на его протесты, и направились в его автомобиле дальше.

В штабе у Нарвских ворот, я нашел полную неразбериху, — никакой связи с частями, занявшими Пулково, не было, строгой охраны не велось, красногвардейцы приходили и уходили, когда хотели, никаких сведений о том, что делается в направлении Пулковских высот, не имелось. Я снесся с Петропавловкой и заручился обещанием предоставить нам не менее взвода артиллерии для позиции у Пулкова. Артиллеристы у нас были. Лошадей не имелось. Предполагалось довести орудия на обывательских конях. Из штаба мы направились на Пулково. Здесь я убедился, что державшие эту высоту части 3-го стрелкового полка весьма нестойки и вот-вот сорвутся с места, подтолкнутые общей путаницей, — они не имели представления, что у них делается справа, и жили скверными слухами о том, что делается слева. Офицерство их не особенно сочувствовало новой власти и не считалось с построением солдат. Шли слухи о том, что Царское село уже частью занято керенцами, и что там никто не оказывает сопротивления.

Офицерство готовилось отвести полки к заставе, я воспротивился этому. Решили, что необходимо скорее продвинуть сменным частям с серьезной артиллерийской опорой.

Дыбенко отправился на свой участок. Я — обратно к Нарвским воротам. По дороге я встречал группы красногвардейцев, бегущих в разные стороны, встретил и небольшой отряд из солдат одного из гвардейских полков (кажется с тов. Дашкевичем).

В штабе я отдал ряд распоряжений об установлении связи с полком на Пулковских высотах, о подготовке смены этого полку, а также по организации артиллерии. Затем послешн выехал в Смольный, будучи вызван Владимиром Ильичом. В Смольном я сделал тов. Ленину подробный доклад, сообщив ему, что левый участок весьма непрочен и что здесь имеется возможность прорыва в город. Меня беспокоила также безопасность Николаевской ж. д.: следовало закрепить Колпино, прикрыть связь с Москвой. Надо было разыскать обещанный пулковцами бронепоезд для продвижения его по Николаевской железной дороге.

Бронепоезд, однако, так и не удалось отыскать, — вопреки посланному предписанию, он был использован для своих целей Путиловским районным штабом. Не удалось и двинуть надежные силы к Колпино.

Я направился снова налаживать дело с Нарвским штабом, где понемногу все начало приходить в относительный порядок. Снова удалось занять Пулковские высоты надежными частями. Получено было сообщение о начавшемся продвижении матросских колонн.

Неожиданный перерыв телефонной связи с городом меня обеспокоил. С Петропавловкой никак не удавалось наладить разговор, — тогда я решил ехать лично туда, чтобы ускорить дело с артиллерией.

Со мной в автомобиле ехало еще человека 4. Я дремал, когда вдруг очнулся от резкого толчка. Открыв глаза под громкий крики «вылезай», я увидел перед собой пару юнкеров с наведенными револьверами. Автомобиль стоял около какого-то здания и был окружен вооруженной группой. Все мои спутники у них выворачивали карманы. Еще не очнувшись, как следует, я пошел в карман, но один из юнкеров схватил меня за руки: «А, И

родный Комиссар, очень приятно», — и мне пришлось выйти из автомобиля.

Под сильным конвоем повели меня в здание телефонной станции, захваченной восставшими юнкерами. «Да что смотреть, кокнуль его», кричали вокруг. «Не троньте», — вмешался властным голосом портуней-юнкер. «Что, спета теперь ваша песенка, господин Народный Комиссар?» — язвительно шипел другой. «Чтож, — отвечал я — зато песня была хороша».

Ввели меня внутрь здания. В маленькой комнатухе молодой офицер быстро оглядел меня. Юнкер ему что-то шепнул. Меня отвели и заперли с кучкой бледных фигур в большой комнате, где я сейчас же постарался заснуть.

Из полудремотного состояния я вскоре был выведен необычайным шумом. Захлопали двери, зашумели шаги, послышалась перестрелка. Я понял, что началась осада.

«Забаррикадуемся» — предложил я остальным пленным. Те не решались. Гул все рос, трещали выстрелы. Затем внезапно открылась дверь и, с парой трясущихся юнкеров, передо мной предстала довольно знакомая фигура Вильямса, корреспондента Социалистической американской газеты, а за ним т. Ротштейна.

«Я выступаю посредником с предложением к вам. Юнкера хотят сдаться вам, на условии сохранения им жизни и охраны от насилий», — сказал Вильямс.

«Хорошо, я отвечаю за сохранность их жизни, пусть несут сюда оружие», — ответил я.

Их 45 юнкеров, но я не вижу самых главных, — руководители бежали.

Баррикады разобраны. Навстречу мне, сквозь сломанную дверь — вооруженная толпа с т. Старком, с винтовкой в руках, во главе.

Несколькими словами я успокаиваю волнение, приказываю выделить караулы, чтобы сопровождать арестованных до казарм гвардейского флотского экипажа. Толпа недовольно гудит, грозит расправой дрожащим юнкерам, но покоряется, и я без помехи довожу своих арестованных до назначения, где сдаю их на попечение левого эс-эра Устинова, назначенного каким-то представителем Наркомюстиции.

В Смольном встречают меня с большим приветом. Оказывается юнкера потребовали за сохранение мне жизни отпустить на свободу 50 своих, захваченных красногвардейцами. Это было принято. «Разве хороший социал-демократ не стоит 50 юнкеров», — говорит добродушно тов. Ленин.

Узнаю, что Подвойский сменил Муравьевым. Муравьев, как будто немного замялся, хотя и был польщен, когда я предложил ему тотчас же использовать меня для организации борьбы с Красновым. «Вы будете помогать мне по политической части», — придумал он. Скоро он убедился из моих военных советов, что я могу быть полезным и в другой, чисто военной области, не зная, что я был в свое время офицером, выразил как-то свое удивление, по поводу наличия у меня военных познаний.

Муравьев, на посту Главнокомандующего Петроградским Округом, развил бешеную энергию. Перед всеми нами он имел то преимущество, что сумел заставить работать офицеров. Он потребовал, чтобы все они вернулись к своим местам, он собрал их к себе в штаб и говорил с ними особым понятным для них тоном и они преисполнялись доверием.

Он поставил себе задачей сразу использовать все средства обороны и двинуть весь гарнизон на позиции. И это удалось за редким исключением (кажется, только Московский полк отказался).

Он сделал также очень много для организации технических средств, сумел разыскать упряжь к артиллерии, сумел несколько наладить саперные части и т. д.

Однако, приписывать поражение Краснова его стратегическим способностям не приходится. Его план заключался лишь в том, чтобы направить части по известным секторам со взаимной связью и создать прочную линию фронта перед Петроградом. Ударным же кулаком должны были явиться матросы и отчасти красногвардейцы.

Громадные силы были введены в действие, особенно после того, как в дело вступил непосредственно Троцкий и двинул в позицию Петроградских рабочих, возбудив их массовый подъем. Загудели фабрично-заводские гудки, как это было уже не раз, как это было во времена Корнилова — и сразу все приняло в лихорадочное движение... И перед ошетинившейся пролетарской

столицей напор Краснова, располагавшего ничтожными силами, конечно, должен был выдохнуться. Решающий удар был ему нанесен моряками, которые выбили казаков из Царского Села, бросаясь безудержно на «ура».

Когда мы (кажется 31 окт. стар. ст.) приехали с Муравьевым в Гатчину, казаки уже были ликвидированы, но имелись сведения о наступлении из-под Луги ударников.

Я, вместе с несколькими товарищами, отправился навстречу этим ударникам к Луге, но их настроение по отношению к Советской власти оказалось вполне миролюбивым.

Выявилась возможность приступить спокойно к перестройке военного аппарата, и вот тут-то отчетливо сказались отрицательные стороны Муравьева.

Он сделал многое для организации оборонительных сил, но он сделал это, при помощи весьма рискованных средств — восстановления, в известной мере, власти старого офицерства, возрождения бурбонства и проч. Меры свои он предпринимал с полным отсутствием политического такта: его приказ № 2, где он закрепляет роль домово́й охраны и позволяет себе давать распоряжения, совершенно не согласованные с Военно-Революционным Комитетом, и целый ряд его подобных же выступлений заставили Совнарком его отстранить.

Он мне говорил, что это именно он рекомендовал меня своим преемником. Так или иначе, но я был назначен командующим округом — взамен Муравьева, оставаясь одновременно Наркомом...

После этого, Муравьев сошел со сцены. Но я вспомнил о нем, когда решал вопрос о начальнике штаба «против Каледина и его пособников». Я выбрал Муравьева, несмотря на предупреждение Ленина: «Смотрите! На вашу ответственность!»

Я этой ответственности не опасался, ибо был уверен, что сумею удержать Муравьева в надлежащих границах, и я никогда не раскаивался в том, что взял его с собой.

Работник он был неутонченный, военное дело он знал со специальной его стороны, а еще понимал нутром его авторитарный характер. Конечно, он был чересчур самолюбив и большой бахвал. Особенно любил он кичиться своей жестокостью: «сколько крови, сколько крови, сколько крови!» — повторял он, передавая, как производил какое-нибудь усмирение, и говорил

вовсе без страха перед этой кровью, но с оттенком фатализма и фатовства.

Главная работа, сделанная им в первый период войны, была работа в Московском военном округе, который только под его воздействием и начал оказывать нам энергичную помощь. Его роль, как организатора моего штаба, была не очень существенна.

Ему принадлежит внесение большой ясности в распределение функций и, прежде всего, в караульной части. Эта часть была его коньком. Сам он не обходился без караула, которым я ничем пренебрегал. Он окружил себя отрядом телохранителей, с которыми в случае чего и действовал против непокорных, действовал быстро и решительно. Эта помпезность его усугублялась тем, что будучи сам бессребреником, он не стеснялся средствами для достижения цели, и в случае чего, сорил деньгами, сеял вокруг себя разврат. Но у меня он вел образ жизни абсолютно трезвый и деловой.

Однако, сознание своей подчиненности мне его чрезвычайно тяготило. Ему хотелось вырваться из тех шор, в которых я его держал, — советуясь с ним во всем, но оставляя за собой последнее слово. И недовольство его характерно проявилось в ночь на 18 января, когда он вдруг бросил работу, обидевшись на то, что я изменил редакцию одного из подготовленных им приказов Сиверсу. Он удалился с работы и засел в своем купе. Между нами последовала краткая, но характерная переписка, в которой сказалось все его честолюбие и обидчивость. «Я не могу согласиться, чтобы меня превращали в простого писаря», писал он, претендуя на самостоятельную роль.

На следующий же день я дал ему удовлетворение, послав его во главе специального отряда брать Полтаву. Впоследствии я назначил его главнокомандующим всеми войсками, действующими против Украинской Рады, но предупредил председателя ВУЦИК'а т. Скрыпника о том, что около Муравьева должен быть авторитетный представитель партии, дабы не допустить никаких его политических выступлений. Я предупредил и самого Муравьева и взял с него слово, что он никаких политических шагов предпринимать не будет, без санкции партийного представителя.

Фараонство не покрывало в Муравьеве смелости, которая в нем бурлила, но я всегда опасался его политических вывертов. К сожалению, мои указания не были выполнены т. Скрыпником. К Муравьеву не придали достаточно авторитетного партийного представителя, а он со своей стороны не смог удержаться в роли командующего Украинскими Советскими войсками.

Он уже в Полтаве вызвал некоторые осложнения. Он взял определенно резкий тон, тон оккупанта, вошел в резкий конфликт с местным Советом и возбудил против себя всех украинцев. Еще хуже было дело под Киевом и в самом Киеве, где он был подзаборен тем, что его лавры начал пожинать вовсе не сеявший их Коцюбинский, сделанный формально вождем Украинских войск. Тут Муравьев своим поведением порядком расстроил отряды, и вина в слабом сопротивлении, вернее в отсутствии его патиску немцев и гайдамачины на Киев, лежит в значительной степени на нем. Столь же политически бестактным он оставался и в Одессе, будучи, по моей рекомендации, назначен главнокомандующим войсками против румынской олигархии. Эту рекомендацию я дал на запрос Ленина, кого назначить Командующим в Одессу, в следующей телеграмме: «Послал вам копию телеграммы Муравьеву. Он заслужил больше доверия, чем ему оказывают. При политическом оглавлении, он сможет достойно руководить военными операциями против румынской олигархии. Думаю, что Вы можете его утвердить в звании главнокомандующего, послав политического комиссара, тактичного и твердого, в его штаб. Я на таком расстоянии в этом деле принять прямого участия не могу, тем более, что по горло занят ликвидацией Калединщины и большими вопросами Донецкого Бассейна».

Политическое недомыслие ¹⁾ жило у Муравьева рядом с затемненностью стратегического кругозора. Весьма решительный

¹⁾ Примечание автора. В статье «Румчерод и организация Красной Армии» (т. II Гражданская война. Материалы. Изд. ВВРС стр. 25) тов. А. Дехтярев ошибочно приписывает мне разговор Муравьева из Киева с Румчеродом (Одесса). В несколько искаженной выдержке из этого разговора, приводимой т. Дехтяревым, характерен безоблачный оптимизм Муравьева и самый его стиль. «Германия и Вена восстали и восстановлена там советская власть. Вся Германия загорелась от Великой Революции и мы накануне похода на Берлин, дабы, совместно с демократиями мира, покончить с капиталом».

перед лицом очевидной, осязаемой опасности, Муравьев плохо разбирался в сложной обстановке широко задуманных кампаний. Я ему не был обязан в этом отношении ни одной злой волей или мыслью. Наоборот, мне приходилось часто не соглашаться с ним по общим стратегическим вопросам. Так, например, мне пришлось удерживать его от нелепого шага тотчас по занятии Полтавы взорвать мосты на путях к Киеву. Муравьев, совершенно не охватив общей обстановки и не поняв, насколько нагрел революция на Украине и насколько ослабла Рада, опасаясь продвижения к Полтаве войск Рады из Киева, — а он мог бы судить о слабости Рады, хотя бы уже по тому, как легко ему самому довелось занять один из важнейших центров Украины. Мне пришлось втолковывать ему по прямому проводу невозможность выполнения его плана, и он тогда лишь понял возможность дерзкого похода на Киев. И когда он уже дрался в Киев и почти овладел им, он вдруг пришел в крайнее смятение при известии, что «противник занял Кременчуг и наступает (де) на Полтаву», угрожая его тылу. И тут опять он не смог охватить общей обстановки, которая совершенно не допускала каких-либо серьезных контр-операций со стороны Рады. То, что представлялось Муравьеву опасным для его тыла контр-маневром, было слабой местной попыткой пары гайдамацких эшелонов. Эта попытка была легко ликвидирована небольшим нашим отрядом.

Впоследствии, когда началось немецкое наступление, и Одесса была сдана подлым образом немцам (Муравьев своей бестактностью не мало этому содействовал), он совсем увял. Приглашенный мною в начальники штаба, он уклонился, повидимому, обиженный в своем честолюбии, и уехал в Москву, где впоследствии и был арестован. Арестовали его, кажется, подозревая в сочувствии анархистам, к которым он и на деле немного склонялся. Выпустили его под поручительство 13 видных членов партии, в том числе и мое, и под личную расписку Муралова и еще кого-то. Муралов предупредил Троцкого о невозможности посылать сейчас Муравьева на фронт, предлагая дать ему передохнуть. Но, в силу моего отказа взять на себя командование против Чехо-словаков (я потребовал всей полноты власти и ответственности в этом деле), — Муравьев был назначен

на этот важный фронт. «Ему пошло в прок сидение, он мне теперь больше нравится» — говорил о нем Троцкий. Но я весьма сомневался, уживется ли Муравьев с комиссарами, поставленными бок-о-бок с ним — Кобозевым, Механошиным — Благовправовым... Муравьев не ужился. За пару дней до своего трагического выступления, при котором он был убит, он прислал Муралову и мне письмо, в котором ясно сквозит крайнее раздражение той опекой, которая была назначена над ним, и чувствуется горькая обида за проявленную к нему, по его мнению, несправедливость.

Полагаю, что больше всего стремление сбросить эту опеку и играть независимую роль руководило этим авантюристом, когда он пытался двинуть армии наши против немцев. Это было более важным мотивом, чем выступление в Москве левых эс-эров. Он никогда не был правоверным левым эс-эром; его неопределенное прошлое, его заигрывание с Керенским и др., его крайний авантюризм шокировали даже невзыскательных эс-эров. Однако, возможно, что он считал себя морально связанным с ними и в своей тоске обрел внезапный выход, получив известную моральную санкцию от самой партии для своей измены, т.-е. для попытки повернуть войска от Чехов на немцев.

Еще одну черту его хочется отметить. Его политическая незрелость и бурность его натуры допускали, с его стороны, порядочные промахи в узнавании людей.

Так, он прислал ко мне с наилучшей аттестацией полковника Бокитько, организатора украинского «революционного» отряда, представителя украинского Ревкома в Красном селе, очень хитрого хохла, кончившего изменой во время наступления немцев.

Еще один эпизод. По взятии Полтавы, шлет он ко мне некоего субъекта Макарова с чрезвычайно настоятельной рекомендацией: — «Этот человек оказал нам неоцененные услуги, выдал 2-х календинских генералов, окажите ему полное доверие и содействие». Человек — с вида очень подозрительный, но знает, по его словам, пути, которыми из Москвы к Корнилову идут деньги, и просит помочь перехватить эти деньги.

Я знал, что не только из Москвы, но и из Питера Алексеевская организация получает поддержку как деньгами, так и людьми,

и потому решил оказать содействие посланцу Муравьева и, когда этот субъект отчалил с моим письмом к комендант станций Попасное и Дебальцево, пришла телеграмма от Муравьева: «Дорогой друг! (он всегда выражался очень пылко) задержи М. Это предатель, его надо расстрелять». Но М. и след простыл. Выяснилось, что выданные им «генералы» в Полтаве были самыми обыкновенными куццами — спекулянтами, а он был одним из весьма ловких белогвардейских агентов.

Во время своего пребывания в Москве, от 26 декабря до 5 января, Муравьев выполнил громадную работу.

Он прежде всего отыскал связь с Кавказским фронтом. Через Воронеж (тов. Монсеев) он передал 26 декабря приказ 39-й дивизии в Ставрополь, продвигаться к Тихорецкой и Торговке для перерыва связи Дона с Сев. Кавказом.

В связи с нашим общим планом, он передал Воронеж на случай невозможности получения приказа из Харькова, директиву — сосредоточить свои силы в кулак и наступать вдоль железнодорожной линии к Новочеркасску, на каждой станции хорошо закрепляться, вести широкую разведку, использовать все агитационные силы для работы среди казаков.

Состав Воронежского гарнизона определялся тогда так: — 5-й пулеметный полк под командой полк. Герасимова — по списку 8 тыс. человек, налицо 3 тыс. при 56 пулеметах. 58-й запасный полк под командой полк. Мышетича — 1400 человек, ремонтный пункт 350 человек, 700 лошадей. Первый полк вполне надежный, но недостаточно подготовленный в боевом отношении, 2-й — безнадёжен. Особо стоит сборный отряд — 500 человек.

По сообщению Монсеева, никаких оперативных распоряжений против Дона до сих пор Воронеж не получал. По своей собственной инициативе Воронежский Ревком направил к Миллерово в подкрепление 17-й колонне штабс-капитана Зайцева 2 роты и пулеметную команду. 17-я колонна, не получая никаких указаний, стоит на ст. Кантемировке, все станции дальше к югу заняты многочисленными отрядами казаков, общего командования нет. Ревком ведает всем.

Муравьев дал полезное указание Монсееву — образовать в Лисках полевой штаб всех действующих войск с командующим по выбору Ревкома; в штабе должна быть оперативная

часть, связь, разведка и снабжение. Край должен быть объявлен на военном положении. Обеспечить надежно Лиски, как отправный пункт операций, мобилизовать все агитационные силы.

Узнав, что в Давидовке имеются будто бы 2000 надежных кавалеристов, Муравьев предписывает Матвееву выслать 2 эскадрона в Харьков.

27-го декабря из Москвы в Воронеж прибыла батарея для революционного фронта. Сообщая об ее отправке, Муравьев продолжает давать Моисееву советы — начальником полевого штаба предлагает назначить полковника Герасимова, установив, в виду неопределенности его политической физиономии, политический контроль в лице назначенных комиссаров и членов штаба. В войсках Воронежского гарнизона произвести выборы начальников. Расформировать 58-й полк в самом крайнем случае, опубликовав списки солдат, как «врагов революции». Выяснить, нет ли черносотенных организаций внутри.

26-го декабря Муравьев сообщил мне по прямому проводу, что в этот же день он отправляет из Москвы в Харьков первый эшелон красногвардейцев 500 человек, сводный отряд пехоты — 600 человек; кроме того в Воронеж авио-отряд и батарею.

27-го предполагено отправить 2 эшелона пехоты — 1100 чел. и эшелон красногвардейцев — 500 человек; при пехоте 11 пулеметов, 3 бомбомета и 5 аэропланов. В Кострому, Ярославль, Нижний, Казань, Владимир посланы комиссары для организации сводных отрядов. В Харьков и Воронеж еще пойдет по саперной роте. В Харьков, кроме того — рота телеграфистов и рота железнодорожников.

Артиллерия в Москве была технически дезорганизована и было очень трудно выделить из нее что-нибудь для нас. Тамбов получил предписание направить надежные части в Воронеж. Из Давидовки под Воронежом пойдут 2 эскадрона в Харьков и 2 в Воронеж (они туда никогда не двинулись).

Манера его действовать в Москве была аналогична его манере в Петрограде. Он собрал в Москве, при содействии Муралова, командиров частей и категорически приказал им «выступать». Под воздействием тов. Муралова, действительно, начали вскоре прибывать на юг серьезные воинские части, и можно было уже рассчитывать на накопление значительных сил в Донбасе.

К 7 января наши отряды занимали следующее положение:

- 1) В Люботине заградительный отряд — 250 штыков, 2 пулемета.
- 2) В Лозовой — отряд тов. Егорова, занявший с 3 января переправы и дозовые части Синельниково и держащий связь со Славянском. У него всего до 1300 штыков и блиндированный поезд Запорожский.
- 3) Отряд Сиверса, вступивший в Никитовку в составе 3 тысяч штыков, 400 сабель, 40 пулеметов, 6 орудий. В Никитовке он присоединил к себе до 2 тысяч местных красногвардейцев.
- 4) Отряд Саблина — от Белгорода и до Бассейна, всего насчитывающий до 1000 штыков, 19 пулеметов, 4 орудия — и до 500 штыков и 6 пулеметов гарнизона в Купянске и Белгороде. Штаб его в Луганске, где насчитывалось будто бы до 8 тысяч местной красной гвардии (цифра, несомненно, преувеличена). В Дебальцеве у Саблина лишь 180 красногвардейцев и 2 пулемета.
- 5) Отряд Петрова, назначенного по указанию Муравьева командующим силами на Миллеровском направлении (штаб в Лиски) — до 3 тыс. штыков, 40 пулеметов, 2 батареи. Этот отряд головными частями стоит у Чертково в нерешительности и в состоянии полуразложения. В Донбасе наши части соприкасаются с 3-й кавдивизией. Штаб ее в Гришино. Командир этой дивизии, влиятельный в ней генерал Бискупский, не желая выйти из нейтралитета, отказался от командования дивизией и получил от дивизионного командира разрешение на отъезд. Представители дивизии неоднократно были у меня и мною было потрачено много усилий, чтобы заставить их выделить хоть что-нибудь на пополнение наших отрядов. Для воздействия на эту дивизию мной посылался тов. Давид Озеркович (Гопнер) — Екатеринославский работник (тогда анархо-синдикалист). Дивизионный комитет давал массу обещаний, но не сдержал почти ни одного. Лишь 9 января удалось выделить из 3-го драгунского полка этой дивизии — 2 эскадрона, по 120 коней, и одну 2-орудийную батарею Сиверсу. Лишних коней было предписано сдать в Кирсанов в 3-й запасный полк.

Расформирование 5-го запасного полка в Балаклее было закончено лишь к началу февраля.

ГЛАВА V

Оформление моего штаба. Переговорная капитель у Чертково. Пересмотр оперативного плана. Наступление Сиверса. Первые неудачи. Восстание в Екатеринославе. Подкрепления подходят. Организационная работа. Сведения из Царицына. Перелом в казачестве — новое наше наступление. Тревоги Александровска. Татарская контр-революция. Дислокация к середине января.

В виду слабого подхода подкреплений, я стремился приостановить развертывание действий, одновременно обращая внимание на организацию своего штаба и тыла.

Этот штаб оформлен приказом от 6 января. Все мы состояли на одинаковом снабжении — жалованья получали по 150 руб. в месяц.

Кудинский (Брянск) был назначен «комиссаром при Ставке» Главного Командующего по борьбе с контр-революцией и для наблюдения за формированием отрядов. Клейман — начальником снабжения Северных отрядов, а Степанов — начальником тыловых Харьковских баз. Заведывающим службой связи — закреплен тов. Шишаев, Начальником разведки — Первухин, Комендантом штаба назначен Брянский (прибывший с Румынского фронта с известием об убийстве Рошаля черносотенным офицерством). Начальником охраны штаба — Беленкович, Начальником штабной канцелярии — Насилов, автомобильной команды — Суханов.

Тов. Суханов был связан с 3-мя тыловыми усиленными авто-ремонтными мастерскими. Сюда переброшено несколько машин, захваченных по моему приказанию у Английской военной миссии в Курске. Они успешно ремонтировались в Харькове.

Начальнику штаба — Муравьеву — было назначено 2 помощника, тов. Медведев и тов. Петровский, артиллерийским отделом заведывал Лукин, продовольственным — Степанов, вещевым довольствием — Бабкин и Новиков.

Помимо Клеймана, для связи с ним и Кудинским и боевым глубоким тылом, комиссаром по устройству продовольственных баз был утвержден тов. Толкачев.

К возвращению Муравьева, я приурочил пересмотр общего оперативного плана. К этому побуждала, помимо прочих соображений, и обстановка, сложившаяся на Воронежском направлении.

Выяснились следующие подробности о действиях отряда штабс-капитана Зайцева («17-я колонна»).

Прибыв 20 декабря к ст. Зориновка в 5 эшелонах, отряд Зайцева остановился. Путь на перегоне к Чертково оказался разобран. На ст. Чертково — расположен 35-й казачий полк, получивший приказ от Каледина воспротивиться силой оружию дальнейшему продвижению отряда. Отрядный комитет вступил в переговоры с казаками. Казаки охотно пошли на это.

О прибытии «большевистского отряда» Каледин сообщил «Казачьему Кругу», прибавив, что и «Большевики собираются наступать по единственному остающемуся у них направлению — Воронежскому».

Казачий Круг решил послать делегацию в отряд. Эта делегация выехала 22 декабря из Новочеркасска в составе Корнеева, Макарова, урядника Долгова и двоих «крестьян».

В свой черед и «Минский отряд» послал делегацию на Казачий Круг — эти два делегата от отряда были заслушаны Кругом 23 декабря. Их всячески улаживали Донской сладкопевец Агеев (его называли «казачьим Керенским») и бывший председатель Всероссийского Крестьянского союза (кроме этого титула ничего не имевший за душой) Мазуренко. Предъявленные Минским отрядом требования были таковы:

1) Войсковое правительство обязуется соблюдать все гражданские свободы и прекратить притеснения всех общественных демократических организаций.

2) Освободить всех арестованных за политические убеждения и прекратить аресты последних.

3) Войсковое правительство должно распустить все карательные экспедиции, дружины и добровольцев и участников этих карательных экспедиций неказачьего населения не Донской области выслать из ее пределов.

4) Немедленный созыв краевого учредительного собрания на пропорциональных началах из населения всей Донской области.

5) Посылка на рудники Донской области делегации для призыва рабочих к дружной работе.

Делегаты отряда держались, повидимому, не очень твердо. Вначале они было заявили Кругу требование выдачи Корнилова и Каменина, но потом сбавили тон. Круг добился от них согласия на посылку в Питер к Совпаркому делегации для выяснения, почему идет война с Доном, и решил присоединить к этой делегации от себя нескольких представителей.

Между тем, на ст. Зориновка произошло заседание представителей Минского отряда с представителями от казачьих частей. Отряд предъявил такие требования:

«Дабы не проливать братской крови, военно-революционный комитет Минского революционного отряда предлагает казачьей делегации следующие условия:

1) Установить границу между отрядами, каковой будет граница области войска Донского; станция «Чертково» и прилегающие к ней селения являются нейтральной полосой и не должны быть заняты ни одной стороной.

2) Для общего прекращения народной бойни, военно-революционный комитет просит войско Донское выслать делегацию в Совет Народных Комиссаров.

3) Оставить заложников с обеих сторон по два человека заложники остаются до тех пор, пока их не потребует обратно одна из сторон, и с отзывом заложников прекращается перемирие:

4) Свободный пропуск безоружным людям как туда, так и обратно должен быть беспрепятственным.

5) Восстановить полное движение поездов по жел. дор. Председатель ВРК Зайцев, Секретарь Моруз.

Соглашение было достигнуто. Об этом говорит следующий «протокол»:

«Совещание происходило под председательством хорунжего Семенова и при секретаре хорунжем Чернедове: 1) из обмена мнений вышеуказанных делегатов с военно-революционным комитетом 17-го стрелкового полка выяснилось, что большевистский отряд, остановившийся на ст. «Зориновка», является аван-

гардом карательного отряда, командированного на Дон по распоряжению Совета Народных Комиссаров с целью добить перевыборов войскового атамана и войскового правителя; 2) обсудив, по предложению военно-революционного комитета 17-го стрелкового полка, вопрос о заключении перемирия, постановили: признать перемирие желательным, но окончательное решение по этому вопросу принять на общем отрядном собрании войск, расположенных на ст. «Шептуховка», оставить в заложников двух членов делегации, с отзывом которых перемирие прекращается; 3) просить начальника дистанции ст. «Чертково» о скорейшем исправлении испорченного взрывом железнодорожного пути для восстановления движения, так как длительная приостановка движения может иметь губительные последствия для государства; 4) до окончания переговоров стороны остаются на местах настоящих стоянок; 5) предложение военно-революционного комитета 17-го стрелкового полка на занятую ст. «Чертково» доложить общему полковому собранию; 6) признать желательным командирование делегации на Войсковой Круг третьего созыва для подробного доклада о событиях, происшедших 8 и 9 (21 и 22) декабря на перегоне ст. Зориновка-Чертково, причем состав и окончательное решение от делегаций принадлежит полковому собранию; 7) безоружным людям гарантируем пропуск на юг и север по линии железной дороги; 8) заложниками остаются» (следуют имена).

Это предварительное перемирие было закреплено делегацией Войскового Круга, которая дополнительно добилась следующих условий:

1) Устанавливается нейтральная зона в районе между станциями «Зориновка» и «Шептуховка», в пределах которой всякое передвижение вооруженных частей запрещается.

2) В Петроград в Совет Народных Комиссаров посылается делегация для выяснения, почему была послана на Дон карательная экспедиция. В состав этой делегации входит равное число представителей от обеих сторон.

3) Обе стороны обязуются широко оповестить всех о заключенном перемирии.

4) Обе стороны обязуются также не пропускать через нейтральную зону вооруженных частей.

5) Железнодорожное движение продолжается беспрепятственно.

6) Условия перемирия, заключенного 35-м и 44-м полком, отменяются.

Кавки со своей стороны предъявили Минскому отряду, действующему у Чертково, следующие требования:

«От местного военно-революционного отряда требуем:

1) Отступить от Чертково на станцию Кантемировку или севернее. При настоящих условиях восстанавливается мир до возвращения делегатов из Петрограда.

2) Минский военно-революционный отряд обязан предъявить требование в Совете Народных Комиссаров об освобождении арестованных членов совета союза казачьих войск и арестованных за политические убеждения.

3) Обязан предъявить в Совете Народных Комиссаров требование о разоружении красной гвардии и о прекращении посылки на Дон карательных отрядов.

4) Обязан со дня принятия настоящих условий не предъявлять никаких требований, касающихся внутреннего устройства Донской области.

5) Обязан предъявить требование к совету народных комиссаров о скорейшем открытии дверей Всероссийского Учредительного Собрания.

И комитет Минского отряда не отверг категорически этих требований. Более того, он решил отвести отряд к ст. Кантемировке.

Тщетно Берзин из Брянска требовал от отряда решительных действий. Безрезультатны были и внушения воронежцев, пока он не потребовал ареста шт.-кап. Зайцева и подчинения отряда тов. Петрову. Лишь когда в отряд влились подкрепления из Воронежского гарнизона и подъехали некоторые агитационные силы из Москвы и Питера, он вернулся к более или менее активным действиям. 2-го января ст. Чертково была, наконец, занята двумя эшелонами пятого пулеметного полка (в составе до 700 чел.); осколки Минского отряда постепенно подтянулись также к Чертково.

Но уже в ночь на 4 января в Миллерово состоялось соглашение представителей от нашего отряда с представителями 8-ой

казацкой дивизии, расположенной в районе Миллерово — Луховицкая, — постановлено немедленно вновь очистить ст. Черты во.

Однако, воздействие наших стрелков на казаков скаредов в свой черед. 35-й и 34-й полки выразили недоверие Калединым. 35-й полк постановил установить выборность командного состава.

В виду непорядков в его дивизии, начдив 8-й Донской генерал Попов был Калединым смещен, взамен него назначен генерал Назаров.

Нецелесообразность задуманного в Москве плана — главный удар от Воронежа по магистрали — стала для меня вполне ясна. Главный удар мог исходить только со стороны Донбаса, так как лишь отсюда можно было его надлежащим образом подготовить. Южная ж.-д. магистраль должна быть надежно занята нами, чтобы прервать сообщения Украины с Доном. Основной удар должен быть нанесен — в направлениях к Ростову и ст. Лихой.

В связи с общим положением, мною был отдан к 8 января такой приказ:

«Егорову, удерживать линию южной жел. дор., закрепив все узлы, не допускать проникновения казацких эшелонов с фронта на Донбас и контролировать все перевозки между Украиной и Донбасом, помочь Екатеринославу и Александровску справиться с гайдамаками, проложить дороги в Крым и, пополнившие добровольцами из рабочих районов, действовать, совместно с черноморцами и красногвардейцами Юзова, в направлении на Таганрог, Ростов.

«Сиверсу — прикрыться заслоном и разведкой со стороны Иловайской. Сохраняя связь с Юзовкой, закрепить район Никитовки, Горловки, Дебальцево и накапливать силы для совместного удара с Саблиным в направлении на Зверево, Лихая, Миллерово на соединение с Петровым, который должен наступать на Миллерово».

Сиверсу я приказал, таким образом, подготовить выполнение флангового маневра, одновременно прикрыв Саблина, действовавшего от Луганска, Родаково на Лихую.

Егорову пришлось дважды напоминать его задачу:

«Тов. Егорову — начальнику Лозовского отряда. Раз навсегда — без моего распоряжения штаба не перемещайте и не меняйте

назначения отряда. К Славянску двинут из Харькова отряд Сиверса, который разоружил Украинский полк в Балаклее и должен быть сегодня днем в Славянске или Бахмуте, а затем в Никитовке, где он сольется с красной гвардией. Сиверс назначается командующим всеми силами Никитовки. Вам надлежит лишь держаться с ним связь. Отряд Саблина сегодня занял Купянск и движется к Родаково, где через Дебальцево войдет в связь с Сиверсом. Вы останетесь со штабом в Лозовой, пока не придет для Вас смена. Вам надлежит зорко наблюдать за Полтавой, где 2 блиндированных поезда, артиллерия и 4000 враждебных нам войск, удерживаемых 4500 нам сочувствующих. Вам следует из Синельниково подать руку Екатеринославу и произвести разведку в Александровск. В Екатеринославе 5.000 красной гвардии и нам сочувствующий Сердюковский полк. Против нас до 1.500 гайдамаков, артиллерия нейтральна. Надо поднять Екатеринослав и захватить там власть; восстановить власть Советов в Александровске и сформировать, в связи с формирующимися в Севастополе моряками — отряд против Каледина для действия на Мариуполь, Бердянск-Таганрог-Ростов. Пока эта задача не будет выполнена, необходимо прочно держать Лозовую. Явится преступлением, если Вы ее оставите без достаточной охраны. Я пошлю вам скоро смену».

В тот же день — 5-го января — Егорову дано подтверждение этой директивы особым приказом:

«Начальнику Лозовского отряда: В Никитовке сосредоточиваются наши войска. У Юзовки стычки красногвардейцев с казаками. В Александровске разрозненные части гайдамаков, казаков и татар; власть Советов уничтожена. В Екатеринославе рабочие ждут только толчка для восстания против гайдамацкого засилья. В Полтаве блиндированный поезд один и не выходит за пределы города. Гайдамаки уравниваются преданными совету войсками. Вам предписывается, наблюдая за Полтавой и удерживая Лозовую и Синельниково, войти в живую связь с Екатеринославом и поднять в нем восстание, содействуя также восстановлению власти в Александровске, затем, из сил Екатеринослава, Александровска и черноморцев (свяжитесь с ними) создать отряд для действий на Бердянск-Мариуполь, Таганрог-Ростов. Держите у Лозовой связь с Никитовкой».

Но Егоров не проявил достаточной активности и с 3-го января, когда он занял Синельниково (здесь и в Павлограде взято до 10 орудий), он потерял целую неделю на всяческие колебания, вызванные расхлябанностью среди его частей из-за праздников.

Петров, командующий на Воронежском направлении, оказался еще менее активен. Это — левый эс-эр, бывший подполковник молодой, поэтически настроенный и весьма воинственный человек и большой фантазер, постоянно одетый в черкеску. Его стратегические планы были грандиозны. Личная храбрость поразительна, но организовать самое пустяковое дело он не умел.

Вместо продвижения на соединение с Саблиным, как ему указывалось, по направлению к Миллерово, он продолжал переговоры с казаками на станции Чертково. Товарищ Сталин 15 января пишет мне: «Вчера были делегаты от Минского отряда. Они затеяли перемирие с казаками. У меня получилось впечатление, что их могут спутать. Отсюда просьба: — не выпускайте этого отряда из-под вашего руководства».

Но я не мог вплотную заняться отрядом Петрова, — необходимо было вначале укрепиться в Донбасе. Даже установить прямую связь между Воронежем и Харьковом через Валуйки, Купянск нам удалось лишь с большим запозданием и исключительно по вине Воронежа, который оказался не в состоянии выполнить каких бы то ни было моих приказаний.

Между тем, появление Сиверса в Донбасе оживило надежды рудничных партизан. 3 января они завязывают серьезный бой с казаками в районе между Макеевкой и Юзовкой и Мушкетово близ Прохоровского и Алексеевского рудников (в 8 вер. от Юзовки). наступление красногвардейцев из Юзовки заставило казаков несколько податься и заключить с красногвардейцами перемирие.

Сиверс, по собственной инициативе, начал немедленно наступать в поддержку Юзова, не закрепившись, как следует, в Донбасе и не установив прочной связи с Саблиным.

Саблин, задержавшись на пути из Белгорода в Донбас, ввиду разложения своих отрядов, прибыл в Родаково-Луганск в столь расслабленном виде, что не смог прочно занять важную узловую станцию — Дебальцево, приходившуюся стыком между его и Сиверса отрядами. В Луганске Саблин имел перед собой, по доне-

сением своей разведки, до 4-х казачьих полков с 4-мя батареями и не решался что-нибудь предпринять, а Петров у Чертково, хныча на отсутствие у него людей и обуви, мечтал добиться желанных результатов одними переговорами без особой драки. На требование от моего имени арестовать Зайцева, если он против наступления, он ничего не ответил, как и на повторение ему этого приказа. Точно так же он ничего не сделал для исполнения приказа об усилении Саблина батальоном с пулеметами.

В то время, как Егоров мямлил у Синельникова и екатеринославцы приготавливались к восстанию, Сиверс ввязался в бой с казаками и наступал от Никитовки к югу. Мною были посланы к нему прибывшие 3 января из Финляндии 422-й и 423-й полки (до 1200 штыков), затем следом еще 4-орудийная Орловская батарея, с прикрытием Брянского отряда (2-й сводный пролетарский отряд, около

200 штыков). Я предполагал направить к нему также подходившие с Запфронта 19-й и 27-й пехотные полки, но их пришлось разоружить в Орле и Курске, так как, съагитированные офицерами, они объявили «нейтралитет» и потребовали отпуска по домам. Офицеры были арестованы и направлены в Москву. Солдаты распущены. Оружие перешло к местным Ревкомам.

Северо-Донецкая жел. дорога жестко дала нам себя знать. У станции Соль на эшелон нашей артиллерии (Орловская батарея) был пущен без машиниста паровоз. Произошел взрыв, — много раненых, батарея окончательно расползлась. Брянцы мали духом и отозваны «для пополнения». Сиверс получил от меня



Т. Петров

строгий выговор с предупреждением о предании суду за небрежность в организации тыла. Было предписано ему везде на станциях иметь своих комиссаров и т. д. Не дожидаясь провозглашения в этом отношении инициативы, я, впрочем, сам из Харькова назначил таких комиссаров на главнейшие станции. К 7-му января Сиверс занял Ясиноватую и Макеевку. В Горловке мы разогнали 2 казачьих эшелона. Успешный бой он имел у Криничной.

7-го января я писал Ленину: «Саблиным заняты Луганск, Ровно, Дебальцево. Сиверс ведет бой у Криничной и Мушкетеров. С фронта ждем латышей, из Финляндии матросов. Подтолкните. Вооружение рабочих идет успешно».

За латышами и матросами я послал в Питер Пурвина, латышского товарища. Ему я вручил следующее послание к Исклату.

19/хн-17 г. Венден. Тов. Нахимсону.— На помощь рабочим Донецкого бассейна на борьбу с каледонцами, разоряющими край труда, придите, братья латышские пролетарии. Два полка латышей через неделю здесь решат бы дело. Тыл дает и может дать только красную гвардию, гарнизоны уже полураспущены и слабы духом. Помогите нам, братья латыши. Голосом тысяч семей обездоливаемых разбойничьими бандами, голосом борьбы поднятой Донецкими пролетариями призываю вас на помощь. Да здравствует пролетарская солидарность. Да сгинут враги революции. Народный комиссар Антонов. гор. Харьков».

В виду невозможности вырвать Сиверса из боя, ему дано было предписание, поддерживая связь с Саблиным, наступать к Иловайской, дабы закрепиться здесь. Развивая наступление, Сиверс встретив незначительный отпор, занял Иловайскую, когда 422-й Луцкий полк отказался повиноваться и увлек за собою и 423-й. Сиверс был вынужден отправить эти полки в Харьков, где они были нами обезоружены, офицеры арестованы, но затем освобождены и отправлены с соответствующей аттестацией в тыл. Сиверс писал мне в своем донесении:

«Доношу, что после неудавшегося общего наступления моих отрядов, благодаря предательству 4-х пехотных эшелонов, красногвардейцы, в количестве 500 штыков при небольшом числе пулеметов, заняли сторожевой фронт (полукругом) около восточной окраины Макеевки, верстах в 2—4-х восточнее и южнее деревни Рудник Буроз, в двух верстах от Криничной, покинутый вчера

солдат 106-й дивизии, сегодня (11-го января) занят солдатами первого гвардейского Донецкого полка, станция Ларино занята сильным отрядом красногвардейцев. Мушкетово свободно от японцев. Туда назначен особый отряд. В решительное наступление сейчас перейти не могу, так как не имею ни одного регулярного пехотного солдата. Все уезжают из-за самых жалких побуждений, предавая интересы свободы. То же сейчас происходит на ст. Яма, где стоят два посланные вами эшелона и не желают упорно двигаться дальше. Положение создается критическое и, при дальнейшем подобном поведении, мы останемся у разбитого корыта. Нужно или выбирать соответствующих людей или вводить для войск репрессии и военно-полевые суды с применением смертной казни, иначе позор будет расширяться и расти. Прошу идущие к вам в тыл эшелоны не только разоруживать, но и раздевать с них сапоги, шинели и обмундирование, одевая изменников в рваный хлам и одевая красногвардейцев, которые в общем ведут себя героически, но которые имеют, увы, ничтожную организацию для ведения полевой войны».

Около этого времени, Муравьев по прямому проводу говорил Муралову о нашем положении: — «Оно прекрасно. Наши войска с боем продвигаются на юг. Егоров делает чудеса храбрости и в настоящий момент завязал бои под Юзово ¹⁾. Саблин действует также молодцом. Одним словом, Московский гарнизон и Красная Гвардия нас очень утешают. Если бы весь ваш гарнизон был такие же молодцы... Спешите скорее с присылкой подкреплений. Но лучше пусть организуют отряды во всех отношениях боеспособные. Особенно, в командном. Жду вашу артиллерию. В каком положении находится формирование легкой и тяжелой батарей? До сих пор 2-ой отряд красной гвардии к нам не пришел. Также и авиаторы. Приказали ли формировать поезд снабжения и посланы ли снаряды и вещи? Наша ставка скоро будет в другом месте».

Так рисовалось положение нам в Штабе, когда последовала неудача Сиверса. Наступление Сиверса выдохлось, благодаря дезорганизованности Финляндских полков. А в эту пору удар последовал ему во фланг.

¹⁾ Примечание автора. Это оказалось неверным.

В ночь на 10-е января наш отряд в Дебальцево был застигнут врасплох партизанским отрядом Чернецова (до 600 штыков и сабель, 2 орудия). Удалось Чернецову совершить эту предвку, благодаря предательству железнодорожников, которые скрыли от нас приближение Чернецовских эшелонов и пропустили их под видом обычных следующих по расписанию «пассажирских 3 и 3 бис» (Мы не решились своевременно закрыть движение по линии, так как эта железная дорога обслуживала рабочий шахтерный район).

Партизаны Чернецова, высадившись у закрытого семафора, бросились к станции. Только несколько человек из наших отрядов,

во главе с тов. Коняевым, за баррикадировались на вокзале и отстреливались. Каледицы подвергли вокзал артиллерийскому обстрелу, наши сдались. 13 из них были расстреляны. Они встретили смерть, в глазах населения, спокойно без всякой дрожи.

Если бы Чернецов вздумал развить свой успех и действовал он в связи с отрядом генерала Балабина у Иловайской или с казачьими полками у Луганска, он мог бы свести на нет все наш успех в Донбасе. Но Чернецов, очевидно, не имел этой связи и этих намерений, а может быть, не имел и возможности осуществить такой план.

(впоследствии выяснилось, что казачьи полки под Луганском были совершенно небоеспособны).

Уже 10 января, как он приехал, так и уехал к станции Лихой в своих эшелонах, захватив у нас 5 пулеметов, вагоны винтовок и значительное количество револьверов.

Налет Чернецова представился нам в Харькове частью серьезно задуманной операции, и Петрову было приказано, для поддержки Саблина, наступать к Миллерово, Саблину — отвести главные силы к Родаково-Попасной, куда, в подкрепление ему, кроме отряда ярославцев, посланного им еще 7 января



«Усмиритель Донбаса» —
асаул Чернецов

отправлен отряд москвичей, а также одна батарея 4-го артиллерийского дивизиона из Купянска с прикрытием (командующий отрядом Горбунова заявил, что отряд выступать не хочет, я подтвердил приказание Саблина об этом выступлении и потребовал списки отказывающихся).

Саблину предписано, по получении подкреплений, попытаться вернуть Дебальцево, и к вечеру 11-го января Дебальцево было вновь занято нами.

Костромской отряд (200 штыков, 3 пулемета), вызванный Саблиным из Купянска, прибыл к станции Дебальцево вечером 10 января и каледиинцев уже не застал. Саблин получил сведения о наступлении со стороны Звереве казачьих эшелонов, которые к 11 января заняли ст. Колпаково; казаками также окружено Енакиево.

В связи с этим, Сиверсу было приказано отойти из Макеевского района.

12-го января он сообщал:

«Из Ясиноватой. Получил вашу депешу об очищении Макеевского горного округа, отдал соответственный приказ по войскам. Сегодня казаки после сильного артиллерийского обстрела выбили красную гвардию из Новоханженково, рудник горит, казаки проникли до Монахово. Мои войска после ураганного артиллерийского огня ведут контр - наступление на ст. Ханженково и Поворино. Из Волновахи проникли шесть казачьих эшелонов с артиллерией, что они предпримут, не выяснилось. Ваш телеграфный приказ начинаю выполнять, соответственно с сложившейся обстановкой».

На следующий день он доносит:

«12-го на рассвете каледиинцы-юнкера, гайдамаки, офицеры и казаки, сосредоточив крупные силы в районе Зуевки, перешли в наступление на Ханженково, обороняемое красной гвардией. Не имея артиллерии и запаса патронов, красногвардейцы были разбиты. Отсюда противник двинулся на Криничную, наступая густыми цепями, под ураганным огнем нашей артиллерии и многочисленных пулеметов. Юнкера понесли большие потери, были отброшены назад и наша пехота перешла в контр-атаку. Согласно вашего последнего приказа, я отдал распоряжение об отходе на фронт Дебальцево - Горловка, отход произ-

водится, оставленные пункты занимаются противником. И занята сейчас Криничная. В виду значительных сил противника убедительно прошу о скорейшей присылке подкрепления во видов оружия, штаб отряда перевожу в Никитовку».

Неудачи, постигшие нас в этой первой операции в Дебальцево ясно говорили о необходимости упрочиться, прежде чем приступить к дальнейшим действиям.

Сиверсухи и Саблину было категорически предписано не отступать с места, не закрепившись в Никитовке - Попасовой - Дебальцево - Родаково. Вести тщательную разведку и постоянно воспитывать в мелких стычках части для боя.

Для того, чтобы навести порядок в наших частях, в Дебальцево был послан Муравьев, который провел там большую организационную работу.

Одновременно, серьезные события разыгрались и на нашем правом фланге. В Екатеринославе готовилось, как я говорил уже, восстание. Прибывшие оттуда делегаты разработали со мною план этого восстания, причем он приурочивался к 10-му января; к этому времени должен был подоспеть наш бронепоезд и отряд Егорова. Но, как часто бывает, самая подготовка восстания вызвала наружу накопленную энергию, и события разыгрались значительно раньше. Провокационные действия со стороны гайдамаков вызвали рабочих Брянского завода отважное выступление. Вечером 8-го января они захватили и угнали на завод гайдамацкий броневик.

Гайдамаки на следующий день предъявили ультиматум рабочим, требуя выдачи броневика и всего оружия. После отказа в 8 часов вечера, они начали артиллерийский обстрел Брянского завода. Рабочие отчаянно сопротивлялись; положение их становилось критическим, когда начали подходить наши подкрепления.

Узнав о начале восстания в Екатеринославе, я отдал приказ Егорову о немедленном наступлении из Синельниково. К 2-м часам дня к Екатеринославу подоспел наш бронепоезд, прибывший под обстрелом и собирая разобранный путь. Начался бой в городе, в который вступили и Московские красные погвардейцы отряда Егорова. Ударом в тыл гайдамакам, они захватили их артиллерию, и участь боя была решена. Уже в

следующий день город — наш. Всего отбиты у гайдамаков 12 орудий, из них 3 с замками.

У нас 10 убитых и до 20 раненых. Гайдамаки с 2-мя орудиями окопались за городом в лесу.

В ночь на 10-ое января удар на удар, мы в Харькове, после часовой обстрела из броневигов, заставили положить оружие 2-й Украинский полк. Взяты 65 пулеметов и до 10.000 винтовок. В этом деле участвовали и прибывшие из Петрограда красногвардейцы. Мы с Муравьевым сопровождали отряд, и я любовался мужеством этого авантюриста.

Нам чрезвычайно сильно помогло наличие во 2-м Украинском полку большевистской солдатской организации. Она держала нас в курсе всех настроений полка, всех подготовлений офицеров и первая открыла огонь по окнам офицерских квартир, производя дезорганизацию в рядах комсостава, чем сильно содействовала нашему успеху.

Разоружение 2-го Украинского полка произвело такое сильное впечатление на Чигиринский Украинский полк, что и этот немедленно, по первому нашему требованию, также сложил оружие. Обезоружен был и отряд поляков, — 900 человек, несший караульную службу (этот отряд состоял из солдат 1-го «Польского революционного» полка).

Дабы Егоров через край не увлекался Екатеринославом, ему 11-го января повторено предписание — взять Александровск, установить связь с Крымом и Юзовкой и сосредоточить силы для действий в направлении Мариуполь-Таганрог-Ростов.

В подкрепление к нему послан еще первый отряд Петроградских красногвардейцев. К Сиверсу направлен второй отряд Петроградской красной гвардии (до 1.000 человек, 3 орудия) с комиссаром Трифоновым, прибывший в Харьков 9 января.

11-го января прибыл также третий Петроградский отряд (тов. Левинсона), состоявший из части солдат Гатчинского гарнизона и Петроградских красногвардейцев. Боевые и выдержанные ребята. Этот отряд послан был в подкрепление к тов. Саблину.

К 12-му января Мариуполь был занят изнутри восстанием рабочих.

Но Егоров завяз с Екатеринославскими делами. Он сообщает, что внутри не ладится. Гарнизон ненадежен. Есть надежда, что 271-й полк присоединится к нам.

С другой стороны, мною продолжались попытки вступить в операции части Юго-Западного фронта.

10-го января был вновь послан курьер во 2-ой Гвардейский корпус и в 7-ую армию с предложением выслать представителей в Харьков и продвигнуться к Знаменке. Комитет Румфронта предложено действовать в связи с 7-й и 8-й армиями и также послать представителей в Харьков. Тогда же была направлена просьба к Крыленко, чтобы он отдал соответствующий приказ указанным частям. 11 января Комитету 8 армии (Могилев-Подольский) предложено войти в связь с 7-ой армией и двигаться к станции Знаменке, не пропуская казачьи эшелонов.

Наступило некоторое затишье в операциях против Каледина. Мы вновь принялись накапливать силы и организационно закрепляться. К Саблину вышел сильный отряд Харьковской красной гвардии (до 400 чел.) во главе с тов. Рухимовичем.

С северного фронта начали прибывать серьезные подкрепления. Медленно протянулась 4-я кавалерийская дивизия, кроме гусарского полка, мало боеспособная. Ее проталкивание в Донбас прошло с трудом; пришлось посылать агитаторов и длительно убеждать солдат. Ее командир, Жуков, не проявляя особых военных способностей и не пользовался никаким авторитетом в дивизии, так же, как и начальник штаба дивизии Давидов. Дивизия расквартирована так: Драгунский полк — в Луганске, Уланский и Стрелковый полк и 4 батареи по 6 орудий — в районе Бахмут.

Что касается 3-й кавдивизии, расположенной в Донбасе, то к 18 января большая часть ее «признала власть Совнаркома». Гусарский полк заявил «нейтралитет». Драгунский полк, три эскадрона и команда связи Уланского полка и шестая батарея выразили согласие вступить в ряды советских войск. На деле вошли в отряд Сиверса всего три эскадрона этой дивизии, батарея послана к Саблину, остальные рассеялись.

Удалось, наконец, добиться присылки из Брянска чинившегося там бронепоезда с начальником тов. Годлевским.

Орловская батарея, после катастрофы на ст. Соль, самостоятельно вернулась в Харьков, но была возвращена на фронт. В прикрытие к ней послана была пулеметная команда 18-го Гренадерского Карского полка с 4-мя пулеметами.

Из Курска вывезено 8 орудий без артиллеристов и лошадей и порядочное количество броневиков, захваченных нами у Английской миссии. Броневики приводились в порядок в тыловых автомобильных мастерских.

Из привезенных орудий, а также из захваченных у казаков спешно, главным образом, давлением Муравьева и воздействием на Харьковских артиллеристов, формировались новые батареи.

В Обояни стоял дивизион 122-миллиметр. орудий. К этому дивизиону был послан тов. Крылов, для побуждения его прибыть в Харьков. Но дивизион отнекивался, ссылаясь на отсутствие распоряжения со стороны штаба Московского Округа. По моей телеграмме Муралову, это распоряжение было дано, и тов. Крылову удалось отправить все 12 орудий с некоторым количеством артиллеристов и упряжью к нам в Харьков. И здесь, в Обояни мы столкнулись с повсеместно разлившимся явлением, врачебные комиссии упорно демобилизовывали вполне здоровых солдат. Действуя по определенному приказу Старой Ставки, они старались обескровить все сколько-нибудь революционно настроенные войсковые части. Этот саботаж был нами несколько ограничен, лишь, после серьезной внушительной борьбы.

К 21 января из Обоянских орудий были сформированы 4-орудийная батарея и один взвод. Батарею послали Саблину.

Из Харьковского гарнизона, опять-таки главным образом усилиями Муравьева, удалось также выделить одну батарею, посланную Саблину. Была выделена также саперная рота, направленная к Сиверсу.

Были приведены в большой порядок связь, снабжение и санитарное дело.

11-го января прибыла и начала приспособляться сильная группа авиаторов из Москвы. Во главе ее оказавшийся впоследствии злостным шарлатаном, лже-летчик Гермашев (с помощником Сушаповым). Летчиками были ученики Московской авио-школы.

Из Донбаса к Егорову подошел отряд рудничных партизан (до 300 человек), организованный бесшабашным смельчаком Жлобой.

После весьма настойчивых указаний, зашевелились и брянцы в Екатеринославе, но их руководители отвлекались мечтами о самостоятельных задачах. Они помышляли о движении к Знаменке и далее, вглубь правобережной Украины. Приходилось непрестанно напоминать им, что нельзя разбрасываться, что главные силы должны быть сосредоточены против главного врага, каковым является Каледин и Корнилов.

18-го января я телеграфировал в Екатеринослав тов. Сиверс:

«Не гонитесь за второстепенным, — это губительная стратегия. Шлите все способные к бою силы к Юзово. Победив в бассейне, спасет рудники, сотни тысяч рабочих и мерущие производительные силы, даст уголь северу. Поражение в бассейне — гибель для нас. Всем авторитетом советской власти требую — все боеспособное послать к Юзово, где войти в связь с Сиверсом у Криничной. Блиндированному идти немедленно к Авдеевке, где искать связи с Сиверсом и следовать его указаниям. Особенно важна связь. Никаких сепаратных действий иначе мы будем разбиты по частям. Торопитесь поддержать горнорабочих, они близки к победе. Настоятельно требую главные силы направить к Юзово немедленно»²⁾.

Я потребовал от екатеринославцев дать в рудники не менее 2-х тысяч красногвардейцев. Но из Екатеринослава удалось выделить в то время, и то, лишь благодаря беззаветной энергии тов. Мокневской, к 24 января едва одну бронеплощадку при 300 штыках прикрытия. Начальником при ней был некий Гессе — совершенно бездарный человек и не совсем чистоплотный. Комиссаром — Мокневская, принявшая много мук с этим отрядом.

Особой, посланной мною, разведчице удалось установить связь с Царицыном и через него со Ставрополем. Из присланного ею доклада выяснилось, что в Царицыне до 2-х тысяч красногвардейцев с 20-ю пулеметами и батареей. Части 5-й Кубанской дивизии все еще не прошли Царицын.

Царицынский совет чувствовал себя довольно прочно. Используя свое положение на железнодорожной линии, связующей северную и южную

¹⁾ Прим. ред. — Орджоникидзе.

²⁾ Прим. автора. Вскоре развитие наших успехов в Донбасе и потребности наступления на Украину побудили меня, впрочем, отказаться от втягиванья екатеринославцев в борьбу против Каледина.

части донской области, он причинял не мало забот и огорчений Калединскому правительству. Маршруты с зерном и мукой, поступающие с юга, задерживались в Царицыне; воинские переброски у калединовцев тормозились. Командующий войсками Донского округа, генерал Максимов, пытался запугать Царицынский совет телеграфными угрозами. Председатель Царицынского совета тов. Ерман отвечал Калединскому генералу с большой твердостью, напоминая ему участь Николая Романова. Но, кроме неудачной военной экспедиции в Куберле (приблизительно 20 декабря), Царицын не предпринимал никаких наступательных операций. С близ лежащими станциями поддерживались дружественные сношения, и казачьи части, расположенные вблизи Царицына, были хорошо распропагандированы.

Тиморецкая и Торговая с 5 января были уже заняты частями 39-й дивизии, прибывшими из Ставрополя.

В связи с этими сообщениями, я решил к 23-му января начать общее концентрическое наступление на Каледина.

По линии Поворино-Царицын дорога расчищается движением в эшелонах 5-й Кубанской дивизии (была надежда, что 2 казачьих полка, пересекающих это направление, не смогут поддержать продвижение кубанцев). Царицын нажимает через Чир и т. д. на Лихую. Частям 39-й дивизии послан приказ наступать к Батайску. Одновременно — Петрову из Чертково наступать на Миллерово; Саблин в связи с ним, из Луганска наступает также на Миллерово - Звереву - Лихую. Сиверс наступает к Шовайской и отряд Егорова — от Мелитополя движется к Таганрогу.

Пока же Сиверсу и Саблину 17 января поставлена скромная задача:

«Дебальцево командующему отрядом Саблину. — Усиленная разведка небольшими партиями. Не давайте застаиваться частям. Держите тесное соприкосновение с противником, организуйте партизанскую борьбу к Звереву. Поддержите дух рабочих — известия с Дона утешительны и час наш недалек».

«Никитовка — Комсев Сиверсу: — Ведите усиленную боевую разведку, поочередно пуская в дело небольшие отряды. Партизанскую борьбу не прекращайте, не давайте застаиваться людям, установите живую связь с Юзово и Мариуполем».

В Донбасе к этому времени развернул свою работу «Центральный штаб» красной гвардии, который из Никитовки, прибавившись в Юзовку — присылал иногда довольно пафосные телеграммы в роде телеграммы от 18-го января: «Противник наступает двумя дивизиями, с 5 батареями, 8 броневиками и находится в 2-х верстах от Юзовки».

Это было, конечно, чисто бредовым измышлением. У казаков уже началось к этой поре серьезное разложение, и они не были способны к сколько-нибудь значительным наступательным действиям.

Это расстройство неожиданно выявилось для нас в разговоре Муравьева с начальником штаба Сиверса, тов. Ильинским.

18-го января Муравьев говорил из Харькова со штабом Сиверса.

«Х а р ь к о в. Сейчас отправляю в Никитовку шестиорудийную батарею, прибывшую с фронта, прошу вас дать ей возможно отдохнуть дней пять. Я им обещал это, конечно, если противник не помешает нашему сосредоточиванию. Советую, вообще все войска, хотя бы на несколько дней разместить по квартирам, вычистить теплушки. Не стесняйтесь с обывателями размещайте солдат, реквизируйте местную баню, вообще дайте всем войскам возможность привести себя в порядок и отдохнуть и подучите особенно красногвардейцев. Обязательно устраивайте занятия ежедневно всем родам оружия, примите самые энергичные меры к удовлетворению всех нужд войск фуражом, продовольствием, провиантом и т. д. Завтра вечером посылаю 40 чел. инструкторов для организации красной гвардии. 4-я кавалерийская дивизия продолжает сосредоточиваться, последние эшелоны чрезвычайно скверно настроены. Надо принять меры к агитации среди них. Мы в свою очередь посылает партийных работников. Хорошее снабжение всем необходимым и попечение о войсках на $\frac{2}{3}$ уменьшает капризы и придирки войск, вот почему я особенно настаиваю на их удовлетворении всем необходимым. Приучайте необстрелянные войска к боевым действиям, организуя маленькие отряды для партизанских набегов на казаков, этим развивается боевой дух и уверенность в себе. Одним словом, используйте эти несколько де-

по подготовке войск как в боевом, так и в хозяйственном отношении. Срочно потребуйте от Саблина передачу вам десяти миллионов патронов.

Волинский. — Сообщаю, — по точным донесениям разведки: Криничная, Путепроводная, Ясиноватая свободны от казаков. По непроверенным показаниям, из Макеевки казаки уехали эшелонами на юг. Ст. Харцыск и Иловайская также очищены. Казаки, уезжая из Бурозового рудника, говорили: «пропало казачество». Эшелоны фронтовых казаков на ст. Иловайская арестовали и увезли с собой штаб генерала Орлова. На ст. Криничной осталась груда трупов рабочих и военнопленных. Сведения эти проверяются глубокой разведкой. О четвертой дивизии известны уже сведения. Просим принять меры к обеспечению Бахмута, еще не дошедшие эшелоны задержите.

Муравьев. Относительно 4-й дивизии мы не разделяем вашего опасения, самое большое, что они сделают, это вернутся обратно и не пойдут ни против нас, ни за нас. Мы пошлем к ним лучших партийных агитаторов и, в крайнем случае, расколем дивизию пополам. И худшую половину отправим обратно.

Если вы действительно уверены в том, что казаки покидают названные станции, то понемногу осторожно начните занимать их, наступая правым плечом. Свяжитесь с Саблиным, он поддержит вас своим правым флангом от Хацапетовки. Одним словом, если вы уверены, действуйте, но осторожно, пока ваша цель — ст. Иловайская. Согласно желания Сиверса, неподчинять ему отряд Саблина, — разрешаю, по приказу Наркома, быть обоим отрядам самостоятельными, но быть в полном контакте и поддерживать друг друга. Опять повторяю, что заходите правым флангом и займите прежде всего Авдеевку и Юзово. Из Авдеевки свяжитесь с Синельниково и Екатеринославом. Но это все в том случае, если казаки действительно оставили станции.

Волинский. — Буду действовать, согласно вашим указаниям».

Саблину, в связи с этим, мною послана тотчас же такая телеграмма:

«Дебальцево тов. Саблину. — Из отряда Сиверса получены следующие сведения, что казаки очистили ст. Ясиноватая, Кри-

ничная, и постепенно очищают весь район до Иловайской. Я даю предписание Сиверсу осторожно продвигаться вперед правым плечом и занять очищенные станции, кроме того приказываю занять Авдеевку и Юзово. Поддерживать тесную связь с отрядом Саблина и стоящей в вашем общем резерве кавдивизии в Бахмуте. Ведите сильную разведку в сторону Иловайской и Дебальцево, а также к Звереву и Лихой. Усильте занятие Дерзавки и Щеглово, всякий занятый пункт закрепляйте сторожевое и походное охранение усиьте. Сообщайте каждый раз об изменении обстановки прежде чем предпринять решительный шаг. Помните, что не закрепясь вы подвергнетесь удару с левого фланга и со стороны Иловайской. Обеспечьте содействие дивизии в Бахмуте и заручитесь поддержкой ее кавалерии. Сохраните твердо Дебальцево, Родаково, Хацапетовку и связь с Сиверсом. Но прежде всего не торопитесь. Нарком Антонов».

Соответствующее предписание дано Начальнику 4-й кавдивизии в Бахмут.

Сиверс 20 января доносил:

«Казачи под давлением фронтовых кубанцев вынуждены были очистить часть района прежде ими занятого. Чтобы помочь ликвидировать стихийное бедствие, остановку рудников и бегство рабочих, я занял Ханженково, Макеевку и некоторые другие пункты. Операции развиваются. Держусь выжидательной тактики. Наштадив четыре из Бахмута обещает поддержку. Саблин сейчас сообщает, что на него наступают с востока и возможно с юга, если это подтвердится фактами — приму самые серьезные меры к его помощи. Жду поддержки Егорова с запада. Торопите его. Мой адрес Комсев Сиверс Криничная».

Саблин доносил 19-го января:

«В полночь на 19 января по 2 участку юго-восточного фронта на левом фланге на ж. д. Родаково-Лихая противник силою одной роты, составленной из юнкеров и офицерства, вел наступление у станции Семейкино. Наступление было отбито нашим сторожевым охранением и красногвардейцами. По линии Дебальцево-Звереву наши войска заняли станцию Петровеньки в 20 верстах от Колпаково. По линии Хацапетовка-Криничная наши передовые части дошли до Монахова и Ясиновского рудника. Ночью Криничная занята войсками Сиверса».

20 января он дополнил:

«Из Дебальцево — Харьков ставка Муравьеву. — Поддерживая связь с Сиверсом, мой правый фланг двигается вперед. Рухимович занял Менновский рудник, Левинсон — Рассыпную. Из Дебальцево походящим порядком наступал ночью батальон ярославцев на Алексеевское-Орлово. Со стороны Колпаково были попытки противника продвинуться вперед, задержанные нашим сторожевым охранением. Высылайте немедленно скорее 10 тысяч винтовок и обмундирование для красной гвардии. Организовано уже много, ничего не могу оформить без обмундирования и вооружения. Вчера первым заседанием армейского комитета моих войск единогласно утвержден в звании командира 2-го участка юго-восточного фронта».

На мой запрос о возможности развернуть наступление к Миллерово — Иххой — Звереву, он отвечал 20 января:

«Из Дебальцево, Харьков Наркому Антонову: — Муравьеву известно, что с казаками Луганской станицы заключено перемирие, с обязательством предупреждения о начале боевых действий за двое суток. Это дало мне возможность перебросить все силы в Дебальцево и оказать крупную помощь Сиверсу. Сегодня предъявляю казакам района Луганск-Миллерово ультиматум с требованием нейтрализации их артиллерии, и пропуска наших войск через территорию, при гарантии не нападения на нас тыла через заложников. Через два дня, если пришлете подкрепление, могу наступать».

Я потребовал от Петрова поддержать наступление Саблина к Миллерову.

20-го января я телеграфировал Петрову:

«Из Харькова — Лиски комиссару Воронежских войск товарищу Петрову. — Именем революции и в силу полномочий, данных мне Советом Народных Комиссаров, предписываю вам немедленно перейти в наступление к Миллерову и занять эту станцию, откуда войти в связь через Луганск с отрядом Саблина, сейчас ведущим наступление против каледнских банд. Об исполнении срочно донести. Народный комиссар, Главнокомандующий всеми войсками по борьбе с контр-революцией Антонов».

Петров ответил, что наступает, и 22-го января я сообщил Саблину:

«Дебальцево, Командующему Саблину: — Распоряжения 4-ой дивизии сделаны. Ищите связь с Петровым, он наступал на Миллерово. Крайне важно в обход туннеля на линии Инхитти на Звереве. Помните нашу первоначальную диспозицию.



Т. Саблин

У Лихой и Звереве — богатейший рудничный район скрепа с Царицынской линией. На Царицын двинуты некоторые силы и положение там угрожающее. Ориентируйтесь в обстановке, не торопитесь на юг, закрепляйтесь как в том и помните о левом фланге, который надо опереть на магистраль и слить с отрядом Петрова. Наши операции к Киеву и к Одессе развиваются. Нарком Антонов».

Перелом в настроении казаков сказался по всей линии.

Каледины повсеместно отходили. 19-го января послал по радио радостную весть об этом переломе:

«Всем, всем, Кубанскому трудовому казачеству особо. — В рудничном районе, где калединские банды разоряли мирное население, насиловали, грабили, — только что был явлен прекрасный пример братской солидарности трудового казачества с остальным трудовым населением России. Возвращавшиеся с фронта кубанцы были остановлены у Иловайской доисскими бандитами. При объяснениях по поводу задержки, кубанцы в ответ на грубость калединских офицеров, стали срывать с них погоны, загнали в вагон весь штаб генерала Орлова и увезли его с собой заложниками. Революционные войска воспользовались растерянностью калединцев и вытеснили их из целого ряда шахт. Эка ва кубанскому трудовому казачеству! Да здравствует союз рабочих, беднейших крестьян и трудового казачества! Да здравствует рабочий и крестьянская власть! Нарком Антонов».

20-го января в Воронеже должен был открыться съезд трудового населения Дона. Мы много решительного ждали от этого съезда.

Меж тем, было завершено закрепление за нами южной ж.-д. магистрали.

Александровск был нами прочно занят (лишь) к 15 января. Туда прибыл 1-й Петроградский отряд во главе с тов. Поляковым. Гайдамаки сдались без боя. Бронедивизион также не оказал сопротивления. На вокзале оказалось 3 эшелона казаков.

Поляков не решался приступить к их разоружению и выполнил это лишь по моему настоянию.

Значение захвата нами южной жел.-дорож. магистрали вскоре стало себя знать.

20-го января между тов. Поляковым из Александровска и мною произошел такой разговор:

Поляков. Только что получил известие из ст. Долгичево, что оттуда следует 15 эшелонов казаков, 2 бронепоезда, тяжелая артиллерия. Двигаются для занятия Александровска. Просим двинуть ваш бронедивизион и добавить нам сил.

О т в е т.—Не верьте всяким слухам, ведите серьезную разведку, никаких блиндированных поездов у казаков нет и уже очень немного осталось эшелонов. Еще раз—ведите разведку и сторожите мосты с подрывными материалами. Слухи эти — провокация.

Но положение Александровска представилось и мне серьезным. Ни в коем случае нельзя было допустить казачью дивизию с оружием прорваться на Дон, где она существенно подкрепила бы Каледина.

И, после повторных тревожных сообщений тов. Полякова, пришлось подумать о его подкреплении, отвлекая для этого часть сил от основных задач.

22-го января я передал в Екатеринослав предписание — немедленно отправить полным ходом к Александровску блиндированные площадки, а также в Полтаву Муравьеву — послать в Александровск бронепоезд Зайцева.

Тов. Поляков телеграфировал к этому времени:

«Требую блиндированный поезд в Александровск немедленно. Казаки не сдаются. Идет бой. В нашем распоряжении силы меньше в 10 раз, чем у противника. Разобрал путь, этим думаю

удержать, до прибытия блиндированного поезда, неприятелю. Вел переговоры с казаками от 16 эшелонов, которые отказались разоружаться. В Александровске все революционные войска вошли на подкрепление на ст. Кичкас, где ждем встречи с обходным пешим строем казаков».

Вечером того же дня Поляков доносил:

«На ст. Кичкас, не доходя до 2-го моста со стороны Екатеринославской станции, нами занята позиция из трех линий пулеметов по полотну жел. дороге, первая линия 15 пулеметов, вторая линия 8 пулеметов, 3-я линия 6 пулеметов. Около эшелона находилось орудие под прикрытием 3-х пулеметов. Первая задача наша была такова—разобрать путь около моста. Это было сделано в 7 час. вечера, и мы находились в боевой готовности. В полдень первого прибыл отряд казаков в восьми вагонах, для разведки. У меня был и семафор открыт для их приезда, они доехали до самого того места, где разобран путь; подъехали без огня и очень тихо. Но я сам был в это время в разведке по пути к ним навстречу».

«Когда я стал подходить к тому месту, где разобран путь, то наткнулся на их разведочный отряд и чуть не погиб и команда открыла огонь, который продолжался слишком полчаса, после я прекратил огонь. Вскоре явился казак и стал говорить «за что мы, товарищи, деремся», — я ему объяснил несколькими словами и отправился к себе в штаб. После еще явилось два человека, за ними еще 6 депутатов, одного из них убил за дерзость, а остальные 3 скрылись. Двое доставлены в штаб. Переговоры назначены в 12 час. дня 9-го (22-го) января. Пока в результате боя есть убитые, раненые и пленные, со стороны неприятеля с нашей стороны один легко раненый».

«Казаки шести эшелонов изъявили желание вести переговоры и я заметил, что они хотят разоружиться, а остальные десять эшелонов, исключительно кавказских, ненадежны, могут пойти в обход. У меня выбыли из строя 3 пулемета, но надеюсь удержаться до прихода поездов»¹⁾.

Получив это успокоительное сообщение, я дал приказ блиндированному поезду Зайцева, подходившему уже к Павлограду, вернуться в Полтаву.

¹⁾ Примеч. автора. Стиль телеграммы, как и всех приводимых в книге донесений и прочих документов, не отстает от их подлинных

Столкновение в Александровске ограничилось легкой перестрелкой.

Утром 24-го января казаки начали сдавать оружие, и их отступление, по восстановлении нами пути, были пропущены через Александровск.

Челоморцы, в свой черед, бездействовали, чувствуя себя парализованными «татарским корпусом», который, по слухам, двигался с фронта через Херсон-Джанкой и 17 января будто бы уже прошел Херсон. Слухи сильно преувеличивали силы этого корпуса. Он будто бы состоял из 3 полноштатных дивизий. На деле были вряд ли и 2 боеспособных полка. Опираясь на них и на некоторые особые белогвардейские, офицерские формирования, татарские учредилорцы пытались установить в Крыму свою «демократическую» власть.

В ряде городков (Ялта, Феодосия, Балаклея) произведены были попытки разоружения местных гарнизонов.

Это сильно взволновало крымчан, волнение передалось и в Александровск, откуда военком Лидарский докладывал мне в Ставку, 25-го января:

«Вышлите немедленно Александровск бронированный поезд, чтобы занять Сивашский мост. Вслед за бронированным поездом отправляю боевые отряды Путиловского завода, чтобы занять Джанкой. В Симферополе русскими генералами, офицерами и контр-революционными войсками из племени татар, 26-го января предполагается наступление на Севастополь; прибыли члены военревкома из Симферополя и Севастополя в Александровск. Прибыл 1-й большевистский гвардейский революционный отряд и присоединился к отряду с Александровска. Прорыв сделают с юга на Украину. Сегодня назначено заседание Военревкома для переговоров с Президиумом в соответствии с текущим моментом. В Кичкас обязательно вышлите не менее 8-ми пушек 6-дюймовых и инструктора. Адрес штаба по борьбе с контр-революцией, Александровск, Троицкая 15. Объявлено военное положение с 24-го января, запрещено движение по городу после 21 часа».

Я отвечал:

«Главный враг—Каледин. Все силы надо направить против него. С татарами справятся прибывающие с Кавказского фронта

и Феодосии войска. Не распоряжайтесь без моего ведома — ила Александровска. Ограничьтесь наблюдением за Сивашским морем. Оста держите точную связь с Никоподем и Долгинцево. Никак артиллерии и броневому вам не пошлем, пустяками не отвлечемся. Екатеринослав занимает Криворожье и вас прикрывает с стороны Западной, а с Юга вам достаточно простое наблюдение. Справившись с Калединым, в два счета кончим с татарами. В Украине нами заняты, вслед за Полтавой — Кременчуг, Ромодан, Путивль. Идет атака Конотопа и Бахмача. В румынских руках твердо держим Иловайскую. Сохраните хладнокровие и дисциплину».

О прибытии эшелонов с Кавказского фронта, я был извещен самими же севастопольцами, сговорившимися о вывозе из Трестезунда некоторого количества «фронтовиков».

В этот же день тов. Толстов, командующий против татар, сообщал мне из Севастополя:

«Доношу, что Феодосия занята нами, татары из нее вытеснены и находятся в 20-ти верстах по деревням. Город нами сильно укреплен. Сейчас в Ялте идет бой, на поддержку наших частей высланы два миноносца, из которых один уже участвует в бою. Татар в городе Ялте находится два эскадрона и рота пехоты, состоящая из офицеров с двадцатью пулеметами, они все прибыли из Симферополя и пытаются взять Ялту. У нас в Севастополе все спокойно».

Через пару дней, севастопольцы собравшись с силами, выдвинули отряд в несколько тысяч моряков, опрокинувших татарскую кавалерию и занявший Симферополь.

Татарская контр-революция была сломлена. Одновременно сорвалась и попытка Центральной Рады украинизировать Черноморский флот.

К середине января состояние наших отрядов было следующее:

В отряде тов. Петрова оставалось около 2¹/₂ тыс. человек с двумя батареями и 20-ю пулеметами. Головные его части занимали Чертково и бездействовали.

У Саблина — Московская пехота, 1 батальон 500 штыков, отряд новгородцев — 300 штыков, Костромичи — 400 штыков и два батальона (негодных), Ярославцев — 300 шт. Гатчинцы — отряд Левинсона — 340 штыков, отряд Рухимовича 350 штыков.

Две Оловские 4-орудийные батареи (одна никуда негодная). Мортирный взвод — 2 орудия, 4-орудийная 122-мил. батарея, взвод Харьковской батареи. Несколько тысяч (около 5-ти) красногвардейцев, остававшихся на квартирах в резерве, как и Драгунский полк 4-й див. (300 сабель) и шестирудийная батарея при нем. Всего 2.200 шт., 300 сабель, 16 легких и 6 тяж. орудий. Сверх того вспомогательные части.

К 13-му января у Саблина было такое положение: Отряд Рухимовича в Енакиевке и Ясиноватой; в Зуевке 2 батареи с пулеметным прикрытием, в Чистяковке — 53-й полк, в Черемухино — отряд Левинсона (гатчинцы) и в Петровенках ярославцы. С Зуевки Саблин пытался продвинуться в сторону Звереве.

Колонна Сиверса — стрелковый полк 4-й кавдивизии, штурмовой батальон 17-го корпуса (400 штыков), отряд Петроградцев Трифолова — 900 штыков. Отряд в 300 штыков красногвардейцев из Екатеринослава и бронеплощадкой (2 орудия), 2 эскадрона драгун из 3-й кавдивизии и отряд Нежинских гусар. Харьковская батарея (4 орудия), батарея 17-го корпуса и батарея 3-й кавдивизии. Всего 700 солдат, 1200 красногвардейцев до 500 сабель, 20 орудий. Кроме того, в резерве до 4-х тысяч местной красной гвардии из Никитовки, Юзовки и других районов (1 Донецкий кр. гв. полк 3 бат. и отдельные дружины на рудниках).

Сиверс занимал Кришичную - Ясиноватую - Ханженково.

По линии Лозовая-Синельниково-Александровск — 1.500 красногвардейцев, из них в Александровске до 800 москвичей.

В Бахмуте — остальные части 4-го кавдивизиона.

Значительные силы уже отвлечены против Украинской Рады, — активные операции к Киеву начались 18-го января.

ГЛАВА VI

Отношения с Радой обострились. Предательство Рады. Провокационная работа Рады. Наступление решено. Полтава — занята. Первые осложнения.

К середине января 1918 года отношения с Центральной Украинской Радой так обострились, что все миролюбие и вся усугубленность Советского правительства были исчерпаны.

На наш ультиматум от 17 декабря, требовавший, чтобы Рада прекратила раскол единого фронтового командования и содействие Донской контр-революции, Центральная Рада ответила крайне резким и вместе с тем уклончивым заявлением.

В этом заявлении Рада, прежде всего, старается возвести Совнарком обвинение во вмешательстве в «дело устроения государственной и политической жизни народной Украинской Республики».

Разоружение Украинской Радой некоторых воинских частей объясняется, мол, тем, что эти части анархически построены, составляли «заговор на власть украинского народа» и угрожают «внести в жизнь Украины кровавую братоубийственную войну». Единый фронт, заявляет дальше Генеральный Секретариат, мы принимаем, но так как Совнарком Великороссии «разоружил единый фронт и большевистские части оставляют позиции и оголяют фронт», то: «Генеральный Секретариат не находит возможным одними силами украинских частей охранять всю громадную линию фронта, а поэтому он уводит с северного и западного фронтов украинские войска на украинский фронт» и это «во имя спасения хоть одной части фронта и сохранения укрепленным его на время необходимое для успешности и достижения всеобщего мира». Отрицая Генеральный Секретариат требует от Совнаркома приостановить и два враждебных действия против украинских частей. А отряд 39 вопроса о пропуске наших частей через территорию

Украина, заявляет, что Рада действует-де на основе «права на самоопределение каждого национального элемента». Что касается Центрального правительства, то оно «должно быть однородно социалистическим от большевиков до народных социалистов, должно быть федеративным».

В заключение, Генеральный Секретариат предлагает Совнаркому «отозвать большевистские полки из Украины» и обещает никаких препятствий к их выходу не чинить. А, в конце концов заявляет, что не желает братоубийственной войны, но что если Совет Народных Комиссаров Великороссии принудит Генеральный Секретариат принять их вызов, то Генеральный Секретариат никоим образом не сомневается, что «Украинские солдаты, рабочие и крестьяне защитят свои права и свой край и дадут должный ответ Совету Народных Комиссаров». Подписано: председатель Генерального Секретариата Винниченко.

Еще до этого ответа Центральной Рады, Украинский революционный штаб, от имени Генерального Секретариата, передал Совнаркому, что конфликт между Украинской и Великорусской республикой может быть улажен, если 1) со стороны Совнаркома будут признаны права Украинской народной республики и обеспечено полное невмешательство в ее дела, 2) будет удовлетворено требование на возвращение в пределы Украины всех украинцев, сведенных в военные части, 3) будет урегулирован вопрос о денежных знаках и золотом запасе, 4) Румынский и Юго-Западный фронт будет признан украинским и выделен из командования Ставки, 5) вопрос о мире будет разрешен при участии Украинской республики. Вместе с тем, Украинский революционный штаб уполномочен своим правительством заявить Совнаркому, что в виду финансовых затруднений, из пределов Украины не будут высылаться продовольственные продукты, впредь до получения непосредственно Генеральным Секретариатом наличностью по счетам за продукты кредитными билетами, а $\frac{1}{3}$ золотом. Подписано: атаман штаба Бондаренко. Адъютант Сук.

Эти документы говорят сами за себя, особенно документ, подписанный атаманом штаба, заявляющий о продовольственной блокаде советской республики хлебородной Украиной, и указания Винниченко на счет того, что пагло захватная воля казачьих элементов и является самоопределением казачьих областей.

Это заявление было передано Совнаркомом через Петроградскую Краевую Войсковую Раду.

Совнарком на это ответил:

«Украинскому революционному штабу, Петроградской Краевой Войсковой Рады.— В ответ на ваше предложение о мирном улаживании конфликта между Центральной Радой и Советом Народных Комиссаров, сделанное по уполномочию Представительства Украинской Народной Республики, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Мирные способы улаживания конфликта, разумеется, желательны, и Советская власть все сделала для достижения мирного разрешения вопроса.

2. Что касается выдвинутых Радой условий, то те из них, которые имеют принципиальный характер (право на самоопределение) не составляли и не составляют предмета спора из конфликта, так как Совет Народных Комиссаров признает и проводит эти принципы во всей их полноте.

3. Действительным предметом конфликта, совершенно замалчиваемым в передаваемых вами условиях Рады, является поддержка со стороны Рады буржуазно кадетско-калединской контр-революции, направляемой против власти Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

4. Соглашение с Радой возможно только при условии категорического заявления Рады об ее готовности немедленно отказаться от какой бы то ни было поддержки Калединского мятежа и контр-революционного заговора кадетской буржуазии».

Совнарком проявлял величайшую уступчивость Украинским мелко-буржуазным националистам.

Между тем, контр-революционная физиономия Рады была вполне ясной. Предательская политика Рады особенно ярко вскрывается следующей шифрованной телеграммой Центральной Рады перехваченной советской властью (напечатана в «Правде» 15 декабря ст. ст. № 215.) от 28 ноября ст. ст. 1917 г. «Французская военная миссия на Румфронте,—гласила эта телеграмма,—получила срочные инструкции Французского правительства войти в тесную связь и всеми мерами поддерживать Украинскую Раду после того как последняя высказалась за поддержание порядка и заключения мира в согласии с союзниками. Чины французской миссии ра-

ботают в непосредственной связи с Радой, равным образом, французы получили указания всемерно поддерживать местные политические организации, которые стремятся к поддержанию возможной боеспособности Румынского фронта. По моим сведениям, французы путем совместной работы с возникшим местным правительством, рассчитывают поддержать видимость Российского фронта до февраля или марта и оттянуть окончательное заключение перемирия до весны, предотвратив подготовку германцами весенней кампании на Западном фронте, после чего весной представится более выгодная обстановка для заключения общего мира. По расчетам французов, украинизированные части могут удерживать Румфронт и занимаемую ныне украинцами часть Юго-западного фронта. На Дон командирована особая миссия из нескольких французских офицеров, чтобы, по соглашению с Войсковым Кругом, обеспечить снабжение Румфронта и Юзфронта углем и продовольствием и, в частности, освободить имеющиеся у казаков сто тысяч пудов хлеба. Перемирие, предложенное Помглавкорум, помимо генерала Раттель, вызвало полное неодобрение последнего. Французы утверждают, что румыны согласились на перемирие с большой готовностью, что еще раз доказывает, что они тайно от союзников давно делали попытки к переговорам с Германией о сепаратном мире. Что касается англичан, то их лазареты и санитарные отряды теперь получили определенное указание из Лондона свертываться и покидать наши фронты».

Телеграмма эта свидетельствовала о наличии союза между французской миссией и Радой, с целью сорвать заключение общего мира России с немцами и протянуть состояние войны до весны. Видна и связь с Калединым. Налицо «тройственный союз — Франции — Рады и Донской контр-революции — для срыва мирной политики Совнаркома», — как писал нарком по делам национальностей тов. Сталин.

«Теперь мы знаем, для чего стягивает Рада к Румынскому Юго-Западному фронту украинские части: — флагом национализации армии она пытается прикрыть свой договор с французской миссией на предмет оттяжки мира до весны. Теперь мы знаем, почему Рада не пропускает Советские войска против Каледина: — флагом нейтральности по отношению к Каледину она пытается прикрыть свой союз с Калединым против Советов. Теперь мы

знаем, Почему протестует Рада против вмешательства Совета Народных Комиссаров во внутреннюю жизнь Украины: фразам о вмешательстве она старается прикрыть действительное вмешательство французского правительства в жизнь Украины и всей России в целях ликвидации завоеваний революции. Рада, или вернее ее Генеральный Секретариат есть правительство изменников социализму, масс, называющих себя социалистами для обмана. Рада, или вернее, ее Генеральный Секретариат — есть буржуазное правительство, борющееся с Советами в союзе с Каледиными. Раньше правительство Керенского в союзе с Корниловым разоружало Советы России, теперь правительство Рады в союзе с Калединым разоружает Советы Украины. Рада, или вернее, ее Генеральный Секретариат — есть буржуазное правительство, борющееся в союзе с англо-французскими капиталистами против мира. Раньше правительство Керенского оттягивало дело мир, обрекая миллионы солдат на роль пушечного мяса. Теперь правительство Рады старается сорвать дело мира, «оттянув переговоры до весны». Правительство Керенского было сброшено за это общими усилиями рабочих и солдат России. Мы не сомневаемся, что правительство Рады также будет сброшено усилиями рабочих и солдат Украины. Только новая Рада, Рада Советов рабочих, солдат и крестьян Украины может стать на службу народных интересов Украины против Калединых и Корниловых, против помещиков и капиталистов» (Сталин — «Правда» № 215. 1918 г.).

Несмотря на это, Совнарком продолжал попытки уладить миром столкновение с Генеральным Секретариатом Центральной Украинской Рады.

28-го декабря тов. Сталин обратился к Народному Секретариату Советской Украины, а также к тов. Артему и ко мне со следующим сообщением и запросом:

«Обращаюсь к вам, товарищи, Артем и Антонов. Сегодня Прошьян, делегат крестьянского съезда, присланный на Украину для переговоров с Радой, вернулся в Петроград и сообщил, что Рада не прочь войти в переговоры, если Совет Народных Комиссаров согласен на это. По этому случаю Совет Народных Комиссаров вынес следующую резолюцию: Сообщая вам эту резолюцию, спрашиваем вас и Народный Секретариат, — согласны ли они с нею.

«Выслушав доклад тов. Прошьяна, который, в качестве делегата от Крестьянского Съезда, имел беседу с Винниченко, Грушевским, Поршем и другими, как официальными представителями Рады, и, принимая во внимание, что эти официальные представители Рады выразили принципиальную готовность начать переговоры о соглашении с Советом Народных Комиссаров на началах признания последним независимости Народной Украинской Республики и признания Радой контр-революционности Каледина и его пособников, приняв далее во внимание, что Совет Народных Комиссаров всегда и безусловно признавал право всякой нации, в том числе и Украинской, на независимое государственное существование, что всякая попытка устранить войну с Радой, если бы Рада признала контр-революционность Каледина и не мешала войне против него, безусловно желательна, выражая свое убеждение в том, что только Советы Украинской крестьянской бедноты рабочих и солдат могут создать на Украине власть, при которой столкновения между братскими народами будут невозможны, — Совет Народных Комиссаров считает в то же время целесообразным открыть деловые переговоры с Радой, с целью устранения тех столкновений, которые были вызваны политикой Рады по отношению к общему фронту и контр-революционному восстанию Каледина. Совет Народных Комиссаров постановляет — предложить Раде переговоры о соглашении на указанных началах и наметить как один из пунктов, где было бы всего удобнее вести переговоры — город Смоленск или Витебск». Резолюция кончена. Не имеете ли чего против такой резолюции, согласны ли с этой резолюцией?»

Мы с Артемом, как и Нарсекретариат Украины, не нашли возражений против этой попытки. Эта резолюция Совета Народных Комиссаров была опубликована без всяких изменений («Правда» № 220 — 1918 г.).

Но соглашение было сорвано Центральной Радой, и Совнарком 13-го января опубликовал следующее:

«На заседании Совета Народных Комиссаров от 30-го декабря ответ на официальную ноту Рады, принята без возражений следующая резолюция:

«Совет Народных Комиссаров признает ответ Рады неопределенным, до издевательства. Основным источником разногла-

сия с Радой являлось то обстоятельство, которое Совет Народных Комиссаров ясно указал в своем первом обращении к Раде с предложением мирных переговоров. Именно, в этом обращении было сказано, что прямая или косвенная поддержка Радой каледнищев является для нас безусловным основанием для военных действий против Рады. Вокруг Каледина группируются собравшиеся со всех концов России контр-революционные элементы из помещиков и буржуазии. Против Каледина стоит явно большинство крестьян и трудового казачества даже в Дону. Признание Советской власти большинством населения России, и в первую голову трудящихся масс всех наций, есть очевидный для всех факт. В самой Украине революционное движение украинских трудящихся классов за полный переход власти к Советам принимает все большие размеры и обещает победу над украинской буржуазией в ближайшем будущем.

«Уклонение Рады от ответа на вопрос о том, прекращала ли она прямую или косвенную поддержку каледнищев, срывавшие начатые нами мирные переговоры и возлагает на Раду всю ответственность за продолжение гражданской войны, которую подняли буржуазные классы разных наций и которая совершенно безнадежна, ибо подавляющее большинство рабочих крестьян и армии решительно стоит за социалистическую советскую республику.

«Национальные же требования украинцев, самостоятельности их народной республики, ее права требовать федеративных отношений, признаются Советом Народных Комиссаров полностью, никаких споров не вызывают. Совет Народных Комиссаров».

В виду такого положения вещей я, по отношению к Украине ограничивал военные действия лишь заслоном, разоружением украинизированных частей и разрывом сообщений Украины с Донбасом и Доном.

Но и эти мои действия казались Совнаркому слишком враждебными по отношению к Раде. Сталин делал мне упреки в этом смысле — и я должен был ему объяснять стратегическую необходимость для нас захвата южной магистрали.

Положение серьезно осложнялось созданием «Народного Секретариата Украинской Советской Республики», выделенной «Цикухой», избранной на Всеукраинском съезде советов 25-го

кабря. Съезд этот, напомним, был созван на 19 декабря в Киеве, но созван Центральной Радой и перебрался в Харьков, где слыхом со съездом делегатов от Донбаса и Криворожья).

По предложению тов. С. Бакинского, представителя «Цикуки» при моем штабе, мною было предпринято и прямо враждебно по отношению к Центральной Раде действие: запрещена отправка угля к западу от южной магистрали. В ответ на жалобы по этому поводу, я категорически заявлял, что уголь может быть дан лишь в обмен на хлеб для голодающего Севера.

Провокационные действия Рады рисуются, например, из следующего сообщения Берзина из Гомеля:

«Гомель. — Продовольственные базисные интендантские склады в Гомеле пусты. Для местного гарнизона хватит продуктов только на два дня. Украинский Генеральный Секретариат запретил подвоз хлеба для северного и западного фронтов, для Москвы и Петрограда, захватил главные интендантские склады Юго-Западного фронта, которые до сих пор кормили Северный и Западный фронты. Ежедневно являются делегации от позиций и требуют хлеба, угрожая бросить позицию. Если не будет улажен продовольственный вопрос, и Украинская Рада не прекратит свою губительную политику против армии солдат, рабочих и крестьян, то может случиться то, что Северный и Западный фронты снимутся с позиции и все пойдут против Украинской Рады. В Украине продолжаются издевательства над старыми боевыми революционными русскими полками. Их разоружают и отправляют домой навсегда и, таким образом, уничтожают русскую армию. Офицерам и солдатам предлагают служить в Украинской армии, в которой введено отдание чести и требуется вставать во фронт начальникам. На границе Российской Республики Рада стягивает гайдамаков, уланов и украинскую пехоту. Образованы Украинские батальоны смерти, подобные на всем известные корниловские батальоны смерти. В артиллерийских частях служат русские офицеры. Необходимо принять срочные меры по доставке продовольствия. Начальник Бакинского революционного отряда Берзин».

Между тем, как мы ограничивались лишь подготовкою боевым действиям, Рада сама провоцировала столкновения, и они разлились по всему Юго-Западному фронту.

По донесению тов. Тер-Арутюнянца мне — большие надежды, возлагаемые нами на Юго-Западный фронт, не оправдались.

Тов. Фейерабенд, по возвращении оттуда в Ставку, сообщает, что, еще до его прибытия в гвардейский корпус (Жмеринка) комиссар 7-й армии распорядился отправить батальон Волынского полка на ст. Винница, где гайдамаки его обезоружили. На совещании представителей корпуса решено было разоружить в ответ гайдамацкие эшелоны, но наша нерешительность дала гайдамакам возможность уехать.

Затем Центральная Рада и штаб Юго-Западного фронта отказались давать эшелоны для отправки корпуса на Днестр против Каледина.

Фейерабенд в ответ решил направить корпус на Киев, план был разработан, совместно с комитетом 2-го гвардейского корпуса по жел. дороги и телеграф забастовали на сутки. Жмеринка и окрестности объявлены на военном положении, назначены комиссары на станцию и депо, при начальнике движения железнодорожа, начальник гарнизона, организован В. Р. трибунал, вызван желдор. батальон. Армейский комитет (7) и командарм 7 ма оказывали поддержки. У Винницы и Вапнярки радовцами порваны пути и корпус отрезан.

Фейерабенд решил направить на Киев и 7 Финляндскую дивизию (со стороны Деражни и Винницы), но дивизия отказалась отправиться без распоряжения Армкомитета 7. Приказано выделить из корпуса всех нежелающих идти против Центральной Рады. 23-го и 27-го декабря выступили первые полки похода в порядке на Винницу. К ним явилась делегация от 3 полков гайдамаков, мортирного дивизиона, Донских и Уральских казачков. Им заявлено, что соглашение может быть, если они откажутся от Центральной Рады.

Ночью в местечке Браилово украинцами окружены и разоружены 2 батареи 4-го стрелкового полка и 2 батареи. В ответ был открыт артиллерийский огонь по Браилову и выслан Кексгольмский полк, но полк этот самовольно вернулся. Корпус перешел к обороне: с Вапнярки и Журавлевки начали угрожать украинцы. И «начальник западного отряда» Фейерабенд вернулся в Ставку сообщить о своей неудаче.

Центральная Рада перешла в наступление, и в Особой армии ревком был арестован, броневики захвачены украинцами. Гусарский и его помощники захвачены и с командиром Егорьевым отправлены в Киев. По сообщению Разживина, председателя комитета 7-й армии, корпуса требуют отвода с украинского фронта; Туркестанский корпус начал сниматься. Особая армия предпринимает движение на Ровно-Бердичев. Полки выделяют отряды. Разживин начинает концентрацию вокруг Ровно. Главверх отказывает в выделении частей.

Ставка, видимо, не справлялась с фронтом и, предоставленный самому себе, он расплзался почти совершенно не использованный. Вместе с тем, тов. Тер-Арутиньянц действовал откровенно от меня и давал крайне редко сведения о положении у него. Сведения его разведки были также крайне скудны.

Рассчитывать на натиск к Киеву со стороны частей Юго-Западного фронта, значит, не приходилось. Все, что можно было сделать с этой стороны — это оттягивать на запад внимание Центральной Рады. Главный удар Ставка должна была нанести Центральной Раде от Гомеля к Бахмачу.

Несколько расширяя первоначальный план, Ревштаб Ставки решил сосредоточить к 28 декабря в Брянске, Новозыбкове и Калинковичах по 1 дивизии, в Гомеле 2 дивизии с артиллерией.

Но отсутствие подвижного состава, продовольственные затруднения и непригодность частей этого не допустили.

В докладе от 5-го января Тер-Арутиньянц сообщает, что «большинство прибывших полков отказываются идти против Центральной Рады», и пришлось приостановить движение отдельных полков, приступив к формированию ревотрядов. Прибыло всего 9 полков, из них 3 ненадежны, один отправлен в Харьков и 2 чистятся.

По сведениям разведки ревштаба Ставки, — радовцы стянули к Киеву до 100.000 человек. В Чернигове до 1.500 гайдамаков (3 батальона), остальные распущены. В Городне — до 1.500 «вольных казаков». На охране против наших отрядов (Гомель-Новозыбков) до 20 украинских групп. В Бахмаче — штаб курения смерти. В Стародубе — 3-й отдельный артиллерийский тяжелый дивизион распущен, кроме украинцев. В деревне Коробовщина

(4 вер. от Стародуба) — 300 казаков полка Богдана Хмельницкого; в городе Погар (60 вер. от Стародуба) — текинцы.

До середины января, происходили легкие стычки в направлении Гомель-Бахмач.

10-го января занят мост на р. Десне у ст. Мажановичи. 13-го января заняли ст. Дочь, но были выбиты украинцами. Наши (отряд моряков-балтийцев, под командой Ягудина) в 20 вер. от Бахмача. В направлении Новозыбков-Конотоп наш отряд продвинулся до Семеновки. Путь в 13 вер. от Новоград-Северска разобран, и украинцами поставлены пулеметы и артиллерия. У нас артиллерии нет, она ожидается из Новозыбкова. 12-го января заметно накопление украинцев в хуторе Михайловском.

На ряду с этим, Рада проявляла определенно враждебные действия против Советов рабочих депутатов и в Киеве, и в Полтаве, Одессе, Екатеринославе и т. д.

В Полтаве радовцы вели себя крайне вызывающе. Революционные элементы Совета депутатов на погромную провокацию начальника гарнизона Ревуцкого ответили (в конце декабря) его арестом. Но даже значительная часть большевиков проявила нерешительность, и Ревуцкий был освобожден. Он тотчас вызвал из Киева блиндированный поезд, батальон Георгиевских кавалеров и полк Богдана Хмельницкого. Опираясь на эти силы а также на расположенное в Полтаве Виленское пех. юнкерское училище, Ревуцкий повел себя крайне нагло в отношении совета — пошли обыски, аресты, пьяные погромы. Один из анархистов, Дуноевский, в ответ на эту провокацию, убил командира полка «богдановцев». Богдановцы разгромили Совет и произвели массовые аресты в городе.

Полтавские товарищи взывали к нам о помощи. Сами они не имели опоры ни в одной воинской части, кроме расположенного в Миргороде саперного батальона (до 2.000 вооруженных солдат), да авиопарка в Полтаве (председателем ревкома авиопарка был славный, боевой тов. Каск, впоследствии погибший в бою с немцами под Таганрогом). 4-й полк (в Полтаве) был украинизирован.

«Цикука» неоднократно настаивала на моем наступлении в сторону Полтавы, но я выжидал, заявляя при этом, что,

всяком случае, не начну военных действий, пока в нашем распоряжении не будет своей чисто украинской боевой части. Такая часть начала формироваться тотчас по моем прибытии в Харьков. Это формирование пошло особенно успешно по разоружению нами двух украинизированных полков Харьковского гарнизона. К середине января оформлена «сотня червонных казаков» во главе с тов. Примаковым, заложившая начало славному корпусу червонного казачества, одной из наилучших боевых единиц Красной Армии.

Самым главным представлялось не дать Центральной Раде сорвать мирные переговоры, начавшиеся с немцами. Представители Центральной Рады вели свою тайную политику, готовя предательство по отношению к Советской России; было необходимо военной рукой поддержать дело украинской бедноты, признать Советское Правительство на Украине, в руки которого должно перейти ведение, в тесном союзе с Советской Россией, мирных переговоров с немцами.

Вместе с тем, назрела серьезная оперативная необходимость прикрыть Харьков, которому угрожали какие-то приготовления в Полтаве.

От прибывших ко мне делегатов чехословацких солдат получены были сведения, что их офицеры вошли в соглашение с Радой и дают свой корпус, расположенный у Киева, в ее распоряжение, намереваясь к 28 января ввести одну из его дивизий в Полтаву. Кроме того была перехвачена телеграмма начальника 13-й дивизии Капкана о наступлении к Харькову Лозовой (телеграмма эта вызвала у нас большую веселость).

Все это толкало к выступлению против Рады.

Ускорить наступление побудили меня также сведения о разложении в стане «радовцев» и известия об успехах «отряда особого назначения», который в составе 200 человек во главе доктором Знаменским прибыл из Москвы, собственно Замогилевым, и, без всякой связи с нами, по собственной инициативе, забрался из Курска в Ворожбу, где усердно повел пропаганду Советской власти.

Начало наступления на Украину приурочивалось мною к 18 января. В Ставку Тер-Арутюнянцу дано предписание направить все боеспособные части с Юго-Западного и Румфронта

на Киев и развить наступление от Гомеля к Бахмачу — Курск. Кудинскому в Брянске приказано усилить отряд Знаменского у Ворожбы — придав к нему до 1.000 штыков красной гвардии и батарею. Курскому ревкому — выслать к Ворожбе также 100 человек с пулеметом. Белгороду и Люботинской группе выделить отряды для установления связи с Ворожбой. Общее руководство действиями от Ворожбы Кудинский должен принять на себя. Главный удар решено направить на Полтаву. Из Харькова должен был выйти бронепоезд с эшелонами черноморских казаков и Харьковских красnogвардейцев, в общем до 500 штыков во главе с Муравьевым. Одновременно из Лозовой наступает в эшелонах отряд Егорова с бронепоездом (всего 1.200 штыков).

Разведка доносила о сильном пьянстве и смятении среди Полтавского гарнизона. Богдановцы будто бы куда-то выбыли. Путь к Харькову на 82 версте был 14-го января разобран гайдамацким партизанским отрядом, но уже 17-го января был собран железнодорожниками (к этому времени через Полтаву и Харьков пропущены 4 эшелона Оренбургских казаков, сдавших нам оружие).

Начальник Тверского отряда, расположенного в Лозовой, сообщал мне 3 января, что замечается сосредоточение гайдамацких частей по линии Лозовая — Полтава, — в Константинограде стоит 400 гайдамаков при 12 пулеметах и двух орудиях, в Карловке два эшелона с 1½ — 2 тыс. солдат украинцев и гайдамаков при 20 пулеметах и одной батарее (это будто 260-й украинизированный полк) и туда подходят еще подкрепления.

От «Московского отряда особого назначения» 19 января получено сообщение, что дела идут успешно. Глухов занят после небольшого столкновения. Михайловский хутор очищен петлюровцами и гайдамаками и 19-го января занят нами. Петлюровцы, в числе до 1.000, занимают Кролевец.

Сумы еще раньше были закреплены за нами отрядом 30 полка (120 штыков) во главе с тов. Рудневым.

К этому времени уже развернулось наше наступление к Полтаве. Лихой удар от Харькова должен был отрезать Константиноград-Карловскую группу противника, на которую Егоров совершает из Лозовой медленный нажим.

Наступление Муравьева к Полтаве обошлось почти без всяких потерь; небольшие гайдамацкие шайки пытались разбить путь перед нашим бронепоездом. Богдановцы и бронепоезд петлюровцев, не приняв боя, бежали из Полтавы. Юнкера оказали ничтожное сопротивление, и 19-го января вечером Муравьев вступил в Полтаву, потеряв всего одного человека убитым.

Серьезную помощь Муравьеву, и вообще нашему движению на Полтаву, оказал тов. Казюра, железнодорожный рабочий, и некоторые другие полтавцы, прибывшие заблаговременно к нам в штаб, давшие нам план города и дислокацию расположенных в нем частей.

У Егорова вышла серьезная заминка на пути у Константинограда, который он, поверив нелепым слухам, считал занятым большими силами противника (3.000 штыков, 6 орудий). Его настойчивые просьбы о помощи побудили меня предписать екатеринославцам, в нарушение моих прежних приказов, оказать поддержку его наступлению.

Оправившись и узнав об успехах Муравьева, Егоров взял такти Константиноград, где обезоружил батальон гайдамаков. 20-го января он прибыл в Полтаву, на соединение с Муравьевым.

Предполагалось направить в Полтаву и небольшую группу метчиков, но Начавно Н. Гермашев лишь с громадным запозданием выполнил это свое обязательство.

Главные затруднения предстали перед нами лишь по занятии Полтавы. Они отчетливо рисуются в следующих разговорах моих по прямому проводу с Муравьевым:

Муравьев. Станция Полтава южная занята нами. Я сейчас же послал отряды для занятия города и станции Полтава Киевская. Прибыли сюда с большими затруднениями. Дорога во многих местах была испорчена. Кто-то сообщил о нашем приближении. У меня подозрение есть на одно лицо, которое подозревается также и начальником службы связи. Прошу поторопить Егорова. Здесь дело будет серьезное. Шлите подкрепление человек 500. Полагаю, что справимся. Необходимо 2 броневика. Гусев (помощник заведующего артснабжением), как всегда, подвел, не выполнил моего приказа. Ощущается нужда, прикажите ему выслать пол-миллиона патронов и побольше динамита и бомб,

ибо скорее разрушу до единого здания город, чем отступлю. Приказал беспощадно вырезать всех защитников местного буржуазии».

Через пару часов продолжение:

«Город с всеми учреждениями занят нашими, исключая Киевского вокзала, откуда пока известий не имею, но полагаю, что не замедлю получить скоро благоприятные сведения о занятии. Юнкера еще за два дня, услышав о нашем движении, бежали. Оставшиеся оказали сопротивление, но были перебиты вместе с офицерами. Вот пока единственный кровавый эпизод. Теперь сообщу тоже важные местные политические известия. Или, вернее сказать, переговоры местного Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов со мной. Они прежде всего спросили меня, с какой целью к ним прибыл с войском, и заявили, что они хотят сделать Полтаву нейтральной как в отношении нас, так и к Киевской Раде. Просили меня немедленно оставить пределы города и также самым послали делегацию кдвигающимся, яко бы, войскам Киевской Рады на нас. Я ответил им, что мы пришли сюда, чтобы восстановить поправную Советскую власть на Украине, в частности в Полтаве, что Полтава, кроме того, является угрозой нашему стратегическому плану, пропуская мимо нас и посылая на нас бродячие шайки гайдамаков и украинские войска и тем способствуя контр-революционным замыслам Каледина, чего ни в коем случае мы допустить не можем.

«Когда я задал вопрос, признаете ли вы Харьковскую Народную Раду, то они мне ответили, что не признают, так же, как и Киевскую. Тогда я им сказал, что мы не уйдем, пока вы не признаете истинной народной Харьковской Рады, и что мы не можем оставлять город, пока здесь не будет утверждена истинная народная власть, идущая в контакте с Харьковской Народной Центральной Радой, особенно принимая во внимание их заявление, что их власть здесь призрачна. А потому еще подчеркиваю, что мы оставим город только тогда, когда здесь восстановится не призрачная власть, а настоящая, народная, как мы понимаем. Относительно оставления города и его нейтралитета между Киевской Радой и нами, я решительно подтвердил, что это возможно при условии, что ни один вооруженный сол

дат не будет пропущен через Полтавскую губернию в нашем направлении со стороны Киевской Рады, и что когда убедимся, что действительно здесь формируется авторитетная Советская власть, причем прибавил, что каждый шаг со стороны Киевской Рады, в смысле посылки войск, чтобы выбить нас из Полтавы, послужит причиной жесточайшего разрушения города. Вот мои политические новости.

«Прошу вашего благословения действовать решительно. Из Искреники получил известие, что подкрепление, посланное вами, спешно двигается сюда. О Егорове ни слуху ни духу. Желательно, чтобы завтра ИГ (аэроплан) покружился здесь, особенно подальше к Киеву, да не один, а в компании. Жду и броневиков. Пошлите из старых, новых жаль. Что касается Украинского полка, то полагаю, что с ним возиться долго не придется, как и с прочими здешними войсками, во всяком случае вы знаете, что я ни перед чем не останавлиюсь.

Антонов.—Вам, дорогой друг, пришлось иметь дело с людьми, которым нейтралитет является ширмой для предательства, им надо заявить, что борьба идет между Советской властью и властью буржуазной в самой Украине, и мы будем пользоваться в случае нужды и Полтавой, как базой для борьбы с союзниками Каледина. Кроме того, мы будем стремиться извлекать из полтавщины хлеб для голодающих центральных губерний севера и фронта. Обязательно разоружите все ненадежные части, обратите внимание на арсенал в Селещино, пошлите отряд его занять, там масса всяких снарядов и патронов. От Егорова пока ничего нет. Он, очевидно, дерется в Константинограде. У екатеринославцев были столкновения с гайдамаками близ Пятихатки, где гайдамаки хотели взорвать мост.

...«Только что мне сообщили из Лозовой, что Константиноград занят нами. Помочь вам оттуда надеются скоро. Взятие Карловки и Константинограда обошлось без потерь. У украинцев не было орудий. Ожидайте отступления на вас из Карловки, приготовьтесь встретить гостей, пусть блиндированный, после ликвидации, займет Киевскую станцию и обеспечит магистраль.

«Из Екатеринослава сообщают, что там готовы 2 броневых поезда и уже действуют в Пятихатке, думают, по моему указанию, идти к Юзово, где наши теснят казаков. Капкан пла-

чется на выступление большевиков у Казатино. В Киеве растерянность. Поведите разведку к Кременчугу и Ромодану и, когда подойдет Егоров, можно Годлевского (бронепоезд) двинуть дальше, а за ним следом и еще кое-что, но это после тщательной разведки. Годлевского вообще следует перевести к западу, готово, что может прийти машина с Бахмача.

М у р а в ь е в. — Все громадные склады постараюсь эвакуировать, сделал распоряжение разрушить мосты на дороге к Киеву. Мне нужны силы, броневики, пехота, Зайцев (бронепоезд) и ИГ (аэроплан). Приехали революционеры полтавцы, наши знакомые. Завтра будет сформирован революционный комитет, и, вернее, сегодня. Всюду приходится быть самому, — мало людей.

А н т о н о в. Приостановитесь с мостами, это можно у пешеходов нам может понадобиться свободный проход.

М у р а в ь е в. Имеются сведения, что наступают из Киевской войска с блиндированными поездами, что и вызвало данное распоряжение.

А н т о н о в. Сведения, наверное, преувеличены в 10 раз. В распоряжении Рады нет столько войск. Бахмач уже взят нами. Надо только выставить разведку у мостов и быть готовым, на всякий случай, сделать остальное... Прошу убедительно приостановить ваше распоряжение.

М у р а в ь е в. Хорошо. Я тогда распоряжусь снять только рельсы. А на местах поставлю пикеты. Прошу вас, может быть, екатеринославцы могут дать одну тысячу красногвардейцев, так как отряд Кареева пришел только в составе 125 человек и дали только часть Первого червоного полка. Склад у Селенкино настолько богатый, что в России таких не имеется, надо вывезти. Одновременно со всем этим будем готовиться к наступлению на Киев, буду производить разведку. Вместе с тем, меня беспокоит, что нам необходимо поскорее окончить с Калединым, Киев предоставим войскам, идущим с севера и юго-запада. Мы с вами со своей стороны по отношению Рады все сделали. Отвечайте мне, пожалуйста, относительно двух броневиков настаивайте, чтобы их прислали.

А н т о н о в. Чем скорее сдастся Рада, тем ближе к гибели Каледина, надо использовать момент и нанести сокрушающий удар, чтобы обернуться всей силой. 2 броневика не удастся послать, будет всего один. Из Екатеринослава трудно что-нибудь

вытянуть. Сейчас говорю с НГ, он передает вам, что если дождя не будет, то ожидайте каждую минуту.

НГ (Гермашев). — Пойду по линии дальше, все готово. Дело за погодой, пойду по направлению к Киеву. Какое расстояние брать за Полтавой.

М у р а в ь е в. — Верст сто.

НГ — где ближайшая высадка есть?...

М у р а в ь е в. — В самой Полтаве в Божкове, на последней станции перед городом и в самом почти городе, так называемая Шведская могила за Полтавой, место удобное для спуска. Киевжелателью было бы попугать и пролететь над самым городом, а в некоторые учреждения послать гостинцу, в виде нескольких пудов динамита. Жду вас с нетерпением. Здесь мы бы уговорились, как нужно действовать. Не забудьте, что спуститься можно около Киевского вокзала. Большое поле. Прилетайте эскадрилей, запасы бензина и всего тут имеются, так как здесь есть Авиационный парк на ипподроме, но летчики летать не умеют. Можно было бы, конечно, и тут спуститься. Попросите план Полтавы у Бакинского.

НГ — Все будет сделано — я готов. Дело за одной погодой».

20-го января я мог сообщить Муравьеву:

«С Бахмачем установлена тесная связь. Из Ворожбы сообщают, что сегодня занят Михайловский хутор, кроме того заняты Сумы, пришли подкрепления из Брянска, Курска и Люботина. Теперь о другом. Опирайтесь на только что принятую Полтавским советом депутатов резолюцию неодобрения Центральной Рады и приветствия сложившегося в Харькове Советского правительства. Эта резолюция напечатана в новом номере Вестника этого правительства, — это номер 5. Сообщите, что у вас. Брянский отправился летать вместе с НГ.

М у р а в ь е в — Продолжаю закреплять свое положение в Полтаве. Сегодня думаю закончить разоружение многочисленного Полтавского гарнизона. Здесь происходит пьяная вакханалия, начавшаяся с приходом нас, повидимому, умышленно, причем некоторые наши красногвардейцы позволяли себе этот позор. Я приму жестокие меры к прекращению этого зла. Мне необходимы скорейшее прибытие отрядов Егорова, он застрял в Константинограде. Я жду его с часу на час. С этой стороны опас-

ности не предвижу. Мне необходимы войска. Сегодня, уже в контакте с местными большевиками и левыми эс-эрами, сформировали военно-революционный комитет. Что касается позиции местного совета, то она чрезвычайно неустойчива, так только что вынесена резолюция, о которой вы говорили, а севастопольская секция и примкнувшие к ней правым крылом местного совета вынесли другую, не признающую Харьковской Рады. Совет забаррикадировался, окружив себя артиллерией и пушками. Я предложу им выдать оружие, в противном случае я употреблю силу, дабы разоружить, не трогая пока совета. Я полагаю, что они уступят моему требованию. Войска наши очень утомлены, необходимо подкрепление. Прошу поторопиться Березова и Зайцева. Тогда усиленно пойдет водворение порядка. Здесь, кроме Селещинских складов, сам город представляет себя сплошной арсенал, и надо очень много времени и людей, особенно последних, чтобы ликвидировать его. Селещане — наши сторонники. Сюда требуется прислать особую невоенную экспедицию для эвакуации складов».

8-го января пришло сообщение, что в Конотоп прибыло 1500 петлюровцев, 3 батареи в подкрепление юнкерам и курьеры смерти. Я сообщил Кудинскому и Берзинь об этом. Но в тот же день получились преждевременные сведения, что Конотопские рабочие держат власть в своих руках.

В ночь на 8/1 наш разговор с Муравьевым возобновился.

А н т о н о в. Сейчас я с собрания ЦИК Советов Украины. Они сетуют на ваши выступления. Следовало не делать никаких политических заявлений, а предоставить выступать представителю Украинской власти или заявить себя исполняющим обязанности. Я с ним согласился и указал, что вы это сознавали, когда во главе эшелона поставили командира Украинского полка, и что вы не повинны, если украинцы стушевались. Я обещал им, от моего и вашего имени, что мы будем политически сдерживаться, предоставляя им политическую сцену, но оставив за собой свободу в стратегической области.

«Теперь о другом. Необходимо предпринять разведку к Кременчугу, — полагаю, что с сотней человек этот город можно закрепить за Советской властью. В Миргороде у Ромодана есть саперный полк, его использовать для занятия Ромодана очень

Вся линия от Брянска, через Ворожбу-Сумы к Люботину занята нами. Копотопские рабочие восстановили советскую власть и идут с нами (это сообщение оказалось преждевременным). Со стороны Екатеринослава, сообщают, что будут введены значительные силы в рудники, у Пятихаток были стычки гайдамаками. Установлена живая связь с Криворожьем, где разоружены гайдамаки и казачьи эшелоны и вооружаются рабочие».

Муравьев. — Сообщаю вам, что отряд Егорова присоединился ко мне. Мои политические переговоры с оборонцами из Полтавского совета р. с. депутатов были вызваны их назойливым приставанием — зачем приехал, и требованием оставить Полтаву и прочей чепухой, которую они несли, угрожая появлением войск Киевской Рады, причем наши друзья большевики и левые эс-эры не знали о моем прибытии и не вошли со мной, благодаря этому, в связь. Оборонцы же, повидимому, давно знали о нашем прибытии и начали меня искушать, как Христа, но я им сказал откровенно и успокоил их навсегда. Что касается практических моих шагов, я вполне выражаю волю не только центральной Советской власти, но и Харьковской Рады. Сегодня, при формировании нового Военно-Революционного Комитета, я прямо заявил, что всемерно буду поддерживать престиж Военно-Революционного Комитета, и что все сношения с населением будут производиться только через него. Кроме того, я назначил, с их согласия, военного комиссара в Полтаве и коменданта, лиц рекомендуемых ими, так что Центральная Харьковская Рада не вправе, не зная в чем дело, заниматься осуждать мои политические шаги. По крайней мере, честные большевики и левые эс-эры очень сочувственно отнеслись ко мне и моим начинаниям.

«Я убежден, что между нами не было и не будет трений, так это происходит с Харьковским комитетом. Правда, здешние товарищи — небо и земля с харьковцами, вот и все, что можно сказать о политике. Приехали Мартьянов и Ауссен. Ваши указания относительно Ромодана я понял и имел уже в виду и дальнейшее, а встреча с Егоровым окончательно закрепила идею, которую мы с вами мечтали и мечтаем провести. Разведку веду; между прочим, пресловутая 137-я дивизия, действительно, двигалась на нас, и ее обозы и штаб были уже в Полтаве, но не

успели удрать, и я их препроводил к вам в Харьков, члены штаба удрали, совместно с богдановцами и артиллерией. В городе идет пьяная вакханалия. Я разоружил почти весь гарнизон. Сегодня приканчиваю с последним более упорным полком. Только после разоружения и высылки большинства украинских солдат возможно установить в городе порядок, задача довольно трудная для вновь сформированного комитета, которому я, так сказать, вручил власть сам же. Я обещал им всемерно помогать. Известий никаких, кроме слухов или вернее уток, которые издают оборонцы, запугивая приближением многочисленной армии из Киева. Жду ваших указаний. Может быть, мне нужно вернуться в Ставку, так как власть здесь быстро наладится, благодаря разгрому т.т. большевиков и левых эс-эров, а военный комитет города и тов. Егоров — люди, на которых можно положиться.

1 час ночи — Муравьеву Антонов в ответ:

«Пока не выезжайте, не имею еще сведений из Гомеля, надеюсь, что Бахмач будет скоро взят. Важно иметь прямую связь и обеспечить свой левый фланг к Днепру. В Киеве 12 батальонов преданного Раде войска, много орудий, но мало артиллерийской масса почти обезоруженных и враждебных Раде солдат; по дороге есть чехо-словаки, их настроение не ясно. Из Екатеринослава занята линия Верховцево - Долгинцево, вооружаются артиллерией и бочие. Шлите снаряды.

Муравьев. — Пришлите 50.000 рублей для организации Военно-Революционного Комитета и закрепления Советской власти. Наши друзья нуждаются в деньгах. Пришлите батарею 4-орудийную, а дальше вы понимаете сами... Можете быть спокойны, что мы сделаем дело, особенно, если подойдут к Екатеринославцы. У вас имеются в штабе в Харькове 6 вагонов мануфактуры, если бы ее прислали в распоряжение Военно-Революционного Комитета Полтавы, то взамен ее могли бы получить несколько миллионов пудов хлеба, это единственная возможность вызвать крестьянина на вывоз хлеба.

Антонов. — Деньги должен дать Ауссен, как член Украинского Правительства. Батарею постараюсь прислать. 1.000 екатеринославцев постараюсь добыть».

ГЛАВА VII.

наступление продолжается. Ромодан, Гребенка, Круты, Восстания в Киеве, Житомире, Рада в Житомире. Осложнения с Муравьевым. Назначение его главкомом Румфронта. Победа над Румынами. Новый враг.

Между тем, в наших действиях против скопления радовцев в Конотопе не все было благополучно. 21 января, я повторил предложение Кудинскому в Брянск, организовать наступление на Конотоп и действовать в связи с отрядами Ворожбы, Новозыбково, Ромеля и Полтавы. Начштаба Кудинского Васин отвечал тот же день, что будучи назначен начальником колонны с задачей взять Конотоп и Бахмач, он сомневается в успехе, ибо в его распоряжении лишь незначительный отряд брянских красных гвардейцев «и то способный с полдороги удрать во все стороны, что им уже и было два раза доказано». Васин просил оставить его в распоряжении штурмовой батальон 17-го корпуса. Я отказал, так как этот батальон должен идти в Донбас к Сиверсу. Помощь отряду Знаменского (у Ворожбы) так замедлилась, что этот отряд почти бездействовал и дальше Путивля не смел двинуться, пока Муравьев не начал наступать к Бахмачу. 21 января Знаменский сообщал мне:

«Новостей военного значения мало, вероятно, через час будет известие о взятии Путивля; для натиска на Конотоп это имеет некоторое значение. Курск высылает отряд рославцев с броневиками и артиллерией. В Конотопе настроение украинских частей смешанное, неопределенное, по сведениям разведки, солдаты частей, вернувшихся с фронта, не желают выступать против Советских войск. Главная стойкость Конотопа опирается на юнкеров и отряды «курения смерти». Нежинский гарнизон, во главе с куренем Шевченко, решительно высказался против Центральной Рады, отказываясь выступать против большевиков. Для Капкана это сильный удар,

он шлет угрозы разоружить гарнизон, разгромить его артиллерией и броневиками, но кажется эти слова в дело вступить не смогут. Московский отряд отвлекается от боевых действий, ибо чрезмерно загружен политической и организационной работой, почему и просит Ставку освободить его от этих побочных задач, выслав для тыловой работы другую бригаду дополнительно».

Но и 23 января Знаменский сообщал мне из Ворожбы, никакой поддержки из Курска не получал, хотя за день до этого по телефону из Курска мне было сообщено:

«Я — Ключков. Отряд готов к выступлению, дело за поручением. Завтра к вечеру выступит 200 человек; для броневика необходимо оружие и запас патронов. Вы просили выслать 100 чел. в распоряжение начальника отряда Московской красной гвардии. Солдаты и отряды в подчинении красной гвардии быть не могут, так как все солдаты являются с боевым хорошим опытом и могут действовать сами. Отряд состоит из солдат двух полков с командирами Ключковым и Щегловым».

Лишь 25 января Васин сумел выдвинуться из Брянска, застряв в перешителю у Кролевца, где замечалось некоторое накопление гайдамаков. В этот же день я предложил Васину принять на себя общее командование нашими силами под Конотопом, но без моего ведома не трогать никаких войск, предназначавшихся на Донской фронт.

Завяз и второй отряд Берзина (первый наступал к Бахмачу) — 2 пехотных полка — наступавший от Новозыбкова к Конотопу.

Успешнее разворачивались действия Муравьева.

22 января я сообщал ему о начатом нами параллельном наступлении — из Ахтырки на Гадяч - Лохвицу и о данном ему поручении — приославцам мною предписании занять Пятихатку и действовать к Знаменке.

24 января Муравьев извещает о занятии без боя Ромодана, откуда поведена разведка на Бахмач - Круты, Гребенка - Черкасск.

Успокоившись за положение в Полтаве, он решает перейти в Ромодан, для руководства дальнейшим наступлением.

Я благословил его на это, известив одновременно, что высылаю ему в Полтаву в поддержку всего лишь небольшой отряд в 150 человек во главе с тов. Беленковичем. У Муравьева

ильных непорядки в отряде Харьковских красногвардейцев — рабежи и пьянства. Он прекратил их суровыми мерами.

Начштаба Муравьева, Казюра, в тот же день, 24 января сообщает из Ромодана о занятии нами Кременчуга, где разоружены украинские части и начато формирование третьего черниговского курения, для чего отпущены 7 тысяч винтовок и 24 пулемета. Дальше он продолжает: «Переправа через Днепр, — Южковский мост, — занята нашими войсками. Впереди — разведка. Штаб размещается в Ромодане. Заняты нами Лубны. Гребенку, затем в Ромны посланы отряды красногвардейцев. Заняты Лохвицы, но дальнейшее движение на Ромны несколько осложняется, в связи с враждебным или точнее неопределенным положением занятым 58-м Украинским полком, расположенным в Лохвице. Сейчас посылаю туда свою резолюцию, в которой петроградских красногвардейцев, думаем, что этой банде придется согласиться с ней. Настроение войск бодрое и уверенное. Рвутся в Киев».

24 января, в виду успешного развития операций Муравьевым, увлекаемый положением, сложившимся на Дону, я выехал в Симбирск.

Вечером того же дня мой заместитель в Харькове, помначштаба Д. Медведев, вел следующий разговор с Беленковичем, назначенным комендантом Полтавы.

Беленкович. «Около Гребенки идет бой. Станция в наших руках. Шлите подкрепление, не менее 1.000 и батарею. Хорошо бы регулярную или петроградцев из Александровска. Под прикрытием будет безусловно большой бой».

Медведев. «Завтра отправляю к вам 500 человек 11-го стрелкового полка и, после отправки их, грузу легкую 4-орудийную батарею. Им вслед отправляю эшелон № 2, 11-го стрелкового полка, в общей сложности до 700 штыков. Знаете ли вы, где Муравьев предназначил площадку под аэродром для авиаторов? Сейчас же на ней нужно развести большой костер, чтобы авиаторы могли спуститься, следуют в распоряжение Муравьева».

Беленкович. «Муравьев был в Лубнах и находится за станцией Гребенка. Ответьте, сколько будет аппаратов и их маршрут, не думают ли они остановиться в Полтаве? В городе образцовый порядок и спокойствие».

Медведев. «Костры необходимо зажечь как можно скорее, потому что часа через два вылетают 3 фармана и им нужно опуститься для набора бензина. Спросите сейчас же Муравьева, где он назначил базу авиаторов. Должны набрать бензин и отлететь далее на Ромодан и оттуда действовать.

Приготовьте в Полтаве агитационные силы, чтобы поднять настроение у едущих солдат, пока у них состояние духа еще бодрое, но так как они переутомлены дорогой, то их нужно подбодрить у вас. Дня через 2 или 3 можно выслать еще несколько эскадронов 11-го стрелкового полка».

Бой под Гребенкой был незначителен, гайдамаки поспешно отступали, но сильно испортили за собой пути.

26 января Муравьев из Гребенки сообщает, что в бою у Ромодана на стороне петлюровцев действовали французские дивизии. На следующий день он докладывал:

«Выступаю дальше двумя колоннами по разным дорогам, движение трудное, все дороги испорчены, это замедляет наше наступление».

28 января шел бой под Крутами. В тот же день тов. Клоков из Конотопа сообщил о занятии Рославльским отрядом и рабочими этого города и о высланной им разведке к Бахмачу, в сторону которого бежали гайдамаки.

29 января Муравьев телеграфировал из Бахмача, что установлена связь с отрядом Берзина, наступающим из Гомеля (у Берзина 3.000 солдат, 400 матросов и 12 орудий), что заняты и Черкасы. Дорога в Киев как будто открыта. Но противник, отступая, так портит пути, взрывая мосты, что продвижение наше замедляется. Я тотчас же, в виду установления связи с двумя другими командующими, передал Муравьеву о назначении его главнокомандующим всеми войсками, действующими против Рады, подчинив ему Берзина, Кудинского и Егорова.

Бой за Круты продолжался весь день и закончился 30 января поражением радовцев.

Муравьев сообщал об этом бое мне и Совнаркому:

«После двухдневного боя, первая революционная армия Егорова при поддержке второй армии Берзина у ст. Круты разбила контр-революционные войска Рады, предводимые самим Петлюрой. Петроградская красная гвардия, Выборгская и Московская

гвардии вынесли почти один весь бой на своих плечах. Петлюра, во время боя, пустил поезда с безоружными солдатами с фронта навстречу наступавшим революционным войскам и открыл по несчастным артиллерийский огонь. Войска Рады состояли из батальонов офицеров, юнкеров и студентов, которые, помимо сделанного зверства с возвращающимися с фронта солдатами, избивали сестер милосердия, попавших во время боя к ним в руки. Иду на Киев. Крестьяне восторженно встречают революционные войска».

Дополнительно он извещает:

«Вчера же, наконец, подошли ко мне отряды Берзина и Кудинского, с которыми сговорился, и они мне подчинились. Весь свой обширный фронт разделил на три армии; войска Берзина составляют 2-ю, войска Егорова 1-ю, войска Кудинского 3-ю. Авангарды армии Берзина под Нежиным, авангарды армии Егорова около Березани, на линии Гребенка-Киев, 3-я армия Кудинского сосредоточивается в Конотопе, она идет на Киев через Черкасы-Бобринскую-Цветково и Фастов, дабы объединиться со всеми революционными войсками на правом берегу Днепра и ударить на Киев с запада. Вопрос взятия Киева нескольких дней. Причиной задержки служит порча мостов и дорог отступающими войсками Рады. Несмотря на это обстоятельство, мы упорно идем вперед. Обстановка для нас благоприятная. Користовка в наших руках, также будет взята и Знаменка. Кудинский постарается все эти узловые станции занять.

«Одесса в руках восставших революционных войск и рабочих. Румыны позавчера взяли город Унгены, но были выбиты оттуда с большими потерями.

«Теперь о наших тыловых базах: для 2-й армии — Бахмач-Конотоп; для 1-й — Гребенка и Полтава; для 3-й — Черкасы-Конотоп. Между командующими полное восстановилось согласие».

Но я вынужден был серьезно огорчить Муравьева, потребовав направления ко мне, задержанных Кудинским самоуправно, отрядов, следовавших через Брянск на Дон. Эту отправку незначительных сил (в общем до 500 штыков) Муравьев, впоследствии, использовал для ряда беззастенчивых жалоб и хвастливых заявлений.

После поражения Петлюры у Крут, Муравьев командовал общим наступлением к Киеву.

Знаменательна его телеграмма из Нежина 31/1 в Гребенку:

«Наступайте решительно вперед. Если сломаны мосты, сжайте людей на крестьянские подводы и, совместно с артиллерией, двигайтесь на Дарницю. Вперед 1-я армия!»

Вторая армия (Берзина) в это время подходила к с. Бровиц.

Одновременно в Киеве, навстречу нашим частям, вспыхнуло восстание. Центральная Рада только ускорила этот взрыв, опубликовав (25 января) свой 4-й «Универсал», провозглашающий полное отделение Украины от России, и явно обнаружив стремление заключить с немцами предательский сепаратный мир.

1 февраля Муравьев сообщает мне, что передовые его части ведут бой в пятидесяти верстах от Киева.

Егоров встречает сильное сопротивление на переправах на правом берегу р. Трубеж, мосты через которую взорваны. В Яготине и Борисполе наши части соприкоснулись с войсками чехословацкого корпуса, которые объявили о своем строгом нейтралитете.

В этот же день командарм 2 Берзин сообщал из Заворич, что им занят этот район и что кавалерийские части дошли до станции Бобрин. Все железнодорожные мосты взорваны противником, который в восьми эшелонах проскочил через Дарницю в ночь на 1 февраля.

Муравьев торопливо продолжал наступление. 3 февраля он сообщает в мой штаб из Нежина:

«Революционные армии в 20 верстах от Дарницы. Вторые сутки двигаемся вперед пешими и на подводах, так как мосты все взорваны, пути разобраны, но мы продвигаемся вперед и уверены в успехе. В Дарнице будет безусловно большой бой. Здесь сосредоточены противником крупные силы. Что касается событий в Киеве, то там восстание рабочих и солдат. Части гарнизона против Рады, происходят ежедневно уличные бои. Революционеры заняли арсенал, Печерск. Войска Рады занимают Киев 2-й и другие пункты, откуда грозят революционерам и грозят их артиллерией. Мы страшно спешим на выручку, но технические препятствия мешают. О событиях в Киеве за вчерашний и сегодняшний день ничего неизвестно, в виду оторванности

сти сообщений с Киевом по телеграфу, который также разрушен, как и дороги. Партизаны гайдамацкие портят сообщения и не только перед нами, но и в тылу у нас. Приходится восстанавливать одновременно дорогу и телеграф. С восставшим польским корпусом история ликвидирована ¹⁾.

«С Юго-Западного фронта на Киев наступают наши войска. Они дальше Казатина и Бердичева не ушли; другие наши войска наступают из Екатеринослава и из Кременчуга на Фастов, куда я предполагал послать целую армию Кудинского в обход через Черкассы, но в виду серьезного положения и/Дону, эту армию я послал к Наркому Антонову ²⁾.

«Падение Киева—вопрос одного-двух дней. У меня по радио получены сейчас слишком тревожные сведения, сообщают, будто бы в Киеве восставшие потерпели поражение».

4 февраля из Бровары он сообщает, что ст. Дарница и мост через Днепр заняты нами, орудия наведены на Киев, передовые части уже в городе.

Между тем, восстание в Киеве действительно было подавлено. Арсенал отбит петлюровцами. До 200 наших товарищей ими расстреляны, до 500 заперты в крепости. Держались только Подол и Киев I.

5 февраля Муравьев скомандовал общее наступление на Киев. Заблаговременно отряд червонных казаков (Примакова) направлен через Днепр в обход для того, чтобы проникнуть в Киев со стороны Куреневки. Появление Примакова в городе произвело громадное впечатление.

В Киеве тогда были расположены следующие петлюровские части:

1. Конный полк «Захистя» Украины из частей 9-го Киевского гусарского полка, 10-го Ингерманландского и кирасир-

¹⁾ Упоминаемое в этом разговоре Муравьевым восстание польского корпуса происходило в районе Жлобин-Рогачев. Оно было ликвидировано латышскими полками и местными отрядами. Эта операция отвлекла значительные силы из предназначенных к действию против Рады и Каменца.

²⁾ От Кудинского были взяты, как я уже говорил, лишь части, предназначенные еще загодя для Донфронта и самоуправно направленные Кудинским на Киев.

ского, Виленского, Чугуевского и Киевского военных (800 сабель + 100 пулеметов + 23'' орудия + 2 бронепанка) при спешивании имел 1.800 штыков.

Этот полк сформирован в Полтаве и подчинялся штабу генерала Грекова.

2. Первый Богдановский полк (500 штыков + 40 пулеметов). Полк состоял из выделенных украинцев с бронепанкой и подчинялся штабу полковника Капкана.

3. Шевченковский полк (800 штыков + 30 пулеметов). Этот полк состоял из Георгиевских кавалеров-украинцев Южного Западного фронта. Подчинялся штабу полковника Капкана.

4. Богунский полк (800 штыков + 30 пулеметов). Полк образован из фронтовиков-украинцев, подчинялся штабу генерала Грекова.

5. Дорошенковский полк (800 штыков и пулеметы) подчинялся тоже генералу Грекову.

6. Черноморский курень (800 штыков и пулеметы) тоже генералу Грекову.

7. «Вильное казачество» (20 сотен, в каждой по 60 пленных казаков) — части не регулярного формирования, подчинявшиеся штабу генерала Грекова.

8. Чехословацкий полк (состав неизвестен) был сформирован Генеральным Секретариатом Украины из военнопленных и во время Муравьевской осады Киева наблюдал правый берег Днепра от Подола до Вышгорода.

9. Два гайдамацких полка — а) «Красные гайдамаки» — солдат фронтовиков, дисциплинированы и злобно настроены против большевиков (состав переменный); б) «Черные гайдамаки» из юнкеров военных училищ.

По общему подсчету гарнизон Киева составлял 20.000 бойцов.

Но из них очень многие колебались, действовали решительно лишь «красные», да «черные» гайдамаки, и многие сотни «воинского казачества». Полки Шевченка и Богунский, большей частью, действовали против Рады.

5 февраля Муравьев сообщал, что его войска уже в городе захвачен бронепоезд противника. Защищаются, главным образом, офицеры и бело-черная гвардия. Петлюровцы расстрелива-

безоружных рабочих. Враг занимает Печерск и западную часть города. Начался штурм Печерска со стороны Киева I на Арсенал и со стороны цепного моста на Лавру, где противник особенно сильно укреплен.

В тот же день появилось радио Совнаркома «всем» о занятии Киева войсками, «предводимыми Помнарсекретаря по военным делам Украинской республики» тов. Коцюбинским и об аресте ЦИК Одоевского (лев. эс-эр), пытавшегося формировать компромиссный Генеральный Секретариат.

А Муравьев, в свою очередь, упорно продолжал телеграфировать и тоже «всем».

«5 февраля из Даринцы. — После двухнедельного похода, после ряда боев под Полтавой, Ромоданом, Гребенкой, Бахмачем, наконец, после ожесточенного боя под Киевом, Киев занят революционными войсками, хотя местами еще продолжается уличный бой. Заключенные в крепости Киевские рабочие числом 500 человек освобождены, снова взяли за оружие против заклятых врагов. Взятие Киева было произведено революционной армией, во главе с Егоровым и сплошь состоящей из красногвардейцев. Счастлив донести о разгоне войсками армии Рады и счастлив за Украинский пролетариат и трудовое крестьянство, наконец, сбросивших капиталистов, сахарозаводчиков и помещиков. Да здравствует всемирное братство рабочих, да здравствует во всем мире Советская власть и мировая революция! Главком Муравьев».

А бой в Киеве был еще далеко не закончен.

7 февраля Муравьев дал по своим армиям новый приказ о борьбе за Киев, причем первой армии указано занять все станции железных дорог, броневым поездом охранять город с запада и одновременно громить западную часть города. «Первой армии занять Фундуклеевскую, Владимирскую, Крещатик и Купеческий сад. Второй армии занять арсенал, крепость, Печерск и все высоты около крепости и Лавры. Командарму 2 Берзину ввести для уличного боя одну или две батареи, смотря по обстановке. Командарму Егорову ввести в город Брянскую батарею».

Обстрел Киева уже велся три дня. Муравьев, с обычной своей решительностью, дополняет свой приказ Егорову:

«Командарму 1 Егорову. Сегодня усилить канонаду, громить беспощадно город, главным образом, Лукьяновку с Кнева-жирского. Возьмите остатки 11-го полка, горную батарею назначьте, рекомендую, ответственным начальником Стеценко, который организовал горную батарею, чтобы он с Кнева-жирского двинулся вверх по городу и громил его. Если же солдаты 11-го полка будут действовать трусливо, то скажите Стеценко, чтобы он подогнал их сзади шрапнелью. Не стесняйтесь, пусть артиллерия негодяев и трусов не щадит».

Восстание рабочих в Киеве, однако, было сломлено уже с подхода Муравьева. В одном арсенале петлюровцами расстреляно до 300 человек, а всего перебито свыше 1.500 революционеров. Погибли здесь и перешедшие на сторону рабочих части полков имени Шевченко и Богдана Хмельницкого. Но у петлюровцев не нашлось сил против войск Муравьева. Сопротивление петлюровцев было ничтожным. Только неопытностью красногвардейцев и нерешительностью фронтовиков можно объяснить некоторую затяжку в борьбе в самом Киеве. Но исход борьбы был несомненным и уже 4-м Муравьев издал следующий приказ по своим войскам.

Приказ № 9 по Революционным Армиям восточного фронта «Станция Дарница. После того, как будет окончательно занят Киев, приказываю принять к охране города изнутри и извне следующие меры: на 1-ю армию возлагаю охрану города внутри него, для чего командующему 1-ой армией приказываю выработать план с таким расчетом, чтобы охрана города не пострадала, вместе с тем, не утомлять войска, поэтому рекомендую занять только почту, телеграф, Государственный банк, вокзалы и мосты железнодорожный у станции Дарницы, и цепной, причем мосты и вокзалы возложить охранять на Киевскую красную гвардию. Все остальные войска 1-ой армии сосредоточить по квартирам, около штаба армии. При штабе должны быть сосредоточены несколько десятков грузовиков и легковых машин и броневики, которые в случае каких-либо беспорядков в городе, могли бы служить средством переброски войск. Ночью установить патрулирование и усилить сторожевую службу в частях и для своей охраны. Между частями армий должна быть связь, а между штабом и частями — телефонная связь. Комендантом города назначить матроса Полупанова.

бесперывную разведку. Между штабом 2-ой армии и своими частями — должна быть телефонная связь. Между штабами армии должна быть телефонная связь, и каждый штаб связан с своим штабом. Войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции. Части, которые держали нейтралитет, должны быть немедленно расформированы, их имущество передать в военпореволюционный комитет гор. Киева. Командующему 1-ой армии Егорову взять на себя организацию Киевской красной гвардии. Главнокомандующий фронтом Муравьев».

Этот приказ был издан, конечно, без согласования с представителями Украинского советского правительства и сразу своим тоном и распоряжением о бессудной расправе со всеми подозрительными личностями взволновал нашу партийную организацию и советские власти. Поступки Муравьева имели тем более отрицательное значение, что он был в глазах киевлян «оккупантом» — пришельцем с советского севера. Народный Секретариат, еще раньше, чтобы смягчить впечатление от ряда Муравьевских бестактностей, назначил Главнокомандующим всеми частями тов. Коцюбинского, который и возвестил за своей подписью весь свет о занятии советскими войсками Киева. Муравьев был жестоко уязвлен этим затемнением его личных заслуг.

Муравьев еще вел бой в Киеве, — Берзин сообщал от 6-го февраля вечером лишь о занятии с боем казарм 6-го понтонного батальона, причем наши потери 4 убитых, 20 раненых (это называлось «горячий бой»), освобождены были 80 понтонеров солдат и несколько рабочих из арсенала. Из-за арсенала еще шел бой, когда из Кременчуга пришло к Муравьеву извещение, что оттуда гайдамаки угрожают-де Полтаве.

Муравьев, крайне взволновавшись, запросил о помощи «меня» и Харьков, и Ставку, и Екатеринослав.

Но Беленкович, с незначительным отрядом, быстро двинувшись из Полтавы, разогнал гайдамацкую банду и вновь занял Кременчуг. Сильное впечатление на гайдамаков произвел и наш аэроплан, вылетевший из Харькова-Полтава на Кременчуг и обстрелявший петлюровцев.

Одновременно наши (Московский отряд) из Черкас продвинулись к ст. Смела, где, с помощью рабочих Бобринских мастерских,

обзорщики казаков, отобрали у них 8 пулеметов, но через день, под натиском новых гайдамацких банд, бежали к Черкасам, откуда Золотуюш, сильно преувеличивая силы врага. В подкрепление был послан бронепоезд, положение восстановлено.

8-го февраля Коцюбинской сообщал из Дарницы, что нами заняты Мечерск, Дворец и участок на Александровской площадке, товарная и пассажирская станции, Васильковская и Лукьяновская. Город сильно пострадал от огня тяжелой артиллерии.

9-го февраля Муравьев мог, наконец, сообщить мне о закреплении за нами Киева:

«Наконец, после 5-дневных боев на улицах Киева, я овладел городом. Сегодня же формировался военно-революционный комитет. Между прочим, освободил из тюрьмы Чудновского, боярского, Командарма особой армии Егорьева и других революционеров. Крайне необходима организация Юго-Западного фронта, его штаба, так как старая организация совершенно дезорганизована как в политическом, так и в военном отношении этого фронта. Я назначил временно впредь до утверждения Комиссией Советов и Ставкой освобожденного мной Егорьева, которого рекомендую Чудновский и Гусарский — комиссар Юго-Западного фронта. Лично я давно знаю этого генерала. Я страшно измучился с тех пор, как ко мне присоединилась регулярная армия Берзина. Начиная с командующего армией и кончая солдатом — полная распушенность. Вы знаете, что значит регулярные войска в настоящее время. Они страшно дискредитируют Советскую власть, а потому прошу вас пришлите мне или Петроградскую, или Московскую красную гвардию, а я вам отдам всю армию Берзина. Прямо потребуйте ее от меня официально. Я обязательно жду на смену красную гвардию, иначе я не справлюсь с имеющимися у меня силами с миллионным городом. Также буду просить себе еще из Петрограда и Москвы.

«Армия Берзина оборудована великолепно, но я ее сменяю на 1.000 красногвардейцев».

8 февраля Рада бежала из Киева в Житомир, и преследование ее не было полком организовано. А уже 9-го Центр. Рада подписала с немцами сепаратный мир...

Тогдашнее положение вещей в Киеве рисуется в следующем донесении, направленном Муравьевым по прямому проводу т. Ленину:

«Сообщаю, дорогой Владимир Ильич, что порядок в Киеве восстановлен, революционная власть в лице Народного Секретариата, прибывшего из Харькова Совета рабочих и крестьянских депутатов и Военно-Революционного Комитета, работает энергично. Разоруженный город приходит понемногу в нормальное положение до бомбардировки. Налаживается транспорт и продовольствие. Я особенно рад, что так скоро могу быть революционными войсками свободен для дальнейших операций, когда об этом укажете. Мы окончательно соединились с революционными войсками Юго-Западного фронта. Сегодня вошли гвардейские части и расположились в Киеве пока на отдых. Отсюда видите, что положение наше благоприятное и крепкое. Как население, так и учреждения, все охотно идут к нам навстречу, о саботаже нет и речи. Это еще более облегчает нам революционную работу. Остатки войск Рады отступили в Житомир, где Петлюра и Порш вербуют из гимназистов дружину, но, конечно, мы не придаем этому значения. Я приказал частям 7-ой армии перерезать путь отступления — остатки Рады пробираются в Австрию. У меня были представители держав: Англии, Франции, Чехии, Сербии, которые все заявили мне как представителю Советской Власти, полную лояльность и признание Раде за 4-й Универсал, который они не признали. Вообще настроены чрезвычайно доброжелательно и пожалуй даже восторженно по отношению к успехам завоевания революции, конечно, тут сыграла роль моя тяжелая артиллерия, но во всяком случае иностранцы предложили мне услуги для ликвидации польской авантюры Довбор-Мусницкого, которого порицает сам Польский Комитет на Украине и предлагает мне послать поляка, в качестве представителя моего штаба, одного из иностранных агентов к Довбору-Мусницкому, с требованием немедленного разоружения. Представители польской армии на Юго-Западном фронте предлагают, чтобы мы поставили их, совместно с Чехо-Словацким корпусом и сербами, на первую линию фронта и готовы идти туда, куда прикажут, на австрийцев или на румын, все равно. Одним словом, создается чрезвычайно благоприятное положение.

«В виду угрозы наступления австрийско-украинских корпусов на Киев, совместно с румынами, я начал организовать оба эти

фронта создаю новый штаб, стягиваю войска к стратегическим пунктам и думаю начать формирование Социалистической армии из рабочих для того, чтобы, при первом зове восставших рабочих Германии, Австрии и других стран, мы могли бы подать руку помощи нашим братьям рабочим. Из регулярной армии формирование такой невозможно, вследствие крайнего морального разложения и усталости. Всеми моими победами на Украине я обязан Красной Гвардии, но не солдатам, которые принесли мне и Наркому Антонову массу неприятностей и горечей. Для формирования и организации Юго-Западного фронта я временно назначил комиссара особой армии Гусарского главкоюзом, впредь до выборов армией и Вашего утверждения. В настоящее время, когда власть советская на Украине закрепляется, и Киеву ничего не угрожает и, в виду влияния моего революционного фронта с Юго-Западным, я могу быть здесь лишним. Всю власть, установленную штыками, передал Совету Украины, а потому жду указаний, — оставаться ли мне здесь и организовывать Юго-Западный и Румынский фронт или же дадите мне другое назначение, там где требуют интересы революции. Я полагаю, что мне лучше оставаться на родине России и продолжать организацию обороны и наступления всех южных фронтов против врагов революции, особенно Румынии, представителям которой я предъявил немедленный вывод войск из пределов России и освобождение наших революционеров, а также выдачу изменников Щербачева и компании. Взятие Киева произвело на Румынию громадное впечатление, — генерал Куанда заявил, что немедленно прикажет Румынским войскам вернуться в свои пределы. Во всяком случае, надо быть готовым как против них, так и против самочинного наступления австрийских украинцев. С Румынией я могу покончить в одно-два сражения, нужно только небольшое время для организации похода. Как видите, внешняя обстановка и внутренняя на Украине для нас благоприятная. Относительно Киева скажу, что мы действуем решительно, но вполне организованно, всячески помогая Советской власти скорее наладить и укрепить свой государственный аппарат. У Киевской буржуазии я взял 10 миллионов контрибуции, которая пойдет вся на организацию работ для безработных рабочих и для оказания

помощи семьям убитых и раненых рабочих, которых очень много полегло как из числа Киевских, так и из моих армий. Из части контрибуции даю вознаграждение войскам: все конфискованные деньги, золото и вещи сдаю в Государственный банк на имя Советов Украины. Всячески поддерживаю крестьянскую новую власть. Приходится много бороться с регулярными войсками, которые пришли со мной и которые страдают страшной болезнью — реквизицией и самочинными обысками.

«Все мы измучились в борьбе с этим явлением, позорящим революцию; вся надежда на красную гвардию, а потому прошу вас прислать на Украину ко мне несколько тысяч красногвардейцев, чтобы я мог отправить регулярные части обратно. Вообще необходимо быстрое формирование рабочей армии — единственного спасения революции. Кажется все. Еще раз прошу вас дать знать срочно, оставаться ли здесь и организовать фронт, или необходимо приехать в Петроград для личного доклада Вам о положении вещей на Украине и на фронте. К сожалению, не могу связаться с Могилевом — Крыленко. Только сейчас налаживается телеграфное сообщение. Прямого провода Петрограда нет и я передаю записку через Харьков. От имени революционных армий в лице Вас, дорогой Владимир Ильич, приветствую Советскую власть; будем рады, если нас будете чаще информировать в политическом курсе, а то здесь приходится действовать инстинктивно и часто на свой риск. Выводя из этого положения иногда отрывочные сведения, часто неверенные, но, зная основной курс советской политики, действуя в этом направлении. Главнокомандующий фронтом на Украине Муравьев».

Политическая наивность Муравьева с поразительной откровенностью проглядывает в этом документе. Льстивые нащупывания представителей антантовских держав принимаются им за чистую монету, как и их лицемерное возмущение поведением польских легионеров Довбора - Мусницкого.

Характерно и другое — это ошибка в оценке дальнейшей роли Центральной Рады. В этом, впрочем, просчитался не только Муравьев. Мы на Украине тогда все не были в курсе той политики, которую немцы вели по отношению к Украинской Раде. Нам представлялось, что взятием Киева и закреплением на пра-

бережний Украине наши боевые действия против Рады, в основном, заканчиваются, и что наступает возможность повернуться всеми силами на контр-революционный Дон - Кубань.

Сейчас же по получении от Муравьева известия о закреплении Киева, я потребовал, чтобы он вернул мне всю армию Егорова.

Муравьев сильно заупрямился, не желая расстаться с московскими красногвардейцами. Больше того, вопреки своим прежним заявлениям, он требовал себе и из Екатеринослава и из Советского Севера дополнительных подкреплений. Он прислал мне длинную телеграмму, в которой выражается все его оскорбленное самолюбие и почти отчаяние. Кончается она словами: «Я все пошлю вам и останусь один, никого и ничего не надо». Я не настаивал больше на отправке мне его войск, тем более, что тогда выявилась вполне отчетливо одна опасность — Румыния захватила Бессарабию и угрожала Одессе.

Возник вопрос о войне с румынской олигархией. Румчерод, сложившийся в Одессе к 24 января и с 29 января владевший Одессой, просил нас о помощи. Муравьев тем временем сообщал из Киева. 12 февраля, Петроград Совнаркому, Наркому Антонову: «Второй гвардейский корпус связался с нами, я приказал ему занять линию Коростень, Житомир, Бердичев, Фастов, Долинская, Знаменка, Користовка, я телеграфировал о необходимости заново создать Юго-Западный фронт, для этой цели я было временно назначил освобожденного командарма Егорьева, но он заболел, тогда назначил я комиссара Юго-Западного фронта Гусарского, который быстро приступил к формированию штаюга. Прошу Вас утвердить Гусарского в должности главкоюга, лучше его не найдете. Он себе подобрал дельных помощников, начальником штаба быв. генерала Кислого, нач. военного сообщения Здевского и других. В Киеве все больше и больше налаживается порядок. Из Харькова прибыл ЦИК. В виду рабочего кризиса и полной голодовки пострадавшего рабочего класса в Киеве, я приказал Киевским капиталистам внести десять миллионов рублей для поддержания рабочих, для обеспечения семейств убитых и раненых солдат и рабочих; деньги будут безусловно внесены. По имеющимся у меня сведениям поляки разбиты, Жлобин и другие пункты заняты. Наши войска груп-

пируются около Житомира, но скоро ликвидируют и этот последний оплот. Прошу разрешения сосредоточить весь Чехо-Словацкий корпус ближе к Австрийской границе, это — войска для загромождения пути Австрийским и Германским корпусам, на которых надеются Петлюра и Порш, которые, кстати говоря, бежали в Австрию и откуда вместе с австрийцами и румынами двинутся на Украину. Муравьев».

Я рекомендовал Совнаркому назначить Муравьева главнокомандующим на новом фронте. Я знал поразительную упорность этого человека. От полного паралича воли он способен был одну минуту взвиться до высшего энтузиазма.

Это назначение было опротестовано Народным Секретариатом Украины, но Ленин телеграфировал от 14 февраля Муравьеву:

«Если не будет иного распоряжения от Антонова, действовать как можно энергичней на Румынском фронте, по соглашению с Раковским и его коллегией», а затем и прямо дал ему мандат на командование на Румынском фронте следующей телеграммой от 17-го февраля:

«Ввиду серьезного положения на Русско-Румынском фронте и необходимости экстренной поддержки революционных отрядов Бессарабии, Главнокомандующий Муравьев и его северная армия причисляются в распоряжение Румынской Верховной Коллегии. Мы ни на минуту не сомневаемся, что доблестные герои освобождения Киева исполнят свой революционный долг. Председатель Совнаркома Ленин».

Нарсекретариат Украины, однако, продолжал выступать против Муравьева с обвинением в разложении частей, в великодержавных замашках и т. д. В свой черед, Муравьев выступал и, при этом широкогласно, с обвинениями т. Коцюбинского и Нарсекретариата в разложении армии, в узком национализме и т. д.

16 февраля он разразился следующей телеграммой:

Одесса. Для Румчерода Раковскому. Петроград Председателю Совнаркома, Никитовка Наркому Антонову.

«Сегодня уезжаю на свидание с Раковским в Одессу. Часть моих войск двинул вперед на румын, но убедительно прошу регламентировать мои отношения к Украинской Советской

власти. Я полагаю, что война ведется всей федерацией, а потому я должен быть подчинен в целом Совету Народных Комиссаров, по соглашению с Народным Секретариатом Украины и автономной верховной Румынской комиссией. Для меня лично все это понятно, но необходимо для массы революционных войск. Верю в то, что сломя авангард мировой контр-революции в лице буржуазной Румынии. Прошу нравственной поддержки, в такие важные для войск моменты, каждое слово ваше, переданное войскам, подымет их настроение; и я сам болен, но с поста не уйду, помимо вашей воли».

Чтобы морально поддержать Муравьева, я ответил с копией Совнаркому и Нарсекретариату Украины:

«Ваша работа в штабе по борьбе с контр-революцией была чрезвычайно благотворна; я ни одного упрека вам не могу предъявить. Свидетельствую, что нами неоднократно настоятельно указывалось Совнарсеку Украины на необходимость политически возглавлять боевые операции, нами проводимые на Украине. Мы отказывались действовать в направлении к Киеву из Харькова, пока в Харькове комиссарам нашего штаба не удалось создать первый Украинский полк Красного Казачества. Нас невозможно поэтому, и по массе других доказательств противного, обвинить в стремлении умалить значение Украинской Центральной Советской Власти. Будучи мною назначен Главнокомандующим революционными войсками, действующими против Рады, тов. Муравьев может перейти в распоряжение другой власти, лишь по моему на это согласию. Я же полагаю, что ликвидация Румынской олигархии не есть специально Украинское дело, затем что вы, тов. Муравьев, из всех мне известных начальников на революционных фронтах являетесь единственно способным это дело вести с достаточной быстротой и вполне благоприятно в военном отношении. Поэтому настоятельно предлагаю Совнарсеку Украины поручить ведение военной кампании против войск румынской олигархии тов. Муравьеву. Прошу вас, дорогой тов. Муравьев, верить в мое к вам доверие и продолжать свою работу».

Положение на Румынском фронте и в Одессе, между тем, все осложнялось. Части нашего Румынского фронта были в большинстве предательски разоружены румынами. Ген. Щерба-

чев формировал белогвардейские отряды. Румыны уже предприняли несколько попыток переправляться через Днестр, но были отбиты войсками Румчерода.

К 12 февраля мною получено такое сообщение: «Сообщаю: Бендеры отобраны у румын отрядом матросов, красная гвардейцев, находятся в наших руках. Сейчас повели наступление на Аккерман, пока бой развивается благоприятно для нас. Силы румынской армии, оперирующие в Бессарабии, значительны, руководимые Щербачевым. Состав армии — целые офицерские дружины русских офицеров. В Одессе формируются красная гвардия, запись очень успешна. В Мариуполе записалось 40.000 рабочих, обучение и отправка задерживаются из-за недостатком винтовок. Весь транспорт из Петрограда выдвинут сюда. Прибавьте 25.000 и срочно высылайте вместе с патронами. Наша Дунайская флотилия в опасности, атакуется румынами, послана помощь. 4-я и 5-я армии после ожесточенной битвы с румынами, истратив патроны, перешли на территорию, занятую германскими войсками, с согласия германского командного состава, обязавшего перевезти их на русскую территорию. Жители оккупированных уездов подняли восстание против Румынского правительства, пока не удачно. Сулимский совет сообщает об аресте румынских социалистов и грозящем им расстреле в Кишиневе. Румынские рабочие и матросы массами записываются в социалистические полки. Румынская Коллегия».

В Тирасполе находился штаб «Особой Армии» (Лазарев). При недостатке войск, Лазарев находчиво выходил из затруднений по организации сторожевой охраны: земельным комитетом деревень Приднестровья был разослан приказ об организации этой охраны и недопущения переправ румын через Днестр.

9-го февраля, после двухсуточного перерыва, румыны возобновили военные действия. 13-го февраля они заняли Слободку — наши (отряды матроса Онуфриева) разбежались.

К 15 февраля румыны еще не перешли Днестра, и Аккерман не был еще ими занят. Вилково в наших руках. У Аллеманишта наш отряд был румынами разбит. Со стороны румын действовала тяжелая артиллерия.

15-го февраля Румчерод послал к румынам делегацию (в составе тов. Лазарева, Левинсона и Ракхора) для передачи Румын

скому правительству ультиматума Румынской Советской Коллегии и Нарекра Украины, с требованием немедленно вывести из Бессарабии румынские и контр-революционные войска, выдать генерала Щербачева, объявленного вне закона Совнаркомом, выдать убийц тов. Рошаля и русских солдат и пропустить беспрепятственно русские войска из Румынии и Бессарабии. Этот ультиматум передан 15-го февраля делегатам Румынского генштаба полк. Родалиско и капитану Колеру. Срок ультиматума истекал 16-го февраля в 5 час. вечера.

Тотчас же, по получении телеграммы Ленина от 14-го февраля о своем назначении на Румфронт, Муравьев развивает энергичную деятельность. Самостоятельно, без предварительного совещания с Румколлегией, он видится (о чем впоследствии сообщает мне) в Киеве с представителем Румынии, генералом Куандой, и предъявляет ему «ультиматум о выводе войск из пределов России», заявляя, что в борьбе с Румправительством мы будем беспощадны, как с контр-революционерами, вмешавшимися в наши внутренние дела и заключившими союз с Радой и нашим контр-революционным офицерством». В тот же день он дает, совместно с председателем Севастопольского ревкома, приказ о явке всех матросов черномфлота и солдат крымских гарнизонов в их части, которые предназначены для отправления на Румынский фронт.

Почти тотчас же он выехал в Одессу. По дороге им издан ряд характерных приказов:

«Передаю для сведения войск конию телеграммы Ленина. — В виду серьезного положения на Русско-Румынском фронте, необходимости экстренной поддержки революционных отрядов в Бессарабии, Главнокомандующий Муравьев и его северные армии причисляются в распоряжение Румынской Коллегии. Не сомневаюсь, что доблестные герои освобождения Киева исполнят свой революционный долг. Председатель Совнаркома Ленин».

«Приказываю моей доблестной армии, моим дорогим товарищам, с которыми я разделял трехмесячную беспощадную борьбу с врагами революции, исполнить свой долг перед всемирной революцией. Все, кому дороги величайшие лозунги всемирного братства рабочих и крестьян, кто ненавидит капи-

талистов, царей и королей, все идите за мной со своими красными знаменами. Я уверен, что все вы, боевые товарищи, не покинете меня, своего старого вождя революционных армий Главногокомандующий Муравьев».

Но соратники Муравьева находились к этому времени в очень тягостном состоянии. Объявлена была общая демобилизация старой армии и, несмотря на все наши усилия, удерживать солдат в рядах наших отрядов — они стали уходить по домам.

Вместе с тем, потянулись к себе, на север, красногвардейцы отрядов Егорова — торопились они на оборону родных мест, которым угрожали немцы.

Наши революционные отряды сильно поредели, и Егоров мог привести на Румынский фронт совершенно ничтожные силы, главным образом, из украинских партизан, значительно уступавших в боевой стойкости и революционной дисциплине москвичам и петроградцам.

Муравьев принимал твердые меры к поддержанию революционного порядка среди своих сборных отрядов.

19-го февраля он издает приказ Главногокомандующего Революционного Южного фронта:

«Советская армия есть армия народная, крестьянская. Конечно, победа ей обеспечена, ибо за ней стоят, поддерживая, миллионы обездоленных и угнетенных. В народном сочувствии залог победы советских войск, поэтому советская армия может быть только страшна угнетателям-эксплоататорам, банкирам и заводчикам. Трудовой же народ всегда может рассчитывать на ее помощь. Веками хищная буржуазия тянет соки из народа, грабит народное имущество. Но пришел час расплаты. То, что у народа было отнято, должно быть ему возвращено и употреблено в борьбу с его врагами. Со страхом и трепетом буржуазия ожидает прибытия Советских войск. Рабочие же и крестьяне должны приветствовать наш приход, так как он несет им избавление от угнетателей. Борясь беспощадно с буржуазией, мы в то же время всеми силами должны помогать беднейшему населению. На основании всего вышесказанного приказываю:

- 1) при реквизиции нужных для армии продуктов соблюдать осторожность, ни в коем случае не задевать интересов беднейшего населения.
- 2) Оказывать всяческое содействие окружаю-

ему беднейшему населению, делясь в случае нужды с ними своим добром. 3) Обижающих население рассматривать, как изменников.

Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах, командах, батареях. Главком Муравьев».

18-го февраля он прибывает в Одессу. Его впечатления искупаются в следующей телеграмме от 19-го февраля:

«Положение чрезвычайно серьезное. Войск в Одессе нет. Войска бывшего фронта дезорганизованы, собственно говоря, фронта нет, остались одни штабы, местонахождение которых никому неизвестно. Вся надежда на присылку подкреплений извне. Лично мои войска находятся в периоде сосредоточения и требуют укомплектования. Одесский пролетариат дезорганизован и политически несознателен. Несмотря на то, что враг у ворот Одессы, они не думают беспокоиться. Отношение к делу самое холодное — специфически - одесское. Прошу все, что можно, прислать ко мне — пехоту, артиллерию и другие части. Нужно поднять на ноги пролетариат, все фракции. Повторяю, что положение можно спасти только присылкой войск. Враг наступает крупными силами».

В этом сообщении положение в Одессе изображено чересчур мрачно. Кой-какие революционные части в Одессе находились, и отпор румынам был уже организован войсками тов. Лазарева (Командир «Особой Армии» Одесского Округа) и Кривошеева. Из фронтовых частей сохранял боеспособность так называемый Гираспольский отряд, в состав которого, между прочим, входили два конных Заамурских полка и несколько батарей.

Это не помешало Муравьеву, в отмену своих прежних распоряжений о возвращении отрядов Егорова в мое распоряжение, дать Егорову такую телеграмму:

«Спешите со всеми силами к Знаменке, положение серьезное».

Из Киева Муравьев повернул с собой также Полупанова с его отрядом и бронепоездом.

Положение его, как командующего, оставалось все же неясным — Нарсекретариат Украины усиленно протестовал против его назначения.

Однако, Муравьев усиленно готовился к наступлению и сообщал мне, что верит в успех. Затруднения особенные в недо-

статке топлива, из-за чего останавливаются железные дороги, бездействует флот.

Муравьев разбил свои отряды на 3 армии — Егорова, Бендиктова (нач. штаба у Лазарева) и Лазарева (отозванного из Тирасполя в Одессу). Последняя «армия» — из новых формирований среди одесситов.

19-го февраля у Вилково шел бой; наши канонерки «Днепр» и «Терек» участвовали в бою и вели себя не вполне достойно.

Уже 20-го февраля начинают развиваться операции против румын. Наши разъезды оттеснили неприятеля у дер. Изульбеш по жел. дор. и Бельцы. Остановлено также продвижение значительных румынских сил, располагавших артиллерией, пытавшихся наступать к Аккерману.

21-го февраля уже намечилось серьезное выдвижение румын от Рыбницы к Балте.

Егоров к этому времени начал сосредоточение к Знаменке.

Тщетно Народный Секретариат Украины приказывал ему 22-го февраля вернуться для прикрытия Киева от начавшего наступать немцев. Муравьев резко протестовал против этих дезорганизаторских действий:

«24-го февраля 1918 г. Петроград Председателю Совета Народных Комиссаров, копия Наркому Антонову, копия Севастополь Спиро. — Командование северными армиями получил от вас вместе с приказанием двинуться в распоряжение Русско-Румынской коллегии для борьбы с румынской олигархией. Вторая армия после взятия Киева ушла на пополнение в Брянск и Конотоп. Первая пополнилась на Днестре и в настоящее время уже вошла в соприкосновение с румынской армией. Киевский Секретариат позволяет себе, помимо меня, отдавать ей оперативные предписания и вдобавок вызывает ее в Киев. Не говоря уже о том, что революционные войска не могут до сих пор забыть той обиды, которую нанесла им в Киеве новая советская власть, поставленная этими же войсками, не говоря о том, что помимо главнокомандующего, который подчиняется только центральной советской власти, Наркому Антонову и Главковерху, Народный Секретариат отдает свои распоряжения — заявляю, что отзы-
армии, уже находящейся в соприкосновении с противником»

является неисчислимыя бедствия. Это у меня единственная армия, все остальное бежало или дезорганизовано. Новые формирования, начатыя мною, еще не готовы, и повторяю — произойдет катастрофа. Одесский пролетариат, только под моим давлением, начал готовиться. Одно спасение — моя первая армия, и на ту хотят наложить руку. В Киеве ея не сумеют воспользоваться, — дайте им десять армий, — там полная разруха в военном отношении, с уходом моим оттуда. Командарм Егоров сегодня сообщил мне, что его связывает Народный Комиссар по Иностранным Делам из Петрограда. Именем революции, прошу не делать этого. Сколоченная армия распадется сейчас, тем более, что она только что заново пополнена. Меня ставите в критическое положение, со мной делается дурно. Прошу снять с меня обязанности главнокомандующего. Я больше не могу выносить подобного отношения и непонимания дела, которое налаживается, с верой в успех, — в то время как другая рука разрушает его. Я повторяю, что создается невыносимое положение, — я больше не могу, я хочу быть рядовым солдатом революции, дабы не нести громадной ответственности за других, разрушающих все и вся. Дорогой Владимир Александрович, я прошу вашего вмешательства, повторяю — скоро с ума сойду от этой безответственности».

Я вмешался в поддержку Муравьева.

23-го февраля Егоров получил от Муравьева такое предписание:

«Двиньте немедленно эшелон с артиллерией по направлению Балты-Слободка. Румыны двигаются на Рыбники-Воронково. Примите бой и отбросьте их до Шелданешты, что за Рыбницей, и там укрепитесь. Будьте беспощадны. Скорее сосредоточивайте вашу армию».

Перед решительным боем Муравьев издал следующий пылкий приказ:

«Самый сильный оплот контр-революции Киев пал под ударом революционных советских войск. Другие гнезда врагов народа — Новочеркасск, Ростов — скоро падут. Российская революция зажгла пожаром все народы мира, всюду труд восстал на капитал, мы в авангарде мировой революции и наш священный долг — подать руку помощи нашим братьям рабочим и

крестьянам всех стран, борющимся за социальную справедливость и восставшим против многотысячелетних тиранов. В настоящий момент на пути победоносного движения Российской революции стоит авангард мировой контр-революции — это румынское правительство, вдохновляемое боярами и капиталистами, генералами, офицерами и, к великому позору, дезертирами и изменниками русской армии, генералом Щербачевым и компанией, а также всеми разбежавшимися с Киевской Радой, заключившей против русского народа тайный договор. Румынское правительство и его генералы расстреляли сотни наших революционеров, сотни солдат — в румынских тюрьмах и, в довершение всего, румынские войска заняли часть территории Российской Федерации и, таким образом, не только вмешались в наши внутренние дела, но и позволили себе нарушение прав захватами, вопреки всем законам человеческой совести. Румынский пролетариат и трудящееся крестьянство, стонущие под игмом бояр и капитала, ждут нас на помощь; их дружины действуют совместно с нашими революционными войсками за правду и свободу пролетариата и всемирное братство. Всех, всех, кому дороги судьбы нашей революции, кому дороги судьбы мировой революции, у кого горит в груди пламенный революционный порыв, кто жаждет мести за грубое вмешательство румынских бояр в наше внутреннее дело, кто горит жаждою мести и будет бороться против насилия капиталистов, всех, кто ищет выхода своим революционным чувствам — призываю под красные знамена — организуйтесь в отряды, батальоны и все идите в мои славные революционные ряды. Все вперед, на весь мир тиранов и капиталистов, дабы возшло солнце нашей правды, торжества труда. Да здравствует всемирное братство, да здравствует всемирная революция, да здравствует Советская власть во всей вселенной!

24-го февраля передовые части Егорова вошли в соприкосновение с румынами, которые 23 февраля выбили наших из Рыбницы и силами 1 бат. пехоты, одного эскадрона при 4 орудиях, 24 февраля начали из Рыбницы наступление на наши передовые позиции и овладели ими, отбросив наших за Днестр. Решительное сражение с румынами произошло у Слободки 26-го февраля. Со стороны румын действовало не менее одной дивизии; комбинированным ударом с юга и северо-вос-

ка, Муравьев смял румын, отбил у них 15 орудий. Особенно отличился отряд — бронепоезд Полупанова. Румыны поспешно отошли за Днестр.

Муравьев мечтал о продолжении наступления против румын, ввиду общего положения, сложившегося в связи с немецким наступлением на Украину, и под давлением упадочных настроений в наших отрядах, Румколлегия решила заключить мир с румынами на условии очищения ими Бессарабии. Мир был подписан.

Муравьев телеграфировал мне:

«Ввиду заключения Советом Одесских Наркомов, Румчером мирного соглашения с Румынией и всеобщего заключения мира с Австро-Венгрией и Германией, я в третий раз обращаюсь с просьбой уволить меня с должности главнокомандующего. Я в настоящее время фронта не имею, не имею и связи с метрополнией. Я не хочу нести ответственность за все, что здесь происходит и, главным образом, за проливающуюся кровь русских в то время, когда местные советы и пролетариат не хотят защищать революцию, свою собственную власть и пытаются другим их защищать, пример живой — Одесса. Снимите с меня обязанности, тем более, что я болен. Главнокомандующий Муравьев».

Каковы причины этих жалоб Муравьева, я не знаю, но для нас не было передышки.

На сцену выступал новый фактор, непредвиденный нами с Муравьевым, — надвигались немецкие регулярные войска, пригашенные Украинской Центральной Радой.

ГЛАВА VIII

Соглашательская практика Ревкома и наше самоуправство. Обострение взаимоотношений. Эпизод с капиталистами. Деловой контакт с «Цирком».
Наставление Ленина. Взаимоотношения налаживаются.

Особенно неблагоприятно на общем ходе гражданской войны на юге в этот период для нас сказались ненормальные отношения, сложившиеся между революционными войсками и их командованием (в моем лице) и местными партийными и советскими организациями.

Я застал в Харькове, тотчас же по прибытии, зародыши этих ненормальностей, впоследствии развившиеся в серьезную болячку. Штабы Сиверса и Ховрина жаловались на полный беспорядок в городе, отсутствие в нем и на вокзале твердой власти, на нерешительность Харьковского Ревкома в отношении украинских националистов (радовцев) и соглашателей, на полное пренебрежение к нуждам революционных войск.

В свой черед, Харьковские товарищи выражали возмущение самоуправством наших частей, самовольно производившимися обысками, арестами и реквизициями.

Обвинения с обеих сторон были правильны. Харьковские большевики, в общем, пребывали в ту пору в состоянии расстройности. И после октябрьского восстания они продолжали коалировать с меньшевиками и прочими «революционными демократами». Как работали вместе и с представителями украинской и меньшевиков в ревштабе («девятке»), сложившемся во время Корниловщины, так продолжали работать и в его новом издании Военно-Революционном Комитете, оформившемся после октябрьского восстания и созданном «для спасения единства революционной демократии», как выражались меньшевики.

В Ревкоме они заседали рядышком с представителями городской думы и меньшевиками и не решались пойти в разре-

ими «демократами» в вопросах продовольственной и рабочей политики. Продовольственными делами ведала Продовольственная управа, не смевшая пойти ни на какие революционные меры, ограничившаяся самыми словесными реквизициями хлеба у богатых помещиков или о принудительном его сборе у сельских кулачков. Харьков испытывал жестокую нужду, спекуляция процветала, рабочие голодали. А продуправа и пальцем не шевелила. Та же беспомощность и в вопросах рабочей политики. Капиталисты не хотели признавать 8-часового рабочего дня, а когда рабочие его провели своими средствами,—ответили прекращением работы рабочим, и Ревком не решился предпринять какие бы то ни было меры против капиталистических заправил. Жилищные условия, безобразные условия жизни рабочих, оставались прежними. Но с саботажными меньшевистско-контр-революционными организациями железнодорожников Ревком пнячился чрезвычайно, чем до крайности обострена была разруха в железнодорожном узле. Чуть ли не каждый день неумолимой рукою творившей пакости нашему передвижению — загонялись в дальние, глухие тупики вагоны со снарядами, патронами, устраивались крушения целых эшелонов и т. д. Помню эпизод, когда против моего эшелона на соседней линии застряли на пару дней несколько вагонов с ручными гранатами и снарядами, а ночью под эти вагоны была брошена из-за забора граната, к нашему благополучию, не разорвавшаяся.

Случай со злостным крушением на ст. Соль нашего эшелона артиллерией не был единичен. Не проходило того дня, чтобы при отправке воинских поездов не было каких-либо неприятных инцидентов. Запаздывания стали обычным явлением, как и переправка, вместо одних вагонов, других с совершенно иного характера грузом. Так, вместо вагонов с трехдюймовыми снарядами, посылались таковые с шестидюймовыми, а однажды даже с двадцатидюймовыми, вывезенными из Сум, где, как я говорил, стоял дивизион 12-дюймовых орудий.

Перед силами контр-революции Харьковские большевики проявляли полную беспомощность. И это истекало из их политической позиции. Примиренческая в отношении саботажной «демократии», эта позиция была позицией полнейшей растерянности перед лицом Украинского мелко-буржуазного национа-

лизма. Большевики были безгласны по отношению к III Конференции Центральной Рады, которым и Харьковская и Екатеринославская губернии объявлялись входящими в «Украинскую Народную Республику». В Харькове они терпели контр-революционную работу «войсковой Рады», не препятствовали постепенной украинизации Харьковского гарнизона, никаких мер не принимали для поддержания боеспособности советских частей. Правильную же расстерянность проявляли и Екатеринославские, особенно, Полтавские большевики, но Харьковские уже меньше. Другие могли сослаться на неполучение указаний от ЦК нашей партии.

Уже рассказанный мною эпизод при захвате Сиверсом Харькове украинизированного 19-го бронедивизиона, сам по себе хорошо характеризует дряблость и перешителность некоторых Харьковских товарищей.

Проявляя переизбыток «тактичности» в отношении к радикалам, Харьковские большевики повели себя, с первых же дней организации всеукраинской революционной власти, до крайности бестактно. Всеукраинский съезд Советов, перебравшийся, под давлением Рады, из Киева в Харьков и слившийся со съездом Советов Донбаса и Криворожья, избрал (2 февраля) Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины, который выделил Народный Секретариат, во главе с тов. Скрипником. Тотчас же началась борьба между Харьковскими Комитетчиками и «Цикухой». Не проходило того дня, чтобы между ними было какого-либо острого столкновения. Нарсекретариат настаивал на более решительной политике в отношении капиталистов и помещиков. Он стремился к проведению жесткого режима на железнодорогах и к поддержке нашей боевой работы. Он требовал твердой линии в отношении Рады. Харьковцы создавали бесчисленный ряд конфликтов, не желая признавать Донбас и Криворожье частью Украинской Советской Республики, будто это имело тогда актуальное значение, и забывая, что того ни единым звуком не опротестовали притязаний Центральной Рады на Харьковскую и Екатеринославскую губернии.

Иногда раздор выходил за всякие рамки приличия — проявлялся в скандальных формах, например, при национализации «Цикухой» помещений и типографии газеты «Южный Край».

Харьковский Ревком не признал этой национализации, решил ей воспротивиться, она была проведена силами красноармейского отряда, под командой тов. Беленовича, действовавшего вопреки Ревкому.

Уважение Ревкома к частной собственности и его бессилие перед спекулянтами были таковы, что он оказывался не в состоянии провести для нужд наших войск самых пустяковых реквизиций. Если бы я твердо стоял на почве договора с Ревкомом — проводить все реквизиции через него, — то положение наше было бы более, чем печально. Мне пришлось вернуться к «самоуправству» и предписывать различные «реквизиции», лишь уведомляя Ревком об их проведении.

Наше стремление побудить гарнизон Харькова к участию в борьбе против Каледина не встречало должной поддержки в Ревкоме.

Так, саботажники из местного запасного артдивизиона, отказавшиеся исполнить мой приказ о выделении боееспособной батареи, встретили поддержку у Ревкома. Ревком подтвердил заявление артиллеристов, что дивизион, мол, совершенно не боееспособен. Саботаж господ офицеров артдивизиона был все же мною сломлен — Муравьев проинспектировал дивизион и, под угрозой расправы, заставил выполнить наш приказ.

Против дезертиров (из под Лозовой) 30-го полка Ревком, претендовавший на командование всем гарнизоном, не только не принял никаких репрессивных мер, но допустил встречу этих дезертиров с оркестром на вокзале.

И, несмотря на это свое безволие и дряблость, Ревком требовал от меня, чтобы я не осмеливался, помимо него, распоряжаться ни гарнизоном Харькова, ни красной гвардией, ни военными запасами в городе. Более того, Харьковские большевики требовали, чтобы я вообще никаких действий без их согласия не предпринимал.

Я согласился только на своевременное извещение их о моих планах.

Так называемый «Областной Комитет», во главе с тов. Вальченко, пошел еще дальше. Однажды ко мне в штаб явился представитель имени этого Комитета неведомый мне весьма юный товарищ «для работы». Я выразил большое удовольствие, что вот, мол,

получаю, наконец, реальную помощь. Но когда предложил товарищу определить, какую бы он взял работу в Штабе, услышал: «Я, собственно, направлен для контроля над нами».

Я вынужден был от такого сотрудника отказаться.

Иначе отнеслись к моей работе товарищи из «Цикук». Они сразу вступили с нами в деловой контакт, выделив для выполнения работы в Штабе серьезного товарища Сергея Бакинського. С. Бакинський был чрезвычайно нам полезен, как опытный железнодорожник и хозяйственник. Он сейчас же взялся за упорядочение нашего транспортного дела. Вместе с тем, он был моим советником по многим вопросам нашей работы.

Непрекращающиеся безобразия в городе, смелые действия уголовников и анархистов, постоянные белогвардейские покушения на штабы наших частей, полная разруха в гарнизоне, свободная торговля оружием и военным снаряжением на рынках, весь этот беспорядок побудил меня стремиться к установлению в городе авторитетной военной власти. По соглашению с Ревкомом, был назначен, почти тотчас по организации моего штаба, комендантом города Харькова — матрос Канунников; но вскоре его пришлось убрать, по подозрению в пьянстве. Он заменился тов. Войцеховским, рабочим Путиловского завода, начальником штаба Красной Гвардии Петергофского района и членом там же Ревкома. Человек лично безусловно порядочный, совершенно испытанный, революционно настроенный, Войцеховский пошел на жестокую борьбу с бандитизмом всех ступеней. Ему удалось установить относительный порядок в городе. Но Ревком относился к нему весьма ревниво к его назначению, хотя это назначение состоялось с его согласия, и не только не оказывал Войцеховскому никакого содействия, а всячески раздувал его мелкие неизбежные неудачи и промахи. Сносных работников в помощь Войцеховскому я выделить не мог — не из кого было, а местные товарищи только злорадствовали, злоушиничали вместе с обывателями и оказывали коменданту поддержки.

Так было и по отношению ко всем другим моим назначениям. Местный губком не присылал ко мне работников, и приходилось ставить на посты комиссаров на станциях, посылать по реквизиции хлеба тех ребят, какие были под рукой. А бывшие эти ребята, по большей части, приезжие питерцы или моряки.

авые, но малоопытные, не умевшие находить вежливых об-
тов речи там, где видели контр-революционную закорючку или
ботажный выверт; а иногда были это и люди недостойные—
личуны и тупые насильники. В том и другом случае, поводов
и столкновений было хоть отбавляй.

Но я полагаю, что это была неизбежная ступень в граждан-
ой войне,—подбор умелых и разумных революционных админи-
раторов не проводится во время революционной горячки с
сметательной аккуратностью. Смелости и натиска требует борьба.
там подсчитаем результаты!..

Было не мало жалоб и на насилия наших частей над мир-
ными обывателями. Жалобы эти сильно преувеличивали имевшие
место факты. А меня поистине удивляло, насколько сдержанно
проявляла себя стихия революции! Ведь как же дьявольски подло
оступали с этими рабочими и крестьянами прежние власти!
какой гнусной кабале, в грязи их держали, каким каторжным
рудом их давили! Казалось, пришло вот время страшной, вы-
ходящей за пределы воображения мести—время беспощадной
расправы со всеми, кто живодерствовал, кто жирел на народной
удобе. Спали все цепи, все задержки,—гуляй душа напропалую!
пробудились жадные инстинкты, утолению которых предоставлена
была полная свобода.

И всетаки поразительно снисходительны были эти красно-
ардейцы и революционные солдаты, поразительно бескорыстны
великодушны в своей борьбе.

Они проходили мимо громадных богатств, их не трогая.
Они существовали впроголодь и томилась в тяжелой борьбе, но
резвычайно редко доходили до насилий над невооруженным
буржуазным населением.

Не было массового террора, не было египетских казней, о ко-
рых писала буржуазная печать.

Революция с первых же шагов стремилась держаться намечен-
ных целей, не сбиваясь в сторону анархистского разгула.

Больше того, мы вели жестокую борьбу с проявлениями
анархобандитизма. Харьковские ревкомщйки не только не под-
держивали нас в борьбе с анархо-бандитизмом, но некоторые
из них сами ужасались «зверским расстрелам», которые мы тво-
рили «на седьмой версте». Эти расстрелы были до крайности

редки и творились они над заведомыми грабителями и убийцами.

Они с удовольствием поддакивали мещанским сплетням о личной безразборчивой жестокости. Между тем, я смог бы только упрекнуть себя как раз в обратном — в чрезмерной мягкости.

Так, когда нашей разведкой был арестован бывший командир Брестского полка, генерал Думбадзе, я воспротивился беспорядочному расстрелу.

Больше того, получив письменный доклад Думбадзе о его действиях в Ялте и после переговоров с его сыном, я вынес заключение, что этот старик безвреден, и распорядился его отпустить. Следовало, без сомнения, провести этого царского опричника через гласный суд.

Была еще очень одна запутанная история, в которую пришлось вмешаться. По тайному доносу был произведен нашей разведкой обыск у бывшего полковника Ч. В результате обыска не найдено ничего особенно компрометирующего, но полковник был арестован. Вскоре ко мне явился местный врач, который уверял меня, что в отношении этого полковника произошло чудовищное недоразумение. На том же настаивала и посетившая меня жена полковника, красивая молодая еще женщина, с пошлостями и своеобразно артистическими манерами. Она протестовала, утверждала, что донос ложный. Когда же я указал, что есть письмо лично от полковника к его друзьям в стан контр-революции, то она заявила, что этого быть не может. Объяснить почему она это думает, однако, затруднилась. Я узнал, лишь позднее, что у полковника не было особенных врагов.

После посещения этой дамы, я вызвал к себе полковника и увидел перед собой человека крайне подавленного, уже изрядно пожилых лет и почти расслабленного. Однако, вновь пришедший ко мне доктор, друг полковника, должен был подтвердить, что показанное мною ему письмо к Каледину написано рукою полковника. Я потребовал, чтобы ко мне доставили человека, представившего в нашу разведку письмо. Явился присяжный порученный К. Красивый, с особенной развязностью в движении и разговоре, он очень бойко отвечал на мои вопросы о своих отношениях к семье полковника; но, когда я ему заявил, что письмо или подлинно принадлежит полковнику или чрезвычай

око подделано, — слабый отблеск какого-то удовлетворения чуткой настороженности промелькнул в его глазах. Я отдал распоряжение освободить полковника и арестовать присяжного поверенного, друга дома, по обвинению в том, что он пытался нас ввести в обман из-за своих амурных счетов.

На следующий день, вся задыхающаяся, явилась ко мне жена полковника, и я узнал повесть обычной столько раз перепетой обманутой женской жизни. Она умоляла о пощаде для своего любимого, она утверждала, что больше никогда таких историй не повторится. Я, с большим отвращением к этому делу, дал распоряжение освободить адвоката. Конечно, я поступил неправильно, адвоката надо было беспощадно покарать.

Было еще два случая моего прямого вмешательства в дело революционной расправы. По моему приказанию, был выполнен приговор нашего импровизированного революционного Суда над одним нашим же служащим красногвардейцем, который дважды попался в чрезвычайно скверных поступках. Были еще, по моему приказу, расстреляны два белогвардейца, захваченные у нас тылу при наступлении на Ростов. У них были на руках хорошие паспорта рабочих, но самые руки явно изобличали переодетых баричей...

Вот и все случаи моей бессудной расправы за этот период. Особенно обострились отношения между мной и Харьковскими товарищами по вопросам рабочей политики.

Ревком пальцем не шевелил в защиту рабочих против все более пагубных капиталистов.

Как я выше говорил, в ответ на решения рабочих организаций провести явочным порядком 8-часовой рабочий день на фабриках и заводах, капиталисты начали кампанию сужения производства и прекращения выплаты заработка. Тщетно рабочие скали управы на хозяев.

Не получив никакой поддержки от Ревкома, они решили обратиться ко мне, как к Народному Комиссару.

20-го декабря (3 января) ко мне пришли рабочие завода Имановского, с просьбой посодействовать им получить перед праздником деньги от своего хозяина. Следом за этими рабочими, явились представители и от других заводов; все заявляли, что Ревком не оказывает им должной поддержки, а ограничи-

вается бесплодными и беспомощными переговорами с предпринимателями.

Тогда я предложил Ревкому принять необходимые меры к удовлетворению требования рабочих в 24 часа, иначе, писал я в своем обращении к Ревкому, перелагаю всю ответственность на него, «как совершенно не считающегося с нуждами рабочих и преклоняющегося перед крупным капиталом», и заявляю, что буду вынужден принять свои меры.

Ревкомцы, особенно меньшевики и эс-эры, очень обиделись моему ультиматуму, но ничего для рабочих не сделали.

По истечении 24-х часов, я собрал к себе представителей заводов и, вместе с отдельными местными товарищами (например тов. Бакинским), мы составили список человек 15-ти крупнейших Харьковских капиталистов. Сейчас же по их адресам были посланы на извозчиках по 2 красногвардейца, дабы приглашать этих господ на совещание ко мне на вокзал. На вокзале, в так называемой «царской половине», была наспех оборудована приемная; куда и доставлены гуськом намеченные нами представители местной буржуазии — Бродский, Юзефович и др.

Извинившись перед ними за беспокойство, я сообщил им, что они созваны на совет, как получить один миллион рублей наличными для расплаты с рабочими к праздникам.

Капиталисты весьма горячо доказывали, что наличными такую сумму и в такой короткий срок достать никак не удастся.

Я велел им подать чай и удалился, заявив, что буду ждать их определенного ответа минут через 10.

Через 10 минут от имени всего собрания Юзефович (редактор «Южного Края»), один из богатейших собственников на Юге, заявил мне, что мнение совещания остается прежним.

Тогда я распорядился посадить капиталистов под арест в вагоны второго класса и заявил им, что они будут выпущены только при внесении мне для выдачи рабочим миллиона рублей наличными; если же не внесут, то будут отправлены на работы в рудники.

Этот эпизод чрезвычайно взволновал весь буржуазный и социал-соглашательский мирок Харькова.

Ревком и даже наш партийный комитет резко осуждали мои «анархические» действия. Городская Дума, экстренно собравшись, вынесла следующую резолюцию:

«Харьковская Городская Дума, заслушав сообщение о задержании А. Антоновым граждан г. Харькова, с целью получения денежных знаков путем принуждения, протестует против вмешательства во внутреннюю жизнь города, при наличии правомочного местного самоуправления и революционных демократических организаций.

«Городская Дума требует немедленного освобождения задержанных граждан, считая, что анархические действия в форме незаконного захвата представителей торгово-промышленного класса и финансового мира противоречат принципам рабочего движения, не могут разрешить экономических кризисов и влекут за собой полное разрушение хозяйственной жизни.

«В отношении же вопроса об обеспечении условий и оплаты труда рабочих г. Харькова, Городская Дума, помимо ряда уже принятых мер, должна в срочном порядке в контакте с Советами рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов содействовать разрешению кризиса».

Но я стоял на своем — капиталистов не выпускал. Арестованные упростили меня освободить одного из них для того, чтобы побудить своих коллег дать требуемый выкуп.

Выпущенный мною гражданин вернулся на следующий день весьма разочарованным и, по поводу этой неудачи, я имел характерный разговор с арестованными: «Вот какова ваша капиталистическая солидарность. Эти ваши коллеги в душе злорадствуют вашей беде, заранее подсчитывают свой барыш от нее и вместо помощи вам извергают дешевые резолюции».

Юзефович, Бродский — возмущались. «Им там хорошо, а нам плохо»..

И они добивались от меня более «справедливого» обложения, доказывая, что «на воле» остались люди, куда их побогаче.

Я отговорился недосугом разбираться в этих подробностях, обещал, что и до других доберемся, и категорически прибавил, что если деньги не поступят в срок, то «вагон будет передвинут в район рудников»...

Намек подействовал, деньги были собраны. И капиталисты мною отпущены. Местные товарищи жаловались на мои действия в Смольный. Сталин ответил 15-го (2-го) января:

«Наши симпатии целиком на стороне Антонова».

А Ленин прислал мне следующую телеграмму:

«Харьков Антонову. От всей души приветствую вашу энергичную деятельность и беспощадную борьбу с каледнищам. Вполне одобряю неуступчивость к местным соглашателям, сблизившим, кажется, с толку часть большевиков. Особенно одобряю и приветствую арест миллионеров - саботажников, в вагонах I и II класса. Советую отправить их на полгода на принудительные работы в рудниках. Еще раз приветствую вас за решительность и осуждаю колеблющихся. Ленин».

Местные партийцы еще более возбудились против меня после этого урока, а Харьковские рабочие вынесли резолюцию приветствия Совнаркому.

Мои хорошие отношения с Цикукой тоже не были особенно прочны. С назначением Народным Секретарем по внутренним делам Украины тов. Евгении Бош, эти отношения стали портиться. Военная необходимость заставила меня, для обеспечения правильности движения по железным дорогам военных грузов и эшелонов, назначить своих представителей — комиссаров на станции.

Потребность в обеспечении тыла и в доставке продовольствия и фуража войскам побудила назначить таких комиссаров и в отдельных городах Донбаса. Эти комиссары далеко не всегда были на своем месте. Из них большинство были честные ребята, но без особенно развитой тактичности. А в местных Советах и в организациях железнодорожников была масса элементов антисоветского направления. И эти господа будоражили массу против наших комиссаров, используя малейший повод, ловко маневрируя с ходким в ту пору лозунгом «вся власть на местах».

Если бы эти местные Советы были в большинстве нашими, если бы их вывеской не прикрывался контр-революционный саботаж, то эти претензии на самостоятельное руководство местных людей встретили бы, конечно, полную мою поддержку.

Так как на деле обстояло иначе, то, в интересах революционной борьбы, я стоял за назначенство от моего штаба этих полномочных комиссаров.

✓ Тов. Евгения Бош, став Нарсекретарем по внутренним делам Украины, распорядилась, без всякого предварительного сговора со мною, устранить назначенных мною комиссаров.

21/1 1918.

Милостивий! Станути до ЦМК (Савров-
ский) брату на Вас. Крайне важно, что мы
успели в Вашем отношении не только до
Вас. Мыслью, которую сводились с нами
(и другие проводом — от нас и др. др., через
Савров), чтобы мы могли ^{ОВ,} договориться с Ва-
шим братом и отменить его карьеру.
Так и так, и потому — вот у нас, чтобы
быть и в будущем времени с ЦМК. Карьеру
успели. Это архива в воздух.
Вашим предложением. Ради того, чтобы
быть с нами и у нас Вашим
свободным. Комиссия, которая
и в будущем, и в будущем

(не сводит).

Ваша и наша надвигающаяся
вот наша упрямая невольная
свободная наша с Карьер-
ским ЦМК договором. Мы бу-
дем архива национальной.

Но чтобы мы не казались
самим и КО. Мы сами горим
успехом и пожеланием и пожеланием
Ваша и наша
Ваша и наша
Ваша

Это было прямо на-руку местным саботажникам. И я протестовал против этих распоряжений.

Одновременно тов. Бош сообщила о моем «самоуничтожении» тов. Ленину. Этим вызвана нижеследующая телеграмма мне:

«Наркому Антонову. — В виду нареканий Народн. Секрет. возникшие между вами и ЦИК'а Украины трения, прошу со своей стороны сообщить, в чем собственно дело; само наше вмешательство во внутренние дела Украины, поскольку это не вызывается военной необходимостью, нежелательно. Удобнее проводить те или иные мероприятия через органы местной власти и, вообще, лучше всего было бы, если бы всякие недоразумения были улажены на месте. Ленин».

Вслед за этой телеграммой, я получил такое весьма значительное и сильно меня огорчившее письмо:

«21 января (2 ф.) 1918 года.

Тов. Антоновъ! Я получилъ от ЦИК (харьковскаго) жалобу на Васъ. Крайне жалѣю, что моя просьба къ Вамъ объяснить не дошла до Васъ. Пожалуйста, поскорѣе свяжитесь со мной прямымъ проводомъ — однимъ или двумя, черезъ Харьковъ, чтобы мы могли поговорить съ Вами толкомъ и объяснить хорошенько. Ради бога, приложите всѣ усилія, чтобы всѣ всяческія тренія съ ЦИК (харьковскимъ) устранить. Это чрезвычайно важно въ государственномъ отношеніи. Ради бога, помиритесь съ ними и признайте за ними всяческій авторитетъ. Комиссаровъ, которыхъ Вы назначили, убѣдите, прошу Васъ смѣстить.

«Очень и очень надѣюсь, что Вы эту просьбу исполните, а абсолютнаго мира съ Харьковскимъ ЦИК достигнете. Тут нуженъ ахритактъ національный.

«По поводу побѣдъ надъ Калединымъ и К^о шлю самыя горячіе привѣты и пожеланія и поздравленія Вамъ. Ура и ура Жму крѣпко руку. Вашъ Ленинъ».

Но вскоре эти недоразумения уладились. Я уступил в просе о комиссарах, соглашаясь на замену их товарищами, назначенными Нарсекретариатом. «Цикука», впрочем, не ограничилась покушением на назначенных мною комиссаров, но захотела ограничить и права моего штаба в Харькове и коменданта Водяного.

От нее исходило предложение создать особый политический орган — «шестерку», со смешанным представительством для руководства Харьковскими делами. Я, по поводу этого предложения, такой нападок на комиссара по Изюмскому уезду, дал в свой штаб в Харьков (из Донбаса) такое указание:

«2-го февраля, Харьков Медведеву. — Ни в коем случае не создавайте политического совета, никакой нужды в нем нет. Мы не выносим политических вопросов, лишь организуем агитацию. Натворите беды на нашу голову. Шаров, единственный, работающий для продовольствия, пошлите туда в Изюм политического комиссара для контроля. Ц. К. У. скажите, что на равенство в военном отношении шестерки я не согласен, что за Гайдаровским должно оставаться право самостоятельного, но по возможности с ведома Ц. К. У. распоряжения в военной области и в отношении охраны революционного порядка, но вопросы социально политические пусть разрешаются в отношении города и уезда собранием шести. Очевидно грузы, отправляемые нами к Питеру и Москве, не доходят. Отсюда отправлена их масса, но где-то они застревают. Необходимы, повторяю, и сообщите об этом Питеру, специальные отряды толкачей и специальных руководителей из местных и понимающих в ж.-д. движении вполне решительных товарищей. У нас таковых не хватает. Дорога через Купянск — особенно затяжная и ею следует направлять лишь неспешные грузы и т. д.».

Конец этой телеграммы говорит о заботах иного порядка, а именно, продовольственного.

Много хлопот с моей стороны и мало, слишком мало, поддержки со стороны Харьковских товарищей, вызвал этот продовольственный вопрос.

Продовольственное положение самого Харькова, как я сообщал уже, было крайне тяжелым. Работники моего штаба помогли его наладить, создав общественную хлебопекарню и организовав реквизицию хлеба в помещичьих имениях.

Куда серьезнее был вопрос о поддержке продовольствием Севера. Украинская Рада запретила вывоз хлеба на Север, требуя расплаты за него наличными деньгами, которых в распоряжении Совнаркома в достаточном количестве тогда еще не было. Особенное значение приобретала работа по выкачке хлеба с Екатеринославщины.

Тотчас по установлении Советской Власти в Екатериносла туда выехал из Питера тов. Серго (Орджоникидзе). Проще всего был в Харькове у меня. За ним шли изрядные маршруты с мануфактурой. Продовольственная работа закипела в Екатеринославщине. Для лучшего ее проведения были вызваны работники из Москвы и Питера. Потребовались и специальные команды сопровождающих для охраны продовольственных грузов в пути. И здесь местные украинские товарищи нам помогли очень много.

23-го января я телеграфировал тов. Серго в Екатеринослав:

«Пока будут загружены и не рассосутся узлы Москва, Курск и т. д., нечего и думать помочь серьезно делу. Затем необходимо назначение от вас уполномоченных для Харьковской и Полтавской губ., которые брали бы хлеб из губерний по определенному плану, совместно с Ц. К. Советов Украины и Губернскими Продовольственными Комитетами, которые надо переорганизовать и заставить работать, опираясь на вооруженную, специально выделенную фронтон, Питером и Москвой, силу. Дело не в мануфактуре и не в деньгах, дело прежде всего в организации вывоза хлеба из деревень. От кулаков и помещиков можно взять миллионы пудов прямо реквизицией по квитанциям и это надо делать, не дожидаясь, когда придет мануфактура; нужна организованность. Будучи занят военными операциями, я не имею времени и сил для этого огромного дела».

В тот же день я дал следующее характерное (оно было типичным и для других и для моих комиссаров) предписание комиссару Изюмского уезда тов. Шарову:

«Войдите в связь с Абаловым в уездном продовольственном комитете. Под реквизиционные квитанции, заберите, вывезите и нагрузите: в Золотоколитвенской волости имение Фнак 20.000 пудов хлеба; в Александровской волости у Н. С. Романько 7.000 пудов, у С. Ф. Романько 2.000 и у Черникова 2.000 пудов. Об исполнении мне сообщите. Выполнение экстренное. Нарком Антонов».

Шаров предписание выполнил точно.

В общем, продработа развивалась недостаточно энергично.

Лишь когда за дело взялись товарищи из Цикуки—Дуганский и другие, дело несколько оживилось, ибо эти товарищи не спотыкались о вопрос конфискации хлебных запасов у помещиков и у богатых крестьян.

Серьезнейшим препятствием к снабжению Севера хлебом являлась крайняя забитость железнодорожных станций.

Необразимый хаос царил на железных дорогах. Во всех направлениях и больше всего с фронта тянулись эшелоны; станции были забиты остатками обозов, санитарных поездов, всяких тронутых с мест «тыловых баз». Какая-то злая воля старательно увеличивала этот хаос.

Я телеграфировал Кудинскому в Брянск для передачи Смольному:

«С продовольствием ладится. Можем направить не 50, а 500 вагонов, но жел. дорога Курск-Москва пропускает всего по 114 вагонов в сутки, вместо обычных 1.400, и образует пробки. В Белгороде стоит 1.500 вагонов. Нужны специальные отряды для деревень, чтобы, при поддержке бедных крестьян, забирать хлеб у богатых. Требуется посылка таких отрядов из Питера, Москвы и фронта; нужна мануфактура и денежные знаки не менее 200 миллионов. Хлебных комиссаров высылайте. Вывоз муки и овса из плодородного участка Ворожбы и т. д., конечно, необходим и это предоставьте распоряжению Народного Секретаря по продовольствию в Украине — тов. Лугановского».

Эта телеграмма относится уже к началу нашего наступления на Украину.

Вблизи Полтавы, у Карловки, а также вблизи Конотопа и т. д. были обнаружены значительные запасы продовольствия. Лугановский сообщал о 1½ мил. пудов в Полтаве и 550 тыс. пудов в Карловке. Эти сообщения оказались сильно преувеличенными, но все же мы смогли двинуть на север изрядно продмаршрутов.

По поручению Совнаркома, делом вывозки их на Север должен был руководить тов. Лугановский.

Ему в помощь было созвано обширное совещание товарищей железнодорожников и продовольственников. И дело сдвинулось.

Кудинский из Брянска проявил особую энергию и выхватил на Север около 300 вагонов хлеба и сахару, намеченных к отправке туда же Лугановским.

Это спасло его от суровой расправы, мною для него приготовленной, за ряд предыдущих дезорганизаторских его поступков. Н. П. Подвойский взял его под свою опеку и не только изба-

вил от суда, которому он был предан мною, но и назначил его «Главным Комиссаром продовольствия» столиц, Северного и Западного фронтов.

Тов. Лугановский, имевший полномочия от Совнаркома лично от Ленина, телеграфировал мне:

«Получил сообщение Подвойского о назначении Кудинского сюда Главным комиссаром по продовольствию Петрограда, Москвы, Фронта и других мест с правом составлять маршрутные поезда и занимать паровозы. Считаю такое назначение неправильным и ненужным, я просил бы вас, тов. Антонов, во имя нашего общего дела сообщить Петрограду свое мнение. Мною послана Петрограду следующая телеграмма: Получил сообщение, что тов. Кудинский назначен по соглашению Наркома по продовольствию и Наркома Путей Сообщения, главным комиссаром по продовольствию Петрограда и Москвы, Западного фронта и других мест с правом составлять маршрутные поезда, занимать паровозы и проч., считаю назначение сюда комиссара по продовольствию, после того, как Народным Секретариатом Украины принимаются чрезвычайные меры для организации подвоза предметов продовольствия, актом, дезорганизирующим всякую возможность планомерной работы. От имени Народного Комиссариата Украинской и народной крестьянской республики и во имя спасения революции, требую отмены данных тов. Кудинскому полномочий в области продовольствия, чтобы дать мне возможность наладить планомерное обеспечение Петрограда и севера необходимым продуктом продовольствия. Прошу в дальнейшем по всем продовольственным вопросам обращаться исключительно ко мне Нарсекр. Лугановский».

Я поддержал Лугановского, то же сделал и Серго.

Вскоре, с переездом в Донбас, я был отвлечен от продовольственных забот в другую сторону. В Донбасе я застал полную шую неурядицу.

Харьковские товарищи и «Цикуча», в своем взаимном раздоре совершенно забросили вопросы нашего угольного района.

Царил полная растерянность и путаница во всем. Господа капиталисты, предводимые Фон-Дитмаром (председателем союза горнопромышленников юга), проводили саботаж работ на шахтах, инженеры бездельничали, заработная плата не выдавалась. Кре-

интеллектуальные материалы не подходили. Никакого органа, регулирующего вопросы снаряжения шахт, не было, «Монотоп», долженствующий вести распределением топлива, совершенно не чувствовался в Донбасе.

На рудниках работали до 120 тысяч военнопленных немцев, за которыми не было никакого надзора.

Правда, существовало в Шикитовке объединение рудничных комитетов, но оно не обладало ни достаточным авторитетом, ни опытом, ни средствами для руководства делами Донбаса.

Предоставленные самим себе, рабочие рудников начали бродить по шахтам и разбредаться, кто куда. А местами проводили своеобразную «национализацию» шахт — присваивали себе добычу и торговали углем с железными дорогами и городскими управлениями.

Я вынужден был откликаться на эти болезненные, остро выдвигаемые передо мною, вопросы.

Нашим снабженческим органам пришлось озаботиться и организацией продовольствия для рабочих. Пришлось частично отпускать им белье, обмундирование, обувь.

Пришлось давать распоряжения по распределению топлива и т. д. Словом, пришлось разрешать, не имея никаких компетентных советников, массу новых для меня хозяйственных вопросов.

Неоднократно писал я о положении Донбаса в Совнарком и в Харьков. Но действительных мер так и не принималось.

Я выдвинул перед Лениным предложение создать институт особоуполномоченного по Донбасу и предложил назначить на этот пост тов. Кожевникова.

Лучшей кандидатуры, чем этот человек, проявивший на моих глазах в действиях по отношению к почтово-телеграфному делу, решительность и энергию и располагавший кадром энергичных интеллигентных помощников — соратников почтовиков, — я не видел. Ленин соглашался на это назначение. Но оно было аннулировано «Цикукой».

Положение оставалось неопределенным. Оно вряд ли улучшилось после того, как на новом съезде Советов Донецкого и Криворожского бассейнов, 16-го февраля было постановлено — образовать из этих районов самостоятельную республику, со своим Советом Народных Комиссаров.

Это отделение рабочих районов от Украины, как раз в момент, когда ее Советское правительство в Киеве особенно нуждалось в политической и организационной поддержке (выступление против Центральной Рады на Брест-Литовских переговорах немцами), мне представляется и до сих пор серьезным государственным промахом. Но Харьковским и Екатеринославским товарищам, все время враждовавшим с «Цикукой» и, по ее образванию, повернувшем фронт в сторону великодержавности, — удалось, на этот раз, убедить Совнарком в правильности своей линии.

Нарком Внудел новой советской республики тов. Васильченко повел еще более решительную линию против моих «назначенцев», чем Цикука. И он использовал при этом единственный случай в Чугуеве, когда какие-то поступки поставленного мною комиссара побудили фракцию большевиков местного Совета, в виде протеста, выйти из Совета.

Тов. Васильченко упразднил упомянутую выше «шестерку», созданную мною по соглашению с «Цикукой». Я протестовал против этого, без моего ведома сделанного шага, в следующем письме.

«23-го февраля 1918 г. Харьков, Совнаркому Донбаса, копия военному Коляденко и Мауреру, копия Петроград Совнарком Ленину и Троцкому.

Уважаемые товарищи! Мною получено, к моему большому удивлению, получено не от вас непосредственно, а окружным путем, ваше постановление о прекращении функций Совета 6-ти и мне думается, что вам надлежало бы, прежде отдачи подобных распоряжений, входить в непосредственные обсуждения их со мною, как представителем Центральной Советской власти в областях, являющихся театром военных действий. Товарищи, уверяю вас, соглашение могло бы быть достигнуто гораздо быстрее таким образом, и не создавалась бы почва для сомнения относительно ясности понимания вами колоссальной, лежащей на нас с вами ответственности перед великой рабочей революцией. Внести раздор между нами нужно для ее врагов, которые искусно используют во вред нам всякие сепаратные стремления и лозунгом «вся власть Советам» прикрывают стремление свое саботажничать, опираясь на политическую отсталость Юга; саботируют постановления Центральной Советской власти и ее борьбу с контр-революционными происками. Позвольте вам указать далее, что характер

и пределы автономии Донецкого и Криворожского бассейна надлежит определять путем соглашения с Центральной Советской Властью, а не путем одностороннего решения областного съезда или, того хуже, узкого круга членов его исполнительного органа. В частности, категорически заявляю, что в интересах победы революции, не могу допустить самостоятельных с вашей стороны распоряжений организованными моим штабом вооруженными силами. Пополнения в эту сторону буду рассматривать, как сознательный или бессознательный саботаж революционной борьбы. Товарищи, самым убедительным, самым настойчивым образом прошу вас идти навстречу высказанному мною. И прежде принятия вами тех или иных решений, касающихся революционных порядков в непосредственном тылу революционных армий, сноситесь со мной. Предлагаю вам далее ввести своего официального представителя в мой штаб в Никитовке. Для обеспечения революционного порядка в таком важном пункте, как Харьков, где формируются и проходят революционные войска и где находятся тыловые базы, создать особый орган из трех ваших и двух от моего штаба представителей необходимо. Согласен на непосредственное подчинение такому органу назначенных нами комиссаров. Но очень прошу вас принять во внимание скрытно оборонческий и саботажный характер изрядного числа местных, даже Советских организаций, а потому, без предварительного расследования, не устранять неугодных этим организациям комиссаров. Прошу спешного ответа по существу моих предложений. С революционным товарищеским приветом Народный Комиссар Федеративной Республики Антонов».

Тов. Васильченко ответил:

«Никитовка - Зверево - Таганрог - Наркому Антонову. — Копия Петроград Совнарком Ленину и Троцкому. Уважаемый товарищ! В ответ на ваше предложение о соглашении, заверяю вас именем своим и своих товарищей о полном нашем понимании того, насколько губительно было бы для нас действительно дальнейшее развитие недоразумений. Но окружной путь получения нами сведений, к которым вы относитесь с большим вниманием, нем к прямым, делавшимся вам заявлениям нами, и служит источником недоразумений. Это подтверждает и ваша телеграмма, на которую отвечаю — мы ни на одну минуту не претендуем распо-

ряжаться хотя бы одним человеком ваших отрядов, без вас и даже вам делать какие-нибудь предложения об операциях ваших отрядов считаем для себя неуместным. Предпринятый нами роспуск «шестерки» связан с тем многовластием в Харькове, которое расплодило неслыханный бандитизм, авантюризм комиссаров и комендантов, назначенных вами и Секретариатом Украины. Товарищ, вы не представляете себе, до чего должно было развиться пренебрежение к учреждениям Советской власти, когда мы уже имеем случай выхода целиком из совета большевистской фракции только потому, что невыносимо стало терпеть издевательства некоторых комиссаров. В частности, вспомните случай с Войцеховским. С большим трудом Совету Харькова удалось его устранить отсюда. Вы назначили его, говоря комиссаром Таганрога. Если это правда, это уже не недоразумение, а хуже. Но мы верим, товарищ, вашему революционному разуму, мы полны к вам уважения за вашу нечеловеческую энергию и, конечно, всякую форму сотрудничества, дающую нам надежду устранить недоразумения — с радостью принимаем тем больше, что неоднократно вас об этом сами просили. Принимаем и то предложение образования органа из 5-ти человек: 2 вашего штаба и 3 нашего учреждения — которое делаете в вашей телеграмме. Сообщаем, если вы хотите, чтобы образуемый орган находился в непосредственной близости к вам, то нашими представителями будут Рухимович, Трифонов, третьего мы пришлем. Если этот орган может находиться в Харькове, что для нас удобнее, то нашими представителями — Руднев, я и Тивелев. От имени Совнаркома Донбаса Васильченко».

Я сейчас же ответил, что согласен на замену мной назначенных комиссаров представителями нового Совнаркома, относительно же Войцеховского считаю глубоко неправильным отношение, проявленное к этому товарищу Харьковцами — они, не оказывая Войцеховскому никакой поддержки, взваливали на него ответственность за недостатки его соратников, новая пятерка пусть будет в Харькове, от моего штаба в нее войдут Маурис и Коляденко (нач. разведки).

Пятерка и действительно была создана под названием «В. Р. К.», впоследствии переименована в «губернский штаб по борьбе с контр-революцией».

Наши отношения стали как будто налаживаться (между прочим я, тотчас по получении известий о недопустимом поведении Маруси Никифоровой в Александровске, предложил комиссару ее убрать).

Но тщетно я взывал к новому Совнаркому: «наладьте же какой-нибудь порядок в Донбасе».

Он проявлял полную беспомощность перед вопросами Донбаса. Впрочем, здесь перед ним стояло страшное препятствие — прежде всего, в виде почти полного отсутствия денег.

Но в отношении капиталистов, после моего почина, Совнарком Донбасса стал значительно храбрее.

Когда собрался в Харькове съезд горнопромышленников, то я получил от «губштаба» извещение, что 8 февраля президиум этого съезда во главе с фон-Дитмаром арестован. Я ответил предложением передать арестованных в распоряжение тов. Скрипника. Тов. Ленин подтвердил это предложение.

Арестованным, судя по «обвинительному акту», т.-е. дознанию, от 9-го февраля, между прочим, помимо саботажного отношения к каменноугольной промышленности, предъявлялись еще обвинения: — в посылке представителя к Каледину для открытия в Новочеркасске нового Бюро уполномоченных, в попытке организации служащих на поддержку учредилки, в субсидировании контр-революционной газеты «Русская Жизнь» и изыскании средств для борьбы с Совнаркомом.

Президиум съезда был арестован, но саботаж промышленников не прекращался.

Совнарком Донбаса вступил также решительно на путь контрибуций.

Тотчас же по занятии нами Ростова, я получил от областного совета Наркомов Донбаса и Криворожья извещение о введении налога на буржуазию в размере 42.000.000 рублей, причем мне поручалось взыскать в Ростове 10 миллионов и столько же в Новочеркасске. Хотя я не сомневался в том, что Новочеркасск никаким порядком отнести к Донецкому бассейну нельзя, да и положение Ростова в этом смысле было, по меньшей мере, спорным, но эта решительность в вопросах налогового обложения мне была по нутру. Мы начали разговаривать,

как будто одним языком. Я предвкушал возможность полного взаимного понимания.

В знак достигнутого соглашения, Совнарком Донецкого и Криворожского бассейнов прислал мне следующую телеграмму:

«Из Харькова Южн. № 19015 от 26/II-18 г. Областной Совет Народных Комиссаров приветствует успехи вашей победоносной борьбы с последней опорой контр-революции — помещиками и капиталистами. Самоотверженная отвага рабочих красной гвардии, сознание и мужество революционного трудового казачества, неусыпная энергия работников социализма, являющихся руководителями этой борьбы, служат нам порукой в том, что героическая борьба идет к славному концу. Передайте наш товарищеский привет сподвижникам Революционного фронта, ведущим вооруженную борьбу против мятежников атаманов и их шаяк. Передайте им, что с верой в победу на этой борьбе их провожали с радостью, когда они возвратятся, встретим их от имени областного совета народных комиссаров Донецкого и Криворожского бассейнов. Комиссар по делам Управления Васильченко. Комиссар по судебным делам Филов».

ГЛАВА IX

Мой штаб — в Донбасе. Каледнищина маневрирует. Каменский ревком. Колебания и первые неудачи. Сиверс терпит урон. Организационная работа.

Еще в начале января я решил перенести свою «Ставку» в Донбас, чтобы быть ближе к действующим войскам.

И это свое намерение я выполнил, когда убедился, что наступление к Киеву развивается успешно, и что Муравьев — на месте.

В Харькове я оставил своим представителем Д. Медведева, а Начштаба тов. Брянского, только что прибывшего с Румынского фронта с известием о предательстве генерала Щербачева, о гибели тов. Рошаля и об аресте Чудновского.

22-го января Саблин сообщал мне из Дебальцево:

«На правом фланге моего участка войска, служившие заслоном против возможного прорыва противника в тыл к Сиверсу, продвигавшиеся параллельно продвижению Сиверса, отозваны ввиду со ст. Зуевки и Ясиновского рудника к Монахово, Енахово, Хацапетовка. Мой фронт идет по линии Иловайская — через Чистяково; у станции Сердитово — соприкосновение моих войск и войск Сиверса. Чистяково занято отрядом Левинсона. Участок Чистяково - Чернухино занят отрядом Московской красной гвардии. По линии Дебальцево - Звереве, сегодня ночью моя разведка неожиданным нападением заставила противника очистить Штеровку и Колпаково. Под давлением крупных сил противника, действовавшего при помощи пулеметов, ручных гранат, имевшего артиллерию, разведка с боем очистила Колпаково и Штеровку, заняв исходное положение на ст. Петропавловка. Наши потери — один убит и десять раненых. Участок сейчас занят отрядом Ярославцева и командой самокатчиков при семи пулеметах, туда же послан отряд Рухимовича. Насколько

удалось выяснить в этом районе, действует лишь отряд добровольцев, численность до 3 тысяч (составлен, главным образом из юнкеров и офицеров). На линии Родаково - Лихая - Луганск - Миллерово — спокойно».

23-го января должно было начаться концентрическое наступление на Дон. Но Петров оказывался совершенно неспособен; Саблин, после урока под Дебальцево, действовал, как видно с чрезмерной осторожностью, ограничиваясь легкими стычками, сильно преувеличивая силы врага. Чтоб обеспечить себя со стороны казаков на Миллеровском направлении и не опасаться Луганск, он затеял мирные переговоры с казаками.

18-го января у него состоялась конференция с представителями казачьих полков 8-й дивизии, штаб которой был расположен в Звереве. Казаки обещали соблюдать «нейтралитет» в борьбе советских отрядов с каледиинцами и «кадетами» (это название, к тем дням очень популярное, охватывало белогвардейцев всех мастей). С ними было заключено перемирие с обязательством предупреждать за два дня о возобновлении наступления.

20-го января ко мне явилась делегация 85-го полка (из отряда Саблина) с жалобой, что он не позволяет им брататься с казаками и плохо снабжает. Снабжением я распорядился их удовлетворить, а за нарушение революционной дисциплины резко отчитал.

Каледиинщину, между тем, трепала серьезная лихорадка. К этому времени уже определились результаты голосования в Учредилку. Казачий список собрал до 640 тыс. голосов (45% всего поданных), список социал-революционеров около 480 тыс., большевики стояли на третьем месте, имея 205½ тыс. голосов, остальные все вместе — 86 тыс. голосов. Успех большевиков был значителен (да и эс-эровские голоса надо бы считать противоправительственными — это крестьяне голосовали за землю), и это, несмотря на суровый режим военного положения, установленный Калединским правительством.

Стараясь укрепить свое расшатанное положение, Войсковое Правительство искало соглашения с «инногородними». 11 января в Новочеркасске съехался съезд представителей неказачьего населения Донобласти. Еще на прежнем Круге, где представители от крестьян имели лишь совещательный голо-

ни (до 60 ч.) высказались за прекращение братоубийственной войны и создание на Дону власти, опирающейся на все слои населения. На данном совещании присутствовали и представители от рабочих (в большинстве меньшевики). Под их настоянием, совещание пошло еще дальше в требованиях к Войсковому Правительству.

13-го января совещание приняло следующие условия, на которых соглашалось принять участие в составлении Объединенного Донского Правительства: 1) немедленное освобождение всех арестованных по политическим и аграрным делам; 2) разрушение и расформирование добровольческой армии; 3) соглашение Войскового правительства на заключение перемирия и восстановление свободного транспорта до созыва Донского Объединенного Собрании или Всероссийской Учредилки; 4) снятие военного положения с районов, не связанных с районами военных действий, и вывод войск из пунктов, где их присутствие не вызывается военной необходимостью (этот пункт, не в пример другим, прошел незначительным большинством—63 против 50); 5) неприкосновенность демократических организаций; 6) правительство создается на основе паритета—поровну от казаков и неказачьих, председателя выбирает из своей среды (проект Войскового Правительства был—председатель наказной атаман); 7) право запрета войскового атамана, по отношению к постановлениям о неказачьем населении, отменяется; 8) до созыва Донского Народного Собрании дела неказачьего населения решаются его представителями.

Резолюция о вхождении в Войсковое Правительство на этих условиях принята 62 гол. против 44 при 15 воздержавшихся, а после перерыва при вторичном голосовании,—87 за, 19 против, 12 воздержавшихся, 15-го января рабочая группа, под воздействием большевиков, заявила, что она против вхождения в Правительство Каледина.

Принята затем, по предложению рабочих, резолюция с требованием установления рабочего контроля на рудниках и независимости совдепов. Но принята рядом и резолюция за Учредительную и о непризнании власти Совнаркома.

Войсковое Правительство, в своем ответе на резолюцию неказачьего съезда, отказалось распустить добровольческие фор-

мирования, в остальном же согласилось на его предложения, съезд, 17-го января, 62-мя голосами против 44 при 4 воздержавшихся признал приемлемым ответ Правительства.

18-го января «новое» Донское правительство выпустило декларацию Объединенного Войскового правительства, в которой заявляет, что «признает необходимым создать областной законодательный орган для рассмотрения общих дел, касающихся казацкого и неказачьего населения Донской Области, причем предварительно положение об этом законодательном органе будет представлено на утверждение Войскового Круга и Съезда неказачьего населения, созываемых одновременно в течение февраля месяца».

Впредь же до созыва Круга и Съезда, Объединенное правительство: 1) обещает охранять свободу слова, печати, собрания, передвижения, свободу союзов и учреждений в их законной деятельности от всяких насилий, откуда бы таковые ни исходили; 2) посылает делегации в составе представителей от казацкой и неказачьей своих частей к большевистским отрядам, чтоб требовать их удаления из Донобласти; причем, «объявляет, что будет бороться самыми решительными мерами против насильственных попыток совета народных комиссаров навязать свою волю населению Донской области»; 3) освобождает «в порядке амнистии, всех заключенных по политическим и земельным делам, за исключением тех, что, сверх того, подлежат привлечению к суду в общем порядке по обвинению в уголовных преступлениях»; 4) снимает «военное положение во всей области, оставив таковое на линиях и в полосе отчуждения железных дорог»; 5) «добровольческая армия, существующая в целях защиты Донской области от большевиков, объявившей войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное Собрание будет находиться под строгим контролем Объединенного Правительства и, в случае установления наличности в этой армии элементов контр-революционных, таковые элементы будут немедленно удалены за пределы Донской области»; 6) обязано работать «вопросы о милиции и о надлежащей организации охраны в области, при деятельном участии органов местного самоуправления»; 7) «обещает ввести в ближайшем будущем земство на Дону».

Декларация кончается призывом «помочь правительству в трудной работе в переживаемую краем тяжкую годину».

Это же «Объединенное» Донское Правительство решило послать в Питер к Совнаркому специальную делегацию, чтобы добиться прекращения «братоубийственной войны».

27 января, по этому поводу, моим штабом была послана такая телеграмма тов. Ленину:

«По поручению тов. Антонова, убедительно прошу не давать каких-либо определенных ответов без сношения с нами делегации от казацкого съезда из Новочеркасска. Если войдете в соглашение с ними — свяжете нам руки. Компания из состава казацкого съезда, образовавшая «самостоятельную власть» на Дону, вместе с Калединым и Агеевым, по нашему мнению, не лучше прежнего войскового круга. Мы сможем разгромить не только Каледина, но и этих господ. Голова Каледина, которой они хотят отделаться от пролетарской революции, и без их помощи не останется на плечах у владельца. Передаю телеграфом резолюции съезда, из которых проглядывает подло-оборонческая физиономия. На съезде избрана новая власть Дона из 6-ти — 8 от казаков, во главе с Калединым, Агеевым, Богаевым, и 8 от казацкого населения, в числе последних — большевик Новочеркасской фракции; выбран и контрольный орган из 32-х человек».

В этой же телеграмме я сообщал и о другом, важнейшем, событии на Дону — об образовании на нем центра революционной власти.

Некоторые признаки свидетельствовали о приближении переломного момента в казачьих настроениях. 20 января в Харьков прибыл с фронта экстренным поездом эшелон казачьего полка (кажется 27-го), делегация от которого, во главе с есаулом Смирновым и Герасимовым, явилась ко мне с рекомендацией от Ревкома Юго-Западного фронта. По их уверениям, они спешат на Дон, для активной борьбы с Калединым. Смирнов же заверял меня, что казаки, пытающиеся прорваться через Александровск, не опасны и сдадут оружие без боя, если с ними переговорить (как я уже писал, обезоружение этих казаков обошлось не без серьезной перестрелки). Смирнов же сообщал, что по приказу Украинского правительства, казачьим частям,

при отправке с фронта на Дон, выдают по четыре пуда хлеба сотню, вместо одного, как выдавали против германцев, выдавали также удвоенную порцию снарядов для артиллерии.

Получились в то же время сведения об удачной попытке Царьцынских товарищей договориться с представителями расположенных в его округе казачьих частей.

20 января должен был открыться в Воронеже съезд трудового населения Дона. Несмотря на энергичную работу нескольких товарищей, во главе с тов. Сырцовым (добравшимся сюда из Ростова) и т. Щаденко (из Каменской), привлечь на этот съезд представителей от казачьих частей почти не удалось (из сотни участников съезда не было и десятка казаков).

И совсем неожиданно 24 января пришло к нам мутное известие о том, что 23-го в станице Каменской состоялся съезд фронтового казачества, на котором провозглашена борьба Каледина.

26 января это известие подтверждено следующей телеграммой из Воронежа:

«Назначенный в Воронеже съезд не состоялся, за малым прибытием делегатов. В это время в станице Каменской был назначен съезд фронтовых казачьих полков. На съезде присутствовали представители двадцати одного полка, пяти батарей и двух запасных полков. Было получено распоряжение Каледина разогнать съезд и арестовать организаторов. Наше появление на съезде и также угроза арестом побудили нерешительных казаков к очень решительным мерам. Съезд единогласно постановил — объявить войну Каледину и захватить всю власть в Донской области в свои руки. Был выбран Военно-Революционный Комитет (ВРК), посланы отдельные части для захвата станций Зверево и Лихая. Арестован окружный атаман и воинский начальник, причем воинский начальник оказал сопротивление и ранил двух казаков. Восемнадцать высших военных властей арестованы, проходят перевыборы всего командного состава полков. При занятии станции Зверево штаб дивизии убежал вместе с полковником Михайловым.

В помещении штаба найдена записка Каледина — объявить на осадном положении всю дорогу до Новочеркасска, занять прочно станции Лихую и Зверево, производить поголовный

обыски. Но Каледин опоздал — восставшие казачьи полки сделали это раньше его. Присланный нас арестовать 10-й полк опоздал, явившись, когда уже все совершилось. Он колеблется, но идет к восставшим казакам на верное. Все двадцать полков проявили большой энтузиазм и объявили клич против Каледина. На другой день на станции был грандиозный митинг».

Впоследствии выяснились некоторые характерные подробности. Прослышав про совещание фронтовых казаков на ст. Каменской, участники Воронежского съезда решили отправиться в полном составе на это совещание. Выехали группой в 70 человек, во главе с Сырцовым, Щаденко, казаками — Ермиловым, Елисеевым. Но в Каменскую прибыли всего в числе до 30 человек — остальные отстали в пути. Казачий съезд застали в полном разгаре. Под председательством Подтелкова, урядника гвардейской батареи, он протекал в боевом, но неопределенном направлении. Лишь небольшая горсть казаков, связанных с большевиками, — Кудинцов, Стехин, и друг. пытались направить съезд

к боевым действиям. Решение съезда приблизительно намечалось в сторону господствовавшего среди фронтовых казаков стремления мирно поладить и с «большевиками» и с правительством Каледина, избегнув гражданской войны. Это требование и предъявлял съезд правительству Каледина. В приветственных речах, Воронежские делегаты весьма осторожно пытались склонить казачий съезд к захвату власти. Тов. Мандельштам («Одиссей»), прибывший из Москвы, указывал казакам на взаимную экономическую заинтересованность Дона и Центральной России.

К большой решительности подвинуло съезд оглашение перехваченного приказа Каледина об аресте его участников. Тут



Т. Щаденко, организатор рабочих и красной гвардии Донбаса

делегаты поняли, что от борьбы не уйти. И предложение горсти казаков-большевиков были приняты подавляющим большинством совещания.

Оно решило избрать Донской Казачий Военно-Революционный Комитет, который должен организовать сопротивление Каледину, добиться от Войскового Правительства прекращения войны с Советскими войсками, удаления с Дона контр-революционных генералов и сложения войсковым правительством власти.

Определенной социальной программы совещание комитет не поставило. В своем воззвании оно говорит глухо о том, что берет на себя «почин освобождения трудового казачества от гнета контр-революционеров и Войскового Правительства, генералов, помещиков, капиталистов, мародеров и спекулянтов». Оно обвиняет верховодов, втянувших казачество в гражданскую войну, сделавших Дон гнездом контр-революции, и выдвигает требование изгнания из Дона контр-революционных заговорщиков.

Казачий Военно-Революционный Комитет, во главе с Понтелковым, по совету наших товарищей, той же ночью, опираясь на части 8-го казачьего полка и две сотни атаманского полка, приступил к арестам Каменских властей и направил особые отряды для захвата станций Лихая и Звереве. В самый день принятия Съездом резолюции о войне с Калединым, прибыл в Каменскую для ареста участников съезда 10-й казачий полк, но выполнить приказ Каледина отказался и заявил о подчинении Ревкому.

В первые же дни обнаружилась неустойчивость этого казачьего Ревкома, связь его с «большевиками» вызвала открытое недовольство среди многих казаков.

Делегация от 10-го казачьего полка, гундоровцы и другие станичники потребовали удаления тт. Сырцова, Щаденко и др. неказаков из Каменской. И товарищи были вынуждены перейти почти на нелегальное положение. Ревком, дороживший их советами, всячески прятал от казачьих масс свои сношения с большевиками.

Еще более знаменательно было отношение Донского казачьего Ревкома к рабочим и крестьянам. Делегации от рабочих и от

крестьян приходили в Ревком с предложениями содействия и с просьбами об оружии.

Ревком от этого содействия уклонился и в первые же дни не сделал ни шагу для организации вооруженных сил деревни и рудников.

Большинство членов Ревкома, отражая устремления среднего казачества, весьма недружелюбно относились к притязаниям «иногородних» крестьян на общий раздел Донской земли и совсем не собирались считаться с обще-казачьими привилегиями. Конечно, эти представители среднего казачества были настроены против казаческих верхов, хотели их свержения, но свои непосредственные чаяния стремились осуществить исключительно мирными путями.

Правительство Каледина не сумело использовать этих настроений. Обнажившая свое бессилие, правительство Каледина, вслед за приказом об аресте участников Каменского съезда, решило

послать делегацию для переговоров с Казачьим Ревкомом. Эта делегация, в составе Агеева, бывшего председателя казачьего уездного съезда, Светозарова, Бажелова, Уланова, Карева и Саула Аникеева, прибыла в Каменскую 26-го января и повела обстоятельный разговор с ревкомщиками, обвиняя их в измене Дону, в союзе с «большевиками» и т. д.

Но ревкомщики уперлись на том, что Калединское Правительство противопоставило Дон всей России, приютило у себя контр-революционных генералов, офицеров и буржуазию, бегущую из России, и втянуло Дон в гражданскую войну, а потому оно и должно уйти. Новочеркасская делегация с этим и уехала. Следом за ней потянулась в Новочеркасск делегация от Казачьего Ревкома, во главе с Подтелковым, Кривошлыковым и Кудиновым.

Ревкому надо было до конца исчерпать все возможности уладить миром дело с Войсковым Правительством. 27-го января делегация Ревкома была принята Войсковым правительством.



Т. Сырцев, организатор рабочих Донбаса

Представила она такой ультиматум Донского Военно-Революционного Казачьего Комитета Войсковому Правительству:

«1. Вся власть в области Войска Донского над войсковыми частями в ведении военных операций от сего 10-го (23) января 1918 г. переходит от войскового атамана Донскому казачьему военно-революционному комитету.

«2. Все партизанские отряды, которые действуют против революционных войск, отзываются 15-го (28-го) января сего года и разоружаются, равно как и добровольческие дружины, енисейские училища и школы прапорщиков, все участники этих организаций, не жившие на Дону, высылаются из пределов Донской области в места их жительства.

«Примечание: Оружие, снаряжение и обмундирование должно быть сдано комиссару военно-революционного комитета. Пропуск на выезд из Новочеркасска выдается комиссарам Военно-Революционного Комитета.

«3. Город Новочеркасск должны занять казачьи полки по назначению Военно-Революционного Комитета.

«4. Члены Войскового Круга объявляются неправомочными с 15-го (28-го) сего января.

«5. Вся полиция, поставленная войсковым правительством из рудников и заводов Донской области, отзывается.

«6. Объявляется по всей Донской области, станциям и хуторам о добровольном сложении Войсковым Правительством своих полномочий во избежание кровопролития и о немедленной передаче власти областному казачьему военно-революционному комитету впредь до образования в области постоянной трудовой власти всего населения».

Войсковое Правительство отвечало Военно-Революционному Комитету:

«Войсковое Правительство войска Донского, обсудив требования Военно-Революционного казачьего комитета, представленный депутацией комитета от имени Атаманского лейб-казачьего 44, 28, 29-й частей 10, 27, 23, 8 и 43-го полков, 14-й отдельной сотни, 6-й гвардейской, 32, 28, 12 и 13-й батарей, 2-го пешего батальона и Каменской местной команды, объявляет, что Правительство является представителем всего казачьего населения области. Избранное населением Правительство не имеет

права сложить своих полномочий до созыва нового Войскового Круга.

«Войсковое Правительство войска Донского признало необходимым распустить прежний состав Круга и произвести переизборы депутатов как от станиц, так и от войсковых частей. Круг в своем новом составе, свободно избранный (при полной свободе агитации) всем казачьим населением, на основании прямого, равного и тайного голосования, соберется в городе Новочеркасске 4-го (17-го) февраля сего года одновременно со съездом всего неказачьего населения. Только Круг, законный орган, восстановленный революцией, представляющий казачье население области, имеет право сместить Войсковое Правительство и избрать новое. Этот Круг, вместе с тем, обсудит вопрос об управлении войсковыми частями и о том, быть или не быть партизанским отрядам и добровольческим дружинам, защищающим власть. Что касается формирования и деятельности добровольческой армии, то объединенное Правительство уже раньше приняло решение взять их под контроль правительства при участии областного военного комитета.

«По вопросу об отозвании из горнозаводского района якобы поставленной Войсковым Правительством полиции, правительство заявляет, что вопрос о милиции будет поставлен на рассмотрение Круга 4-го (17-го) февраля.

«Правительство заявляет, что в устройстве местной жизни может принимать участие лишь местное население, а потому оно считает, выполняя волю Круга, необходимым всеми мерами бороться против проникновения в область вооруженных большевистских отрядов, стремящихся навязать области свои порядки. Жизнь свою должно устроить здесь само население, и только оно одно.

«Правительство не желает гражданской войны, оно всеми мерами стремится покончить дело мирным путем, для чего предлагает военно-революционному комитету принять участие в депутации к большевистским отрядам.

«Правительство полагает, что если посторонние области отряды не будут идти в пределы области, гражданской войны не будет, так как правительство только защищает Донской край, никаких наступательных действий не предпринимает,

остальной России своей воли не навязывает, а потому не желает чтобы и Дону кто-нибудь посторонний навязывал свою волю.

«Правительство обеспечивает полную свободу выборов в станицах и войсковых частях, и каждый гражданин сможет развить свою агитацию и отстаивать свою точку зрения на назначенных уже выборах в Войсковой Круг.

«Для обследования нужд казаков во всех дивизиях должны быть теперь же назначены комиссии из представителей от частей.

«Войсковое Правительство войска Донского предлагает все частям, пославшим своих депутатов в военно-революционный комитет, возвратиться к своей нормальной работе по защите Донского края.

«Войсковое Правительство не допускает и мысли, чтобы свои Донские части выступили против правительства и тем начали междоусобную войну на Тихом Дону.

«Военно-Революционный Комитет должен быть распушен избравшими его частями, и все части, взамен этого, должны послать своих представителей в существующий областной военный комитет, объединяющий все войсковые части области».

«Войсковое правительство требует, чтобы все арестованные военно-революционным комитетом были немедленно освобождены, а администрация, с целью восстановления нормальной жизни области, должна быть возвращена к исполнению своих обязанностей».

«Являясь представителем только незначительного числа казачьих частей, военно-революционный комитет не имеет права предъявлять требования от имени всех частей, а тем более от имени всего казачества.

«Войсковое Правительство считает совершенно недопустимыми сношения комитета с советом народных комиссаров и пользование его денежной поддержкой, так как это означало бы распространение влияния совета народных комиссаров на Донскую область, а между тем казачий Круг и Съезд казацкого населения всей области признали власть советов неприемлемой так же, как и Украина, Сибирь, Кавказ и все без исключения казачьи войска.

Председатель Войскового Правительства товарищ войскового атамана Богаевский, старшины войска Донского: Елатовцев, Поляков, Мельников».

Неказачья часть Объединенного Правительства Донской области сочла необходимым дать делегации Военно-Революционного Комитета отдельный ответ:

«Неказачья часть Объединенного Правительства Донской области, ознакомившись с требованиями, предъявленными военно-революционным комитетом ст. Каменской казачьей части Объединенного Правительства, считает своим долгом указать, что согласно постановления Объединенного Правительства 4-го (17-го) февраля созывается съезд и Круг, и, таким образом, лишь две недели отделяют нас от того времени, когда население области сможет совместно решить все основные запросы жизни на Дону.

Этих двух недель едва ли хватит для проведения выборов в области, а потому в интересах действительной правильности необходимо сейчас избегать какого-либо обострения в нашей областной жизни».

«Неказачий отдел призывает представителей казачьих частей к совместной работе по созыву Войскового Круга и областного казачьего съезда, по немедленному прекращению гражданской войны, охране области от давления извне и осуществлению через будущих народных избранных устройства жизни Дона на демократических началах».

Делегация Военно-Революционного Комитета выразила свое неудовольствие этим ответом, но не сумела уклониться от созыва каледиинцев. Двое из ее членов (Скачков и Латугин) вошли в состав делегации Донского Правительства, отправленной 29/1 к Таганрогу для переговоров с «большевистским командованием».

Но если ответ Каледиинского Правительства В. Р. К. был уклончив, то действия его были вполне определенные, — партизанский отряд Чернецова уже 28-го января атаковал ст. Лихую, запятуя революционными казаками.

Главкомандующим Ревком назначил есаула Герасимова, а помощником ему есаула Смирнова. Но это был штаб без армии. Казаки определенно не хотели воевать. Использовать силы рабочих и крестьян Ревком не решился. Ревком затеял переговоры с Чернецовым; тот согласился на них, но арестовал прибывшую в Зверево во главе со Смирновым делегацию В. Р. К. и продолжал наступление. И Ревком, упав духом, решил поки-

путь Каменскую без всякого сопротивления. Передовы части свои он оставил в ст. Глубокая, а свое местопребывание перенес в Миллерово.

Эти подробности были получены мною лишь впоследствии. Первые известия говорили об энергичной деятельности казачьего ревкома и рисовали яркую картину начавшейся «революции на Дону». Посланное нами «всем, всем, всем» радио об этих событиях всколыхнуло весь Донбас, влило новую бодрость ряды наших войск и побудило к усилению их повсеместного натиска.

Тотчас же, по получении известий о казачьем съезде в Каменской, я вызвал в Купянск Петрова, Саблина и Сиверса на особое совещание.

Сиверс не явился, ссылаясь на невозможность оторваться от непосредственного руководства боевыми операциями.

Саблин и Петров, на этом нашем совещании 26-го января рассказали не мало подробностей о положении дел. Между прочим, Саблин передал мне следующую характерную телеграмму 25-го января от 27 казачьего полка:

«Луганск штаб красной гвардии Саблину: — В виду вновь создавшегося положения на Дону, когда власть Области взята казачьим фронтовым съездом северного фронта, 27-й полк полагает, что пропуск вооруженных большевистских эшелонов сейчас несвоевременен и не может быть допущен; так как только увеличит суматоху на Дону и внесет разлад в семью трудового казачества. Полк надеется, что трудовое казачество сумеет разрешить все наболевшие вопросы и поступить так, как следует с тем пришлым элементом, который внес рознь в его семью. Ваша помощь поэтому пока не является необходимой. Председатель полкового комитета Решетов.

Для подтверждения этой телеграммы к вам будет послана делегация с первым отходящим поездом».

Я предупредил Саблина и Петрова о необходимости отнюдь не переоценивать событий в Каменской, предложил им с величайшей осторожностью относиться к казачьему Ревкому и к его заявлениям, как можно меньше полагаться на них, но и действовать в высшей степени тактично, учитывая определенное недовольство со стороны казаков нашим вторжением на Дон.

Как бы то ни было, но фактом громадного значения являлось создание органа гражданской войны в недрах косного казачества. И представлялось чрезвычайно важным поддержать торжество и власть казачьего Ревкома, сохранить в глазах казачества его самостоятельность и, вместе с тем, добиваться от Ревкома самоопределения в сторону Советской власти, усиления борьбы с Калединым, — содействовать тому, чтобы логика положения завела ревком невозвратно далеко на путь борьбы.

Каледищина должна быть удушена руками самих казаков. На совещании в Купянске мы договорились держаться в отношении ревкома именно этой тактики. Вступить немедленно официальные сношения с казачьим ревкомом, добиваться от него определения своей политической физиономии и поддержать его в борьбе с Калединым.

Далее, в виду обстановки, сложившейся на Новочеркасском направлении, — я предложил Саблину направить значительную часть своих сил в Иловайскую, в распоряжение Сиверса. Надо было развить немедленно решительное наступление к Таганрог-Ростову, используя скованность сил противника у Новочеркасска.

Непосредственно после того, я виделся с представителем казачьего ревкома Маркиным (офицер Гундоровской станицы) передал ему обещание полного содействия ревкому, при условии положительного ответа на следующие три вопроса:

1) Признает ли казачий Ревком власть ЦИК и избранного им Совета Народных Комиссаров.

2) Готов ли созвать вместо войскового круга съезд представителей от советов всего трудового населения Дона.

3) Готов ли вести под общим советским руководством вместе с ним борьбу против Каледина и Корнилова.

И дополнительно — готов ли выявить свою позицию официально.

Маркин указал на затруднительность вопроса о земле и на необходимость сохранения известной Донской автономии. Я успокаивал его, заверяя, что вопросы о земле будут решаться в духе постановлений всероссийского съезда, с учетом особенностей отдельных областей, и что автономия областей отнюдь не противоречит духу Советской власти.

Ревком ответом медлил, хотя в поддержке нашей и шел до крайности. Верные ему части были распылены, разбросаны Калединым по разным закоулкам, собрать их было чрезвычайно затруднительно. Обмундирование, обувь были изношены до крайности. Вооружение было ничтожным.

Из казачьих частей выделялся своей боевой готовностью только 27-й полк, командиром которого был избран Голубов.

Этот крепыш казак-старшина, отличившийся в десятках боевых столкновений в царскую войну, да еще, впрочем, и турецко-болгарскую, где был добровольцем — напоминал мне сильно Муравьев. Те же авантюристские повадки, та же непоколебимая самоуверенность, то же своеобразное пустое красноречие, действующее своим пафосом на толпу, и та же политическая беспомощность.

Голубов своим «демократизмом» стал известен на Дону еще в первых мартовских дней. Во времена Корниловщины, он стоял против «белого генерала» и пытался даже исполнить приказ Керенского об аресте Каледина. Казачий Большой Круг едва не лишил его за это казачьего звания.

Он был одно время арестован Калединым, но вскоре выпущен, очевидно, под какие-то неопределенные обязательства его стороны Войсковому Правительству. Это последнее, во всяком случае, считало Голубова «своим» и давало еще в конце января указания Чернецову связаться с Голубовым, который как будто уже сформировал свой отряд «против большевиков».

В Ревком, в Каменскую Голубов явился 29 января, когда уже решено было Каменскую очистить. Став во главе 27-го полка Голубов сразу приободрил казаков. В нем они увидели твердого опытного военачальника.

Надежды Ревкома настолько ожили, что он дал мне понять о нежелательности нашего вооруженного ему содействия. Наша роль, по мнению Ревкома, должна была ограничиться лишь материальной ему помощью. Мы должны отказаться от наступления на Новочеркасск (про Ростов, занимаемый преимущественно Корниловцами, разговоров не было).

Но едва прошло два-три дня в этих переговорах с Ревкомом, как Калединыцы начали энергичное наступление, выбив революционных казаков из Лихой, Звереве и вызвав в Каменскую панику, быстро распространившуюся к северу. 28 января

Донревком вызывает ко мне о помощи. Петров 29 января из Воронежа телеграфирует, что на него «наседают со всех сторон» и просит наступать к Глубокой. Моисеев также из Воронежа просит о присылке 2 полков, так как де «со стороны Чертково наступают казаки».

На деле в Воронеже было пустяковое столкновение с уральскими казаками, которые, пробираясь в эшелонах «домой», учинили на станции погром. После перестрелки, в которой казаки потеряли 5 убитыми и несколько десятков ранеными, уральцы сдались, сдали оружие и были отправлены по маршруту. Петров расписал эту стычку, как великий бой (у нас же всего убиты и 2 ранены), и заканчивал свою телеграмму сообщением, что на следующий день, 31/1 отправляется к Миллерово несколькими тысячами пехоты, артиллерии и броневиками. Это было с его стороны очередное бахвальство — в его распоряжении был отрядик силой не более 500 человек.

29 января Саблин сообщал мне из Дебальцево:

«Обстановка внезапно изменилась. После неудачных попытокступить в переговоры с Военно-Революционным КомитетомДонской области, Каледин двинул на Зверево 600 юнкеров и офицеров и занял его. Рухимович находится в 20-ти верстах от Зверева. Считаю необходимым временно прекратить переброску войск в Таганрог и завтра же ликвидировать Зверево двойным маршем,—от Дебальцево и Лихой и заменить на участке Лихая-Вовочеркасск бессменных революционных казаков своими силами. Нельзя допустить увлечение наступлением на юг, раз возможен прорыв через Зверево себе в тыл. До сего времени на Довайское отправилась мортирная батарея и Ярославский отряд. Саблинскую батарею и костромичей успел задержать у себя в Дебальцево. Прошу высказать ваше мнение по этому вопросу. Если мы сейчас разобьем юнкеров, помогая В. Р. К., то этим поставим его признать наше право на пребывание внутри области Войска Донского».

Я тотчас же предписал Саблину начать решительное наступление в поддержку Донревкома и приостановил отправку частей Сиверсу из отряда Саблина.

Помощь наша подходила во-время, 30 января Начштаба казачьих войск Герасимов из Миллерово, прося поддержки, со-

общал, что идут бои между ст. Каменской и Погорелово. В тот же день Саблин занял Замчалово, а 31 января сообщил о взятии



Кривошлыков, член
Донревкома

нами с бою Лихой и о боях в направлении к ст. Каменской.

31 декабря я сообщал Муравьеву: «Сиверс вынужден обороняться, он понес серьезный урон. Петров революционные казаки были сильно потеснены каледицами, наступающими через Каменскую к Миллерово. Саблин ударом во фланг поправил дело. Пока стягиваю силы. Спасибо за отправку отрядов, захваченных произвольно Кудинским. Эти помпидурские замашки могут погубить дело или его крайне затруднить. Сейчас можно было бы несколькими ударами все закончить, но силы революционных казаков совершенно не организованы и разбросаны, а наши, вы знаете, — местная красная гвардия совсем не обучена и совершенно непригодна. Приходится вести активную оборону и накапливать силы для удара, который, конечно, последует, своевременно».

И вдруг, следом за этим извещением, я получил от Саблина сообщение, об оставлении нами станций Лихая. На следующий день Саблин пояснял:

«От Лихой войска отступила вследствие панического бегства красной гвардии. Потери убитых пока неизвестны, ранено 27. 85-й полк по-

терял около 20 убитыми, 2 раненых. Красная гвардия потеряла 11 пулеметов из двенадцати. 85-й полк — три из десяти. Сейчас они находятся в Верхнедубавном и Семейкино. Юпкера имеют

не броневых площадки с орудиями. От Зверева отступили, вследствие неисполнения Рухимовичем боевых приказов и паники его отрядов, вызванной слухами о двух тысячах казаков, находящихся будто бы в тылу. Войска находятся сейчас на ст. Должанская, Провалье. Авангард у Гуково, где идет бой».

Чувствовал себя Саблин не совсем прочно и в тот же день уносил:

«Замечены попытки противника отрядами силою до 400 человек с орудиями, появляющимися у ст. Изворино и Должанской, угрожать наши части, стоящие в Плешаково, Гуково, Заповедное. Нет нию резервов. Принужден ограничиться одной регистрацией телеграмм. Прошу вас двинуть ко мне 4-ю дивизию для восстановления положения».

Неудача побудила Донревком поспешить с определением своей политической линии.

1-го февраля была мною получена от Маркина такая телеграмма: «Политический вопрос принципиально решен. Абсолютно да, да, да. Официальное да. Декларация последует в самом не продолжительном времени».

Перед тем я получил от Ленина такой ответ на мое сообщение о переговорах с казаками:

«Приветствую присоединение казаков, делегаты от коих уже здесь и вошли в съезд советов. Относительно земельного вопроса на Дону, советую иметь в виду текст, принятый позавчера (28-го января) на съезде Советов резолюции о федерации Советских республик. Эта резолюция должна вполне успокоить казаков».

Декларация Донревкома получена телеграммой почти одновременно с сообщением Маркина. Вот ее текст:

«Харьков 19/1 (ст. стиля) — 1918 г. из Луганска, № 449 — 8 ч. 20 м. — Харьков, Комиссару Антонову. Донской казачий Военно-Революционный Комитет просит вас передать Петроград Совет Народных Комиссаров следующую резолюцию Донской области. Казачий Военно-Революционный Комитет на основании постановления фронтового съезда в станице Каменской, постановил:

1) «Признать Центральную Государственную власть Российской Советской республики, Центральный Исполнительный

Комитет съезда советов казачьих, крестьянских, солдатских и рабочих депутатов и выделенный им Совет Народных Комиссаров.

2) «Создать краевую власть Донской области из съезда советов казачьих, крестьянских и рабочих депутатов.

Примечание: Земельный вопрос Донской области разрешается тем же областным съездом. За председателем прапорщик Кривошлык. Секретарь Дорошев. Члены: прапорщики Стрелянов, Копалей, Кривушев, Черноусов, Ершнин.

Я немедленно предписал нашим органам снабжения удовлетворить полностью заявки Донревкома.

Между тем, Саблину приходилось туговато. Потребованный в бою у Лихой, 3-й Московский Красногвардейский отряд потребовал своей отправки «для пополнения в Москву». 31-го января я говорил с этим отрядом, клеймил его трусость и отослал его в Москву разоруженным и с предупредительной телеграммой о его постыдном поведении. Лишь незначительная часть отряда выразила раскаяние и желание загладить свою вину. Она отправлена к Сиверсу. Следом за третьим Московским выбыл из строя и казавшийся столь боевым Харьковский отряд Рухимовича. Поддавшись нелепой панике, отряд потребовал своей отправки в тыл, и, несмотря на прямые приказы, Рухимович вывез отряд в Харьков, за что Саблин объявил его в приказе дезертиром.

В то же время серьезные события разворачивались и в правом нашем фланге.

На Таганрогском направлении против нас действовали исключительно, части, так называемой, Добровольческой армии. Состав этой армии, по сведениям нашей разведки, определялся в начале января в 3—4 тысячи штыков — Корниловский полк, три отдельных батальона (офицерский, юнкерский и георгиевский) 4 батареи, один эскадрон и технические части. Большая доля этих сил расположена была в Ростове.

9-го января штаб «Добровольческой Армии» в официальном воззвании возвестил об ее существовании и ее задачах. Эти задачи — 1) противостать вооруженному нападению на юг и юго-восток России, защищая «самостоятельность» казачьих областей, 2) противодействовать «попыткам, направленным

разрешению русской государственности» и быть вооруженной той начатого юго-восточным союзом дела восстановления государственности.

Этот манифест, громкими фразами о патриотических общегосударственных задачах пытавшийся прикрыть предательство этого отечества державам Антанты и своекорыстную сподобовавших классов, сопровождался приказом Корнилова — «всем юнкерам, ударникам и офицерам армии и флота», — «не повиноваться приказаний, идущих от Крыленко, Ленина и кто им поставлен и немедленно явиться в комендатуру гор. Новороссийска для защиты погибающей России».

Но все усилия «спасателей России» оставались тщетными. Их ничтожная армия состояла исключительно из барских офицеров, офицеров да юнкеров. Дрались эти господа умело и нагло. Но напротив них была сокрушающая сила массы, составившей свою правду.

Отряду Сиверса, после отхода казаков генерала Орлова, переименованного Балабина), противостоял добровольческий отряд полковника Кутепова.

Сиверс, развивая свой успех у Иловайской, наступал к Таганрогу. И я решил развернуть это наступление. Уверенный, что Каледин прочно связан революционными казаками, я предписал Саблину значительную часть его сил двинуть в поддержку Сиверсу.

Операция к Ростову была задумана широко. Еще загодя я отправил в Севастополь с тов. Мокроусовым, затем с рядом других товарищей, настоячивое предписание — снарядить особую морскую экспедицию для действий к Таганрогу, в поддержку наступления Сиверса. Эта экспедиция, по моим расчетам, должна была выступить не позже 25 января и, высадив десант в Таганроге, поддержать условленное мною с тамошними товарищами восстание рабочих.

Одновременно черноморцы должны выделить сильный сухопутный отряд в подчинение Сиверса.

Но Черноморский Ревком (с Гавеном во главе) был не только отвлечен борьбою с татарами и радовцами, что долго оказывался неспособным предпринять серьезные действия против Каледина. Хотя уже 26-го января силы татарского прави-

тельства (курултая) ¹⁾ были сломлены черноморцами, и Симферополь был ими занят, но еще до 29-го продолжалась ликвидация белогвардейцев в Крыму. Тов. Мокроусов сообщил мне 31-го января из Севастополя, что там большой беспорядок, мешающий выполнению наших замыслов. Одновременно наши большевики в Черноморской флотилии были отвлечены борьбой за влияние с радовцами, которым одно время удалось поднять национальный желто-голубой флаг на дредноуте «Волга» и на паре мелких судов. Влияние радовцев было ликвидировано лишь к 24 января. А тут подоспели тревожные извещения из Одессы, где радовцы повели жестокую борьбу с ревкомом. В середине января в Севастополе обосновалась «Верховная коллегия по румынским делам», во главе с тов. Раковским и при участии левого эс-эра Спиро. Проезжая через Харьков, Спиро виделся со мною, и мы условились о поддержке, со стороны черноморцев, против Каледина. Но Румколлегия, естественно, тянула в сторону Одессы и Румфронта. Обязательства Черноморского флотского Ревкома передо мною оставались невыполненными. Лишь 3-го февраля я получил, наконец, извещение, что Севастопольцы изготовили небольшую флотилию в 3 траулеры с 400 вооруженными матросами для действий в Азовском море и предлагают еще отряд в несколько сот товарищей. Но эта флотилия была двинута в Азовское море с таким запозданием, что на ход событий у Таганрога никакого влияния не оказала. Мокроусову удалось лишь к началу февраля организовать отряд в 400 матросов при 2 бронеплощадках, который и был направлен мною в поддержку Саблина.

Тщетно рассчитывая на выполнение черноморцами их обязательств, Сиверс довольно неосмотрительно продвигался к Таганрогу. В поддержку ему, направлена часть сил тов. Саблина (1 бат. ярославцев, мортирная батарея). Также передан в его распоряжение и Гатчинский отряд Левицкого, прикрывавший левый фланг и тыл продвижения Сиверса (были сведения, что корниловцы готовят нам удар у Чистяково).

¹⁾ Примечание: Всего в распоряжении татарского контр-революционного правительства были 2 конных и 1 пехотный полк да 2 украинских куреня. В начале (20 — 22 января) оно имело успех — в Евпатории и у дер. Дуванской (в направлении к Севастополю).

28-го января Левинсон сообщал Сиверсу:

«Телеграмму об остановке получил только в Алексеевске в 10 часов, где и остановился, впредь до особого распоряжения. Присылаю разведку на Дмитриевку, Антрацит и Дьяково. Связь с Антрацитом постараюсь восстановить через Антрацит, где устанавливаю наблюдательный пост, так как до Софьино — Оброцкой 25 верст и сообщения запаздывают. Настоятельно прошу информации о положении дела на различных участках и о месте нахождения красных отрядов (отдельных), также прошу политической информации. Противника нигде не обнаружено. Начальник Гатчинского боевого отряда Левинсон».

Сиверс уже 25-го овладел Малым Курганом, 26-го его передовые части ведут бой у Ряженое, бой тянется весь день 27-го января.

28-го января Сиверс сообщал об очищении «юнкерами и офицерами» ст. Ряженое. Железнодорожный путь испорчен минами и артиллерийским огнем. По исправлении пути, он сообщает движение вперед. Но уже на следующий день он телеграфирует из Ряженое о неудачном для нас бое под Неклиновкой, о наступлении юнкеров на Ряженое и просит экстренно подкрепления.

Неудача Сиверса объяснилась крайней неосторожностью его авангарда. Шедший в авангарде «штурмовой батальон» неосторожно втянулся в селение Неклиновку, попал в засаду и был так потрепан, что потерял всякую боеспособность. Разбив свой успех, добровольцы (офицерский батальон, отряд капитана Чернова — 200 чел., сотня Семилетова и георгиевцы) подали стремительное наступление на главные силы Сиверса. Сиверс, потеряв 1 орудие, 24 пулемета и броневик, отскочил сразу на целый переход, задержавшись лишь у Амвросиевки.

Между тем, в Таганроге, где революционные рабочие с нетерпением ждали Сиверса, вспыхнуло, как раз в день его неудачи, восстание — поднялся Балтийский завод (5.000 рабочих), за ними потянулись и другие, захвачена почтово-телеграфная станция. Оружия почти не было, и все же рабочие привели в такой трепет корниловцев, что юнкерское училище и 2 офицерских роты, расположенные в Таганроге, решили его покинуть. 2-го февраля юнкера пробились из Таганрога с боль-

шими потерями; офицерские роты, пробравшиеся еще раньше к Марцево, ударом к вокзалу помогли юнкерам отступить. Более 200 юнкеров попали в плен к рабочим. Таганрог оказался во власти рабочих. Это сильно помогло Сиверсу.

Подкрепления к нему подошли. Оправившись, Сиверс переходит в наступление. 31-го января он сообщает мне о занятом Закадычное, о перестрелках и мелких стычках на перегоне Закадычное - Матвеев - Курган. Противник, отойдя к Матвеев - Кургану, выслал в арьергард бронепоезд, под прикрытием которого взорвал большой мост на перегоне к Закадычное.

В ту же пору положение осложнилось и у Саблина.

Вновь приходилось подумать о сосредоточении сил и о постоянной организации тыла.

Вопросы снабжения не были достаточно налажены. С чрезвычайным промедлением было выполнено мое предписание «главному интенданту» Клейману о налажении тыловой базы для колонны Сиверса. Грузовики, в незначительном числе прибыли к Сиверсу только к 8-му февраля, но распутица ограничила их применение. Обоз Сиверсу приходилось заимствовать у обывателей, возмещая их в меру возможности. Впрочем, крестьяне относились в высшей степени радушно к нам. Особенно трогательные сцены происходили, при передвижении отряда тов. Левинсона в Таганрогском Округе. Так крестьяне одного села встретили наш отряд с крестным ходом, и местный попик благословлял наше «христолюбивое» воинство на брань с «грабителями и утеснителями народными». Левинсон рассказывал, не без смущения, что он, дабы не обижать крестьян, вынужден был приложиться к кресту, которым осенял епископ «батюшка».

Как я уже сообщал, — для руководства по вопросам снабжения был назначен Клейман со званием «главного интенданта».

27-го января на основании моих указаний, он издал приказ, в котором уведомляет о своем назначении и о том, что отрядные начальники обязываются немедленно сообщить ему в Константиновку численный состав своих частей. В том же приказе он указывает, что право на реквизиции в пределах Донбасса и Донской области предоставляется исключительно ему и командирам колонн Сиверсу и Саблину с обязательством сообще-

авинуту. Самоуправные реквизиции преследуются военно-революционным судом.

Особенно неупорядочено было артиллерийское снабжение. Рыковская тыловая база пополнялась совершенно беспорядочно складам Конотопа, Селещино и столь же беспорядочно гнала имущество в армейскую базу в Константиновку.

Здесь имущество не выгружалось, стояло в сотнях вагонов, загромождая пути. Точного учета не было, надзор был до крайности слаб. Имелось сотни пулеметных дул без стальных частей, до тысячи Люигов и ни одного патрона к ним. Частенько происходила страшная путаница—вместо русских патронов получали японские, вместо шрапнелей—авианаты и т. д. Рекорд побил наша тыловая база, когда выслала вместо требуемых шести-дюймовых снарядов—двенадцати-дюймовые, зачехленные вывезенные из Сум. Крутое возмущение на артснабженцев мало пошло делу, и оно оставалось до конца войны неупорядоченным.

Инженерное снабжение не было строго отделено от артиллерийского. В средствах связи мы недостатка в общем не испытывали. Приходилось часто ремонтировать то и дело разрушаемую телеграфную связь. При отряде инженера были полевые телефоны.

При штабе моем значился главным военным инженером гачевский, основной своей задачей считавший подрывное дело. Он все носился с сложными проектами электрических подрывов и составлял такие сметы на подобные работы, ему покажемые, что приводил в негодование тов. Саблина, к которому был мною в ту пору направлен.

Вещевое снабжение было более чем удовлетворительно,—мы могли даже помочь местным рабочим и особенно железнодорожникам в этом отношении. Но надо отметить, что и это сна-



Доросев, член
Допревкома

бжение никак нельзя назвать упорядоченным. Точные таблицы выработаны не были, точного учета не проводилось, много обмундирования рассеивалось среди красногвардейцев, выделенных ревкомом рудников.

В продовольствии нужды почти не ощущалось — реквизиционная работа в хлебных северных уездах Донбаса и Харьковской губ. и затем dobroхотная помощь крестьянства Таганрогского округа, отчасти и поддержка из хлебных маршрутов Екатеринославщины нас обеспечивали вполне, и мы еще весьма основательно поддерживали железнодорожников и рудничных рабочих.

Обстояло плохо с фуражем. На месте почти не было овса, сена. Главную поддержку мы имели из баз Кудинского, зашедшего много фуража в Брянске. Но тут постоянно чувствовалась нехватка.

Для упорядочения снабженческого дела, я предложил Центральному Штабу Красной Гвардии Донбаса, а также Сиверсу и Саблину, выделить из своих отрядов по 3 товарища в помощь Главинту. «Отрядный комитет», выбранный частями Саблина на «общееармейском совещании», послал дельных работников сейчас же круто взявшихся за дело. Центральный штаб так прислал хороших работников. Сиверс не прислал никого (в Харькове при «штабе» я назначил главным инспектором-контролером тов. Гаврилова-Чернухина (члена Питерского совета), который, имея исключительные полномочия, своими внезапными ревизиями навел изрядную панику на наших снабженцев. Кого из них он поарестовал зря и вскоре выпустил. Но в серьезной ревизии «главного интенданта», обнаружил весьма значительные беспорядки. Главинт был арестован, после продолжительной отсидки, освобожден с отстранением от службы наших частей.

Особо было выделено в арснабжении броневому делу. Оно было поручено некоему Венгерову, прибывшему рекомендациями, кажется, с Юго-Западного фронта. Властный администратор, он вначале упорядочил дело ремонта автомашин в Харькове, опираясь на крепкие тыловые мастерские. Из Александровска и особенно Курска (где по моему приказу была захвачена целиком автобронепарк Английской армии)

ессии, он стянул в Харьков большое количество попорченных броневиков и автомобилей, вызвал и из Румфронта автоколонну. Отряды Сиверса и Саблина им направлены, по моему указанию, по 2 броневика, пара бронемашин послана в Полтаву.

Я вызвал Венгерова со всеми годными машинами в Донбас, чтобы он помог наладить автомобильное дело в колонне Сиверса, затем в Таганроге, Ростове, Новочеркасске по их взятии нами. Мы прибыли лишь 7-го февраля в Никитовку, направив грузовой автопоезд в Константиновку. Она оказалась в большом беспорядке.

Санитарное дело наладилось у нас довольно сносно, главным образом, благодаря энергии врачей Либмана, Рождественского и Кузнецова.

В Харькове был оставлен санитарный отдел Штаба, на который возложена обязанность обслуживания фронта медицинским персоналом, санитарными поездами, медикаментами, перевязочными средствами, наблюдение за распределением эвакуационных и раненых, уплата жалования находящимся в лазаретах красногвардейцам и солдатам реввойск, снабжение лазаретов продовольствием, организация ветеринарного пункта. Начальником санитарной части был назначен Кузнецов.

К каждой колонне был придан санитарный поезд, в Славянске развернут тыловой госпиталь, между Славянском и Харьковом налажено постоянное сношение особым санитарным поездом. От отрядных поездов к отдельным частям аккуратно курсировали летучки, при отдельных частях имелись и санитарные автомобили.

Во врачебном персонале ощущался временами сильный недостаток. Так, старший врач Рождественский, ведавший санитарией в колонне Сиверса, 31-го января телеграфировал из Славянской: «Харьков штаб Наркома. Начальнику санитарной части. Не прибыло ни одного командированного врача, требую их места, идут бои, положение помощи раненым ужасное. Весьма срочно командуйте десять врачей, двадцать фельдшеров. Очень срочно носилок, перевязочный материал и спирт. Старший врач Рождественский».

Раненых было, впрочем, незначительное количество; куда больше было больных всякими простудными заболеваниями и,

с середины февраля, сыпным тифом. Дезинфекционных поездов у нас вначале не было, лишь под конец Ростовской операции прибыл, насколько помню, поезд-баня из под Румфронта.

Свою «ставку» я обосновал в Никитовке — центральном пункте района. Здесь под боком «Центрального бюро военных комитетов», работал мой «Секретариат», с преданной аккуратной тов. Самбро (из Ростова) во главе. «Секретариат» сосредоточивал функции связи, администрирования и отчасти снабжения. Он ведал учетом личного состава, изданием призов, выплатой красногвардейцам жалования и различными поблажек, упорядочением вопросов поддержки семей красногвардейцев и ревсолдат и т. д.; он работал (не в очень тесном контакте) с «главинтом» в вопросах снабжения частей разного рода преимущественно. В Никитовке же действовал отдел связи. Жалованье солдатам до 8 февраля было по 20 р. в месяц, для состава соответственно повышалось. Семьи получали поддержку от местных советов. В Секретариате сосредоточивались и данные разведки. Он руководил и агитационной работой в прибывающих частях.

В Никитовке Ревком, по моей просьбе, реквизирует небольшую типографию, в которой начала выходить газета «Известия революционных войск», давшая нам в руки хорошее оружие революционной пропаганды и борьбы со всевозможными клеветными слухами. Руководили газетой Ростовские товарищи Веловская и Блохин.

При мне не было оформленной оперативной части, не было и начальника штаба. Тов. Брянский, носивший это звание, оставался в Харькове и занимался тыловыми вопросами — передвижения и снабжения частей. С парой порученцев и секретарем я носился то в отдельном вагоне, то прямо на паровозе между штабами действующих колонн, знакомясь с положением дел на месте и тут же устно и телеграфно отдавая распоряжения.

Много хлопот доставляли нам вновь прибывающие части. Особенно неблагоприятно обстояло с 4-й кавалерийской дивизией. Задержание из состава дивизии Кудинским в Брянске, под предлогом борьбы с пробиравшимися на Дон казачьими эскадрами гусарского полка, болезненно переживалось остальными

часами: им казалось, что гусарский полк — на отдыхе. Почти каждодневно нахдя Жуков и комиссар дивизии Сергу- в доказывали мне, что без гусарского полка дивизия не бое- способна. Но все мои усилия, все приказы Кудинскому вер- нуть гусарский полк в дивизию оставались тщетны. Вытянуть дивизию в поле из ее стоянки (Бахмут — Луганск) было не легко. Луганское дело осложнилось пьянством, развившимся в дра- гонском полку. Луганский совет, в похвальном стремлении раз- биться деньгами, решил открыть виноторговлю и пошло та- кое безобразие, что Саблин возопил по «всем, всем» адресам. Полк в полуразваленном состоянии, удалось вырвать из этой разла- женной обстановки только после серьезного воздействия. В Бахмуте погрузка остальных частей 4-й кавалерийской ди- визии также протекала неблагополучно.

Чтобы сломить саботажные настроения и побудить дивизию к действию, пришлось арестовать кой-кого из ее командного состава. Одновременно шла канитель и с частями 3-й кавдивизии. Уже сообщал, что большая половина ее заявила «нейтралитет» гражданской войне. 31-го января я был в расположении дивизии в Гришино, но застал уже полный разброд. Солдаты торговали имуществом дивизии. Дивизионный комитет продолжал давать сладкие обещания, из которых была выполнена лишь ничтожная часть, — выделены 2 эскадрона и одна батарея.

Я был весьма озабочен скорейшим сосредоточением сил для решительного удара к Ростову, пока каледишчина не выщута из внутридонских смут. Всюду разослал я требования о срочной присылке подкреплений.

И здесь окончательно созрел давно назревавший конфликт с Кудинским. Он не только не прислал 4-го гусарского полка, но держал еще у себя ряд частей, предназначенных для Каледи- нского фронта, введя их в свою, подчиненную Муравьеву, «ар- мию». Я вынужден был объявить его лишенным всех полномо- чий, мною ему данных, и предать суду за неисполнение моих распоряжений. От суда он уклонился под крыло Н. И. Подвой- ного и Мехоношина, снабдивших его новыми полномочиями по удовлетворительной части. Но мои требования об отправке мне держанных им частей, он выполнил (за исключением возвра- щения гусарского полка, — последний объявил себя «реоргани-

зующимся на началах социалистической армии»). Всего от Кудского явились — отряд Московской красной гвардии (до 300 человек), Вяземский отряд (до 200 чел. с парой пулеметов), Рославльский отряд (до 200 чел. при 2 орудиях), «Железный батальон» и мортельная батарея (в 2 орудия).

Все эти части оказались плохо дисциплинированными и малобоеспособными. Но Муравьев получил хороший повод для своих телеграмм о своем самоотвержении.

Куда больше значения имели подкрепления, прибывавшие с Северного фронта. Прибыли к 1-му февраля 435-й Ямбургский пехотный полк, 2-му февраля 3-й латышский Вяземский полк (до 400 штыков), 3-му февраля 18-й Сибирский стрелковый полк, затем 13-й тяжелый артдивизион (3 батареи по 4 орудия) и 14-й Сибирская артбригада (4 батареи), последняя подтянулась только к 20-му февраля. Из технических частей прибыли 2 роты 12-го железнодорожного и одна 24-го батальонов, прожекторная команда (направленная к Сиверсу), под конец — даже понтонный батальон, так и не использованный.

1-го февраля Луганский ревком двинул к Саблину батальон красной гвардии в 700 человек.

Вначале серьезным препятствием к направлению фронтовых частей ко мне явился мой Харьковский тыловой «штаб». «Представитель Наркома» тов. Медведев вообразил себя в праве, без моего согласия, распоряжаться военными силами и отдавать оперативные распоряжения. Он отправил Муравьеву 11-й Сибирский полк и батарею, дал приказание 2-му отряду Петроградских красногвардейцев следовать из Александровска в Екатеринослав, чтобы помочь справиться с новыми казачьими эшелонами, появлявшимися пробиться на Дон (29 — 31 января у Верховцево и Пятихатки). Самоуправство Медведева прекратилось лишь по моему категорическому приказу не вмешиваться в оперативную часть и в распоряжение войсками. 2-ой Петроградский отряд вызвал из Екатеринослава и послал к Саблину.

Но этот же беспорядок, а также сведения о толпе бездельников, жиреющих при Харьковском штабе, заставили меня решить на ликвидацию моего Харьковского представительства. Оно было раскассировано в начале февраля; Медведев послан к Саблину, Брянский уехал в Москву, а работники Политотдела (Маур

Меденко) вошли в Харьковский военно-революционный штаб, созданный Харьковскими товарищами с моего согласия. В Харькове остались лишь некоторые тыловые учреждения.

К началу февраля установилось, наконец, и наше летное дело. В Харькове оставлен «авиоштаб» с Гермашевым, в Полтаву была направлена группа летчиков (3-я эскадрилья), вызвавшая справедливые нарекания Муравьева за свою бездеятельность. В Славянске с 21-го января наладилась фронтовая база. Полеты вне базы были неудачны.

Через неделю отряд т. Шумана из Славянска переведен в Петруньки под Луганском и начала налаживаться авиобаза в Никитовке с летчиком Ласкиным.

Тов. Крылов из Александровска сообщал о прибытии туда в авиационной мастерской 11-го авиодивизиона Юго-Западного фронта и о наличии в Александровске вполне способной к действительной эскадрильи в шесть аэропланов.

31-го января он собирался организовать налет на Таганрог, — сделать снимки неприятельских позиций, обстрелять и бомбардировать неприятельскую артиллерию. В Александровске он организовал изготовление авиационных бомб, которыми были снабжены затем наши авиоотряды. Полету к Таганрогу помешал туман, а также отвлечение Крылова разоружением в Орехове 1-го Украинского полка.

В начале февраля Крылов вызван мною в Иловайское, для соединения с эскадрильей Ласкина и создания базы в Мариуполе.

Непрерывно приходилось мне отвлекаться к вопросам промышленности Донбаса. По соглашению с Центральным Бюро фабричных комитетов, я уполномочил тов. Жданова, пожилого рабочего, по вопросам снабжения топливом и по разгрузке жел. дорог. Он очень ретиво и толково вел дело, находился в постоянном контакте с рабочими, ревкомом и организациями жел. дор. Между прочим, им был возбужден вопрос о возвращении на шахты из красной гвардии забойщиков.

Прекрасно сознавая всю невозможность заниматься попутно проблемами каменноугольной промышленности, я неоднократно бывал и к Совнаркому в Питер и к Харьковским товарищам, чтобы установили, наконец, отчетливые взаимоотношения в Донбассе и поддержали его деньгами и продовольствием.

Я рассказал уже в другом месте, каковы были результаты этих призывов.

Не совсем дружелюбные отношения сложились у меня с обосновавшимся в Никитовке «Центральным Штабом красной гвардии Донецкого бассейна». На конференции рудничных комитетов, кажется в конце января, я говорил с большою похвалою самоотверженной доблести рабочей красной гвардии. Но Центрштабу я неоднократно указывал на чрезвычайную неподготовленность и недисциплинированность посылаемых им на фронт пополнений и на полное отсутствие мер с его стороны для борьбы с чрезвычайно сильно распространившимся desertismом красногвардейцев. Нами были через Центрштаб отпущены громадные количества обмундирования и вооружения, а на фронте красногвардейцы из Донбаса насчитывались несколькими сотнями человек. Получившие обмундирование, вооружение спокойно уходили по домам, в лучшем случае, несли местные караулы.

ГЛАВА X

ром корниловцев у Матвеева-Кургана. Поражение и гибель Черне-
а. Действия Юго-Вост. армии. Растерянность в Новочеркасске.
Самубийство Каледина. Стратегическое окружение завершено.

С 3-го февраля Сиверс, окончательно оправившись, перешел
наступление.

Вечером этого дня я был у него в Штабе и наблюдал на-
блюдение этой операции.

Противник, исчисляемый нашей разведкой в два батальона
корниловцев и корниловцев при двух бронемашинах и бронепло-
щадке с двумя горными орудиями, занимал ст. и село Матвеев-
Курган. Жел.-дор. мост на реке Миус был противником взо-
ят. Бронеплощадка «кадетов» действовала очень храбро, доходя
до самого моста и не давая нашей железнодорожной роте под-
ступить.

Численный перевес у Сиверса был громаден. Противник,
при этом, видимо, терпел недостаток в снарядах, и его артил-
лерия постреливала очень скудно.

Вечером Сиверс двинул самую крупную свою часть—первый
отряд петроградцев с комиссаром Е. Трифоновым, в глубокий
ход на ст. Денисовку, где были, по нашим сведениям, распо-
ложены неприятельские резервы. Отряд выступил под прикры-
тием темноты, но вскоре мы увидели вдали зарево костров—
петроградцы согревались, расположившись на отдых... В
отряд правого фланга «кадет» был двинут батальон Потапова
с ежовскими драгунами. Артиллерия—три четырехорудийных
батареи заняли позиции для перекрестного обстрела станции.
На следующее утро, под прикрытием беслого артиллерийского огня,
наши цепи начали наступать к селу. К мосту выдви-
нулся мощный бронепоезд тов. Годлевского с морскими ору-
диями, — неприятельская бронеплощадка быстро дала задний

ход. Противник отстреливался жидко и отступил без рукопашной. По остаткам моста мы (штабные) перебрались через реку. На станции стояла пара горевших эшелонов, валялось кое-какое вооружение. Издали доносилась орудийная пальба. Это сходящая колонна громила удиравшие эшелоны корниловцев.

6-го февраля Сиверс доносил официально:

«Из М. Кургана, записка ст. Никитовка Наркому А. Гонолову. М. Курган нами взят 4 февраля, юнкера с боем отступили в Денисовке, где были встречены фланговой колонной Трофимовой и потом Потапова, в беспорядке бежали в юго-восточном направлении, захвачено три орудия, масса пулеметов, бомбометов и взрывчатых веществ и проч. боевое оружие, вещи, продовольственное снабжение. Калединыцы понесли большие потери и рассеяны».

Потери наши были незначительны. Сиверс немедленно развернул наступление дальше к Таганрогу.

Я тотчас же вызвал в поддержку Сиверса все наличные резервы и сам поехал в Бахмут, чтобы побудить к выступлению 4-ю кавдивизию. Выше уже сказано, что двинуть дивизию удалось лишь с трудом.

По моему плану, дивизия, оставаясь в моем непосредственном подчинении, должна была, прикрывая левый фланг колонны Сиверса, наступать к Ростову основным ядром через Голодаевку по тракту через Бабинскую и дальше—Султан-Салтук.

Об этом движении я сговорился с комдивом тов. Жуковым при свидании с ним 4-го февраля.

В Иловайской была оборудована соответствующая подготовка. Стягивание дивизии производилось по частям, так как ст. Иловайская не в состоянии была принять стольких эшелонов.

7-го февраля Начдив Жуков сообщал мне из Иловайской: «Драгуны выгрузились и находятся в Голодаевке. Уланы также, их разъезд уже в Голодаевке. Стрелковый полк прощай Закадычное».

Непосредственно в распоряжение Сиверса мною направил 3-й Вяземский латышский полк (до 400 штыков), следом за ним две батареи 13-го тяжелого артдивизиона и 18-й Сибирский стрелковый полк, до того сжившийся на Северном фронте с 3-м латышским, что был с ним повсюду неразлучен. Кроме того,

Сиверсу подошли посланные Центроштабом пополнения в 1-й Донской революционный полк (всего до 2 рот) и сформированная тогда Крачковским рота германских военнопленных (100 ч. и 4 пулеметах).

Не решается здесь остановиться на формированиях из среды военнопленных.

Попытки таких формирований повелись с первых дней появления Сиверса в Донбасе и в начале были неудачны. Одну сформированную из германцев роту пришлось распустить, после следующего, рассказанного очевидцем, эпизода. Роте этой производился смотр. Она весьма стройно проделывала все перебежки. Командующий похвалил роту на немецком языке. Она, как один, она отвечала: «Гох, кайзер Вильгельм!»

Вообще, немецкие военнопленные оказались весьма невосприимчивы к нашей агитации.

Участие немецких солдат в нашей борьбе с корниловцами было ничтожным (всего эта сотня в отряде Шимановского) и не доставляло большого веселья читать в Новочеркасской официальной газете «Вольный Дон» сообщения о том, что против «казачества» действуют переодетые немецкие солдаты и всей операцией руководят офицеры Германского Генерального штаба. Наступление Сиверса к Таганрогу сильно затруднялось порчей жел. дор. и распутицей. И подвоз припасов и продуктов к Сиверсу до крайности затруднялся.

Первая рота 24-го железнодорожного батальона, получив приказ на починку взорванного корниловцами сорокасаженного моста на р. Миус, с 5-го февраля, подстегнутая моим обещанием специальной премии, ретиво принялась за починку, работа круглые сутки и уже к 7-му февраля по мосту прошел первый бронепоезд. Подправлен мост был, конечно, простовато — подвешен и положен на клети, но дело свое стал выполнять. Более основательная починка его продолжалась и закончена к 10-му февраля.

7-го февраля я мог сообщить Сиверсу, что латышский полк пути к нему, как и часть 13-го тяжелого артдивизиона (2 батальона по 4 орудия) и указывал направить их к Саженой и Канюковскому мосту в связь со стрелковым полком 4-й кавдивизии, который идет из Козлова в Милость Куракино. До прибытия

тяжелых батарей, я рекомендовал придать латышскому полку батарею 17-го корпуса.

Сиверс вскоре встретил, однако, серьезный отпор. Корамовцы сопротивлялись на оба фронта.

Предместья Таганрога они подвергли бомбардировке. Сиверс задержали и даже потеснили в Ряженое.

Большое значение имело для нас выяснение неприятельских сил. Сведения о противнике были весьма скудны. Я пытался применить воздушную разведку. Но отряд Ласкина был на марше. Я сговорился с летчиком Шуманом, нач. 1-й эскадрильи (под Луганском), что он попытается обслужить оба района. Шуман мешал дальним полетам к Синявской, и Шуман ограничился выполнением заданий лишь для колонны Саблина.

6-го февраля Сиверс сообщал такие сведения о противнике: в Самбек — 300 штыков, 2 орудия, в Курлацкой — 100 сабел, в Бессергеновской — 200 штыков, артиллерия противника обстреливает Таганрог.

Юнкера пытались задержать наше наступление у Ряженого, но были сбиты.

9-го февраля я дал из штаба Сиверса ряд распоряжений: «ст. Неклиновка, Ряженое, Матвеев-Курган, ЗК. — Немедленно передайте начальнику 4-й кавдивизии и в штадив предписания: стрелков подтянуть к остальным частям дивизии, создав общедивизионную группу. Сообщите о данных разведки в штаб Сиверса в Неклиновку; разведку продолжайте. Юнкера ушли к Синявской под угрозой обхода».

«Меловая у Луганска. Начальнику летательной эскадрильи Шуману: — Не сможете ли сегодня выполнить вчерашнее задание? Наблюдайте аккуратно за движением войск, чтобы не потрепать своих. Донесения в штаб Сиверса, в Неклиновку».

«Моспино. Начотряда Шимановскому. Немедленно отправьте со своим отрядом в Иловайскую для сопровождения в Таганрог аэропланной команды Ласкина, о котором узнать у коменданта станции. Тов. Ласкина и меня немедленно уведомьте об исполнении. Распоряжение мое сделано по уведомлении Сиверса».

«Кривичная, командиру и комиссару 1-й батареи 13-го тяжелого дивизиона. — Вам надлежит немедленно выехать из Иловайского по направлению к Таганрогу в Неклиновку, в р

ряжение командующего 3-й колонной Сиверса. Следом за нами туда же выезжает 3-я батарея 13-го дивизиона. Путь до Таганрога в наших руках и надежно прикрыт кавалерией и пехотою». Одновременно Сиверс давал следующую официальную сводку: «Фронт 3-й колонны революционных войск за 8-е февраля. Наши части заняли всю линию жел. дор. от Никитовки до Артемово. Сообщение с Таганрогом установлено. К востоку от жел.-дор. линии наши части заняли слободку Курлацкую и двигаются на деревню Митинский мост. Боевые действия в этом районе ограничиваются стычками поездов. На линии Таганрог — Ростов у станции Сосергеновки и у Цементного завода весь день шла артиллерийская перестрелка. С нашей стороны действует броневой поезд. Цементный завод несколько раз переходил из рук в руки».

10-го февраля я мог телеграфировать в Петроград, Совет Народных Комиссаров:

«После разгрома каледицев у Матвеева-Кургана и тщетной попытки сдержать нас у Ряженое, каледицы выдержали двухдневный бой под самым Таганрогом, но под угрозой обхода правого фланга со стороны Дежниковки, отошли, разрушая мосты и станции. Путь к Таганрогу очищен. Таганрог в руках Красной гвардии. Таганрог свободен от каледицев. Наши продолжают наступление к Ростову. Каледицы пытались окопаться между станцией Морской и Синявской. С казачьей деревни казаки воспрепятствовали, каледицы сожгли деревню. Морская нами занята».

Одновременно еще более решительный перелом наступил на овочеркасском направлении.



Начальник воздушных эскадр Донбаса
т. Л а с к и н

3-го февраля Саблин сообщал:

«Наши авангарды у Должанской. Все части, оперирующие Звереве, в виду морального разложения, пришлось отвести в резерв».

Маркин, во имя политических соображений, требует немедленно наступления на Звереве и Лихую. Сейчас занят реорганизацией подошедших подкреплений. Пока прибыли: 2-й от Петроградской красной гвардии, Московский (начальник т. в. Зыменский) и Рославльский отряды, «Железный батальон», и с невероятно громкими названиями и начальниками, представляющими на полную самостоятельность. Блиндированный поезд Никитовки по слухам вышел еще вчера, ко мне еще не приходил, о бронированных площадках никаких сведений. Драгуны сейчас стоят в Дебальцево и скоро проследуют дальше. Аэропланы прибыли в Луганск. Продажа водки прекращена. Саблин

В тот же день он просил о придании ему 4-й кавдивизии. В этом я ему отказал, предложив просить кавалерию у Донревкома. Одновременно я извещал Саблина, что 4-го февраля буду в Дебальцево, где рассчитываю видеть тт. Петрова, Маркина и Герасимова (от Донревкома). Но в Дебальцево я не застал ни Петрова, ни членов казачьего ревкома. Саблин говорил о превосходных силах каледиинцев, и о неорганизованности казаков.

5-го февраля он, приглаживая наше поражение, сообщал официально:

«Бюллетень на 3 февраля по 2 уч. Юго-Восточного фронта. Начавшиеся 29 января бои в направлениях на Лихую и Звереве продолжались с переменным успехом. Весь день 30 и 31 числа, когда нашими передовыми частями удалось занять ст. Лихую и Замчалово и вплотную подойти к ст. Звереве, дальнейшее продвижение вперед было остановлено наметившимся глубоким обходом противника от ст. Сулин, авангардные части которых вступили в бой с нашими частями у ст. Гуково. Одновременно появились крупные силы противника с артиллерией на бронированных площадках от ст. Каменской и наметился обход наших частей передовых от ст. Гундоровская на ст. Изворино С. Дон. ж. д. Наши передовые части, оставив Лихую, отошли к ст. Изворино. 19-го января бои возобновились с новой силой, причем противником со стороны Звереве были введены свежие силы офицерского батальона, действовавшего под прикрытием

милиции, а к ст. Гуково подошли главные силы обходной колонны. Благодаря этому, передовые части, стоявшие на ст. Заворожье и у ст. Звереве, должны были с боем у Гуково отойти к ст. Должанскую. Наши потери значительны, потери противника превышают в несколько раз наши. Среди убитых офицеров батальона — граф Ростовцев и Семенов-Тяньшанский. Из показаний многочисленных пленных выясняется, что казачество в целом отшатывается от Каледина и окружающих его офицеров, боевыми действиями которых руководят Тагайроге Корнилов, в Новочеркасске Алексеев и Деникин. Кроме известных уже лиц, в роде Баткина, Грузинова и других в Новочеркасске находятся бр. Рябушинские, Третьяков, Бурышкин и другие видные представители торгово-промышленного мира и другие видные деятели Московских и Петроградских промышленных кругов».

Сведения о противнике у нас были вообще довольно не точны и явно преувеличены. Иногда казалось, что они исходят из определенно контр-революционных кругов (особенно злобно действуют иные жел.-дор. служащие). Обнаружился и неуловимый шпион Макаров, о расстреле которого взывал издавна, сам его и приславший, Муравьев. Макаров вдруг прислал с какой-то железной станции сообщение о «двух тысячах юнкеров», грозивших разрезать Саблина глубоким обходом. Наша контр-разведка так и не сумела набрести на след этого ловкого шпиона.

Применить разведку воздушную мы пытались, но с малым успехом из-за тумана.

Неожиданно, через пару дней пришло извещение о поражении партизанского отряда Чернецова.

Подробности установились позднее. 28 и 29 января смелым маневром чернецовцы овладели станциями Лихая и Звереве, оставив на этих станциях одну роту отряда с двумя орудиями, стальными силами они повели наступление к Каменской. Некоторое сопротивление они встретили лишь у Северо-Донецкой, куда подошли, в помощь Ревкому, два небольших отряда красной гвардии (в общем до 90 ч. с 5 пулеметами) из Черткова. Обоим сторонам переговоры с Ревкомом, Чернецов открыл стрельбу и, после шестичасовой перестрелки, наши отступили. Калединыцы 30-го января заняли Каменскую.

В эту пору Саблин стал нажимать на Лихую, Звереву и занял эти станции.

Чернецов, оставив в Каменской заслон, бросился с оставшимися силами на Саблина.

Дикая паника охватила наши красногвардейские отряды харьковцев и 3-й Московский отряд, а также батальон 85-го полка. Чернецовцы не только восстановили положение, но и отбросили Саблина в исходное положение. Успокоившись за свой левый фланг, тем более, что к нему подошло подкрепление (отряд полковника Борисова, в ночь на 2 февраля занявший ст. Луков), Чернецов решил наступать на Глубокую, предприняв почти дальний обход. 3-го февраля он было захватил Глубокую, здесь напоролся на основные силы Донревкома, предводимые Голубовым.

Тов. Сырцов о дальнейшем сообщал 6-го февраля из Воронежца так:

«2-го февраля партизанский отряд Чернецова, заняв Каменскую, начал наступление на Глубокую. Отражали революционные казачьи части и отряд 1-ой рев. армии под начальством Петрова. Бой был чрезвычайно ожесточенный, потери с обеих сторон большие. Нападение было отбито, путь к отступлению к Новочеркасску отрезан. Вечером действиями казачьих батарей, 44-го полка и особенно 27-го казачьего полка, отряд Чернецова был разбит наголову. Есаул Чернецов, произведенный войсковым правительством за действия против революционных полковники, был взят в плен вместе с 40 юнкерами и офицерами. По дороге арестованные сделали попытку побега и были расстреляны казачьим конвоем. Убит Чернецов. Уцелевшие отряда Чернецова разбежались в панике. Производится очистка района Глубокой и Каменской от остатков чернецовского отряда. Поведение революционных казачьих частей, Луганских и Донецких рабочих выше похвалы. Производится в настоящее время мобилизация в волостях и станицах области, формируются отряды для решительной схватки. Положение В. Р. К. среди населения области укрепляется. В Петроград поехали делегаты к 1, 4 и 14-му казачьим полкам для вывода их на каледонский фронт. Впоследствии выяснилось, что Чернецов заручен Петелковым и что гибель Чернецова страшно огорчила Голубова».

последствии (15-го февраля) бюро Донревкома сообщало об этих событиях:

«На Дону казачий съезд в станице Каменской 23-го января объявил Войсковое Правительство Каледина низложенным, всю власть на Дону передал впредь до образования трудовой власти избранному Военно-Революционному Комитету, который стал работать совместно с Всенно-Революционным Комитетом Донской области из Ростова на Дону

Донецким окружным советом казачьих раб. кр. и солд. депутатов. 13-го января в Комитет приезжали делегаты Войскового Правительства, во главе с председателем Войскового Круга Агеевым. Честным именем атамана Каледина делегация уверяла комитет, что Войсковое Правительство не допускает гражданской войны против трудового казачества, что трудовое казачество было предательски обмануто генеральским помещичьим Войсковым Правительством, и предлагала прислать в Новочеркасск делегацию для мирного улаживания конфликта. Делегация В. Р. К.

была задержана в Новочеркасске и по приказу Войскового Правительства офицерские и юнкерские банды головорезы напали врасплох, 29-го января, на фронтовое казачество. Неподозревающие измены и застигнутые врасплох, полуразъехавшиеся по домам казачьи части были оттиснуты со ст. Лисок и Зверевое, не успевшим еще собраться казачьим частям пришлось отойти из станицы Каменской. К этому времени революционные казачьи части соединились с рабочими и крестьянами и отрядами 1-ой революционной армии. 2-го февраля партизанские банды обошли Глубокую. Революционные войска в последнюю минуту дрогнули и бежали, затем бесстрашным отпором отразили натиск калединцев. Отряд Чернецова был смят и обращен в бегство. Сам Чернецов



Войсковой старшина Голубов,
ком. войсками Донревкома

и 40 офицеров были взяты в плен; по дороге Чернецов начал стрелять в конвоировавшего его Председателя В. Р. К., да что был им убит. Был бой необычайно жестокий. Каледины добивали раненых.

Оставшиеся чернецовцы настолько пали духом, что не могли уже сколько-нибудь стойко держаться, несмотря на приходившим подкреплениям из Новочеркасска. Однако, они продолжали занимать станицу Глубокую.

Выяснить расположение противника воздушной разведкой не удалось. Начальник первой эскадрилии тов. Шуман 7-го февраля доносил:

«Из Луганска. Доношу о сегодняшней моей разведке. С вечера, в 14 час. по маршруту аэродром - Сев. Доп - Гундоровская - Каменская - Глубокая - Греченская и аэродром. Подходя к Каменской со стороны Лихой, надвинулись на первую густые тучи, так что Каменское пришлось видеть только через окно. Над Каменской сделал несколько кругов, заметил два дымящихся паровоза и несколько вагонов. На Лихую - Звереву не удалось из-за облачности. На полустанке или малой станции между Глубокой и Каменской стоял один состав товарного поезда, с паровозом в строю Каменской, из Каменской на эту станцию тоже шел поезд. От Глубокой на север шел полным ходом паровоз. Завтра вечером, если погода позволит, можно будет произвести полет на разведывательном. Палатки поставлены. Прошу автомобили и все прочее. Полет был совершен на «Ньюпоре» 23, мотор Ронн 120 HP, время спуска 16 час. продолжительность 1 ч. 50 мин. высота 2.000 метров».

К этому времени, к Саблину подошел бравый отряд черноморцев (400 ч. 4 орудия на двух площадках), под командой Мокроусова.

По моему совету, он не оставил их засиживаться в тылу, сразу бросил на фронт.

Утром 8-го февраля Звереву и Лихую были заняты черноморцами. Потери наши были невелики. Каледины поспешно бежали, портя дороги. Разложение в казачьем тылу не стало нам своевременно известно. Действия Саблина и Допревкома остались нерешительными. И я не торопил Саблина, так как в мои расчеты входило занять Ростов, раньше Новочеркасска.

Все же к 7 февраля наши части владели не только районом станций Лихая, Зверевое, но продвинулись до ст. Сулин, встретив лишь ничтожное сопротивление со стороны каледиццев. Американская оставалась занята остатками отряда Чернецова. 4-го февраля оттуда предпринят налет на Глубокую, где захвачены 3 революционных казаков 6 орудий. Донревком все не мог справиться с силами для развития своего наступления. По совету близкого к его работе тов. Сырцова, он решился, наконец, на мобилизацию в станицах и волостях признавшего его власть района. Подтелков, уведомляя меня об объявленной 4-го февраля донревкомом мобилизации, просил распорядиться выдачей 10.000 комплектов обмундирования и вооружения, а также 10 вагонов патронов и снарядов.

Мобилизация, объявленная Донревкомом, проходила малоуспешно. Сказывалось не только нежелание казачества воевать, но и совершенная неподготовленность Донревкома к организации армии. Явившиеся на сборные пункты мобилизованные не находили ни продовольствия, ни обмундирования, ни кадров, которые могли бы взять их в руки. Мобилизация проваливалась. Ясно было, что рассчитывать приходится на наличные силы и приток их с фронта.

В Питере понимали положение вещей, и я получил запрос — желательна ли присылка на Дон расположенных в столице 4 и 14-го Донполков. Донревком горячо поддержал предложение Петроградского Военокруга (тов. Еремеев) и послал делегатов для вывода этих полков на Дон. Были приняты меры и к скорейшей отправке с фронта более или менее революционных казачьих частей. Но почти все казачьи части сохранили во главе контр-революционное офицерство, и оно сумело так построить фронтовые полки, что те, в большинстве, недоверчиво относились к нам и старались прорваться на Дон без предпринятого сговора с нами.

В эту пору главная толща казачьих эшелонов с Румынского Юго-Западного фронтов тянулась по южным направлениям через Криворожье и Екатеринослав. Здесь происходили почти ежедневно мелкие стычки с казаками, кончавшиеся разоружением казаков. Особенные хлопоты нам причинил 6-й Донской генерала Краснощекова полк.

После короткого сопротивления у Пятихатки, этот полк отбился от остальных казачьих эшелонов, согласившихся сдать оружие, и направился походным порядком к Новочеркасску. Только 4-я сотня этого полка заявила, что идет в распоряжение Донревкома и пропущена нами беспрепятственно к Миллерову. Появление сильной казачьей группы в наших тылах внесло порядочную суматоху в среду рудничных ревкомов, давших штурм Сиверса.

Я немедленно предписал комиссару Изюмского уезда тов. Шарову выступить против казачьего отряда.

Шаров 13-го февраля настиг казаков близ Межевой, потропал их изрядно. Затем, 19 февраля перехватил казаков при Ряженое Шимановский со своим небольшим отрядом и 20 февраля вновь Шаров у М.-Кургана. Но все же основному ядру 6-го Донполка удалось проскочить на Дон. Однако, как мы узнали уже потом, по прибытии в Новочеркасску, казаки этого полка заявили о своем «нейтралитете».

Вслед за 6-м казачьим полком, Шарову 10 февраля пришлось заняться, по моему приказу, разоружением остатков окончательно разложившейся 3-й кавдивизии в районе Гришино. Материальная часть дивизии сдана Центроштабу.

К этому же времени, прибыли из под Киева: великолепно сражавшийся там отряд «Донецких жел. дор.» Жлобы и «Макеевский отряд» Рыкюса. Им разрешен мною краткий отдых с тем, чтобы быть наготове по первому вызову (вызов так и не сделан был лишь к 21 февраля).

Понемногу стала налаживаться и работа Центроштаба (в Юзовке). Побудительным толчком к ее развитию послужило извещение об образовании с 3 февраля Всероссийской коллегии организации рабочей и крестьянской красной армии, в состав которой вошли от Наркомвоен Крыленко, Механошина, Подвойского и от главного штаба красной гвардии — Трифонова и Юренева. Всероссийская коллегия должна была направлять и согласовывать деятельность местных областных и краевых организаций по формированию, учету боевых единиц и снабжению их всем необходимым. 8-го февраля на имя начальника Центроштаба пришла телеграмма от Питерского штаба красной гвардии о том, что семьи Петроградских красногвардейцев продолжают получать плату от пр

приятый; красная гвардия переформируется в красную армию; обещают присылку инструкторов и инструкций для этого переформирования. Центроштаб зашевелился еще энергичнее.

Но все же работа по созданию красногвардейских частей шла не достаточно организованным порядком. Отдельные ревкомы нарушали организационные схемы. Обучение же красногвардейцев было из рук вон плохо. И заменить фронтовые части наша рабочая гвардия не могла.

Главной силой нашей против корниловцев попрежнему являлись фронтовики, особенно кавалерийские, артиллерийские и, вообще, спецчасти. Поэтому известие, что Совнаркомом объявлен роспуск призывных нескольких годов, действовало на нас тягостно.

Чрезвычайно удрученный тем, что, при объявлении этой демобилизации, совершенно не были приняты во внимание потребности внутреннего, гражданского фронта, я обратился к Ленину и члену Наркомвоен, тов. Подвойскому, со следующей недопустимо резкой телеграммой:

Петроград, Совет Народных Комиссаров Ленину и Подвойскому: «Неужели сделана такая оплошность, что сразу освобождают по 1906 г.? Прошу разъяснения, — мы здесь не видим почти вовсе газет и вовсе не видим газеты «Армия и Флот». Демобилирование сразу трех годов расстроит совершенно наши войска, которые готовы нанести решительный удар, и буквально спасет миллионцев от разгрома, затянув надолго борьбу. Все формирования, особенно артиллерийские, кавалерийские и пулеметные, расстроятся, и придется долго чинить прорехи и недочинить их никак. Не следовало без запроса нашего делать такого шага, что мог сознательно сделать только, либо узкий кабинетчик, либо друг Каледина. Прошу немедленно разъяснения, равно и об оплате командного состава. Сделайте разъяснение, что на наших фронтах Дону и Украине, демобилизация будет постепенная, каждые две недели и по одному году, начиная с 1904, который ступят 24 февраля с. г. и что задержанные получают суточные по рублю за просрочку. Дела идут успешно, не портите их».

На эту телеграмму я получил следующий ответ:

«В Никитовку, Наркому Антонову: Демобилизация с 1904 по 1906 г. после совещания в Петрограде представителей всех

фронтов, Главнокомандующих и Военного Комиссариата и во
совершенного единогласия, принята. Удержите контингент
в вашей армии, повысив им жалование до 50 руб. в мес.
и обещав полное обеспечение их семейств со стороны государства.
Ленин и Подвойский».

Я вынужден был объявить в приказе о демобилизации.

«8 февраля 1918 г. Согласно разъяснений Совета Народных
Комиссаров объявляю:

1) Призывные сроков 1904, 1905, 1906, если не пожелали
остаться в рядах революционной армии — подлежат увольнению
в запас. В специальных частях, артиллерии, саперных, телеграфно-
почтовых батальонах, телеграфных ротах, пулеметных командах
и т. д. подлежащие увольнению могут быть задержаны на
их смены, если от увольнения пострадает часть в боевом
настроении.

2) Призывные 1904 г. увольняются от 8-го февраля. При-
зывные 1905 г. с 14 февраля, призывные 1906 г. с 18 февраля.

3) Для всех революционных армий, действующих против
контр-революции в Оренбургской губ., Донской области, Украины
солдатское содержание увеличивается суточными в размере
1 рублю, начиная с 8 февраля».

На известие о дальнейшей демобилизации, 1907 — 1909 г.
дов, я отозвался приказом от 14 февраля — указав, что эта де-
мобилизация «на революционный фронт, подчиненный мне, и
распространяется».

В этом же приказе мной опубликована, на основании при-
каза Наркомвоен № 5, следующая табель окладов комсоставу:
взводный командир, делопроизв., казначей — 350 р.; комроты,
начхоз — 400, комполка — 500, начдив — 600, командарм — 700
нач. отдельных отрядов — как комполка; начштаба получают
50 р. меньше своего командира. Остальное снабжение за деппом
по норме.

Среди этих огорчений, мы были обрадованы полученной
наконец, с нашей разведчицей (забыл ее имя, а она сотни раз
заслуживает быть упомянутой в этих записках) вестью о дей-
ствиях 39-й дивизии.

Из привезенного ею письма от 8-го февраля и приложен-
ного к письму приказа № 1 от 7-го февраля следовало, что

задача военная секция при Царицынском совдепе, штаб обороны гор. Царицына и Бюро Областного Военно-Революционного Комитета Донской области (создавшиеся в январе в Царицыне) организовали штаб «юго-восточной революционной армии» и избрали хорунжего Автономова ее командующим. Этот штаб пополнился представителями 39-й дивизии. Приказ штаба издан на ст. Тихорецкая и подписан Автономовым, начальником штаба Коротковым и Секретарем штаба М. Равиковичем.

Дополнительно тов. Равикович сообщал, что уже несколько дней они стягивают силы к Тихорецкой. На линии Торговая-Царицын некоторая опасность представляется со стороны Великокняжеской, где есть калединские партизаны ¹⁾. Против них должны выступить части Елизаветпольского полка из Торговой. Ближайшей угрозой является Екатеринодар. Наступавшие из Новороссийска к нему Советские войска были дважды разбиты и потеряли много пулеметов и орудий. 7 февраля предполагалось начать наступление наших войск на Екатеринодар из Кавказской и Армавира с целью занятия ст. Кушевка и ст. Выселки, чтобы отрезать Екатеринодар от Ростова.

Но, в виду недостатка в патронах и снарядах, солдаты отказались выступить, и операцию пришлось отложить. Посланы группы за вооружением в Царицын и Ставрополь. Отсутствуют деньги. Полученные из Петрограда 800 тыс. уже на исходе. Казачество, в основной массе, на нашей стороне. Отовсюду подтягиваются революционные солдаты. К 14-му февраля Юго-Восточная армия рассчитывает выполнить задание — занять Батайск.

Подоспели и извещения от комиссара 5-ой Кубанской казачьей дивизии тов. Мирошниченко. Оказалось, что дивизия уже прибыла на Кубань, но здесь рассеялась. Мирошниченко сообщал, что 15 февраля едет на съезд Сальского округа, и что 5 февраля собирается в Белой Глине съезд фронтовых казаков Кубанского войска. Вслед за тем, он просит разрешение созвать эту дивизию для действий против Екатеринодара. Я дал ему полное разрешение.

Но вообще мы были крайне слабо связаны с Кубанью и Ставрополем. Доходили лишь смутные слухи о полной изоляции

¹⁾ Примечание: В Великокняжеской штаб Донской казачьей дивизии формировал добровольческие отряды из казаков и калмыков.

на Кубани Екатеринодара, занятого «дикой дивизией» — все станицы были на стороне «большевиков». В Ингушетии шла ожесточенная борьба горцев с терскими казаками. Терцы, фронтовики, настроены были впрочем «противоатамански»; атаман Караулов был убит недалеко от Грозного возвращавшимися с фронта солдатам.

К этому времени, пришла тревожная телеграмма из Новороссийска:

«5 февраля 1918 г. Севастополь, Центр. флот. — У Екатеринодара идут бои с контр-революционными войсками Каледина. Положение серьезное, умоляем срочно перебросить несколько тысяч винтовок с патронами в Новороссийск, в виду того, что нет возможности убедить солдат, едущих домой с оружием сдавать таковое. Они помогают Каледину также; эшелонами, под угрозой пулеметного огня, разоружаются в Екатеринодаре. Для избежания этого, просим немедленно два миноносца или один крейсер, с боевыми орудиями, необходима также трехдюймовая шрапнель. Новороссийский совет».

Я ограничился предложением Севастопольскому ревкому оказать полную поддержку Новороссийску.

7 февраля царицынцами захвачена ст. Чирь и вскоре восстановлено железнодорожное сообщение со ст. Лихой.

8 февраля еще заканчивалась перестрелка у ст. Каменского (Петров, с обычным для него пафосом, сообщал о трехдневных «боях», в которых мы потеряли... трех убитыми и пятерых ранеными, и о меткой стрельбе Московской революционной батареи). 10 февраля тов. Сырцов сообщал из Миллерово:

«Зверево Саблину — Дебальцево. Недостаток сил мешает занять Каменское. Мобилизация не оправдала надежды. Ждем казачьи полки из Петрограда. Чрезвычайно важно кончить 17 февраля, к открытию Войскового Круга».

Между тем, Черноморский отряд Мокроусова приближался к Сулину. Калединцы, отступая, портили дорогу, — в 7 верстах от Сулина они взорвали мост, за починку которого спешно принялась 2-я рота 24-го железнодорожного батальона. О взрыве этого моста, какой-то есаул сообщал 11 февраля в перехваченной нами телеграмме:

«Персиановка, генералу Абрамову: — Мост на Парамоновской руднике взорван. В виду темноты и дождливой погоды, а также

тельности противника, путь окончательно не испорчен. Имеющиеся повреждения вполне достаточны, чтобы задержать появление поездов противника дней на 6. Прошу дальнейших указаний. Доношу, что у меня рабочих лишь три человека, считая и меня»...

К утру 11 февраля передовые части Саблина (черноморцы) прочно заняли станцию и поселок Сулин. Рабочие встретили их восторженно. Отдельные партизанские дружины сулинцев оказали изрядную услугу войскам, действуя в тылу Калединых (портить пути, телеграфную связь и т. д.).

10-го февраля Саблин, а вслед за ним и Петров, при поддержке незначительного отряда революционных казаков, заставили, наконец, калединых очистить Каменскую. Объединенные командой Усачевым в особый отряд (часть 10-го казачьего полка, роты чернецовцев и казачья дружина Донского Округа), они попытались было прорваться прямо к Новочеркасску; 12-го февраля у Федоровки внесли мгновенное замешательство в наши ряды, но были отбиты и вынуждены идти к Калединой столице дальним кружным путем.

11-го февраля Саблин сообщил официально:

«После боя 5-го февраля у ст. Провалье Екатериинской ж. д., окончившегося окончательным закреплением нами за собой этой станции, 6-го февраля — подготовка общего наступления на противника, занимавшего район ст. Каменская-Лихая-Звереве. Наступление началось 6-го февраля утром и продолжалось целый день, тогда к вечеру наши войска на правом фланге после ожесточенного боя заняли ст. Гуково и район ее, а на левом фланге, отогнав противника, закрепились на ст. Плешаково. 7-го февраля с утра бой начался на правом фланге, где наши ряды продолжали продвигаться к Звереве, встречая сильное сопротивление противника. К 3-м часам дня, когда была занята ст. Заповедная и введены в дело все резервы, наша обходная колонна, заняв ст. Черевково, в 10-ти верстах южнее Звереве, поставила противника оставить станцию и отступить на юг. Отсутствие у нашей обходной колонны артиллерии, подрывного материала и быстрота отступления противника не дали возможности захватить его эшелоны, которые успели проскользнуть на юг, обстрелянные с обеих сторон железной дороги, пуле-

метным и оружейным огнем и понесся крупные потери. К 6 часам вечера наши войска вступили на ст. Зверово и соединились с обходной колонной. На левом фланге дело ограничилось одной лишь перестрелкой и сборкой пути, испорченного противником, на несколько верст. 9-го утром из Зверово одновременно двинулись два отряда, из коих один двинулся на юг, заняв станцию Черевково, к вечеру занял ст. Сулин и укрепился на ней, а другой двинулся под моим командованием, заняв ст. Замчалово, лежащую на полпути между Зверово и ст. Лихую. Не найдя после занятия ст. Замчалово связи с войсками нами павшими на Лихую по линии Родаково-Плешаково-Лихая, выехав на бронированном автомобиле навстречу нашим войскам, соединившимся утром из Плешаково. Соединившись с ними, принял командование на себя, к вечеру 9-го после горячего артиллерийского боя и незначительной оружейной перестрелки наши войска заняли ст. Лихую. 10-го началось нападение на Лихую со стороны с артиллерией противника, обстреливавшего вначале бронепоезд на котором я выезжал осматривать позиции, а затем попытка обстреливать наши эшелоны. Отогнанный артиллерийским огнем противник после начавшегося боя засим начал движение на ст. Каменскую, два раза останавливался наши эшелоны, но терпя поражение и оставляя подбитые пулеметы, третий раз был отогнан нашим артиллерийским огнем с блиндажей бронированных вагонов. После последней остановки у полустанка «Верный Донец», 9 верст от Каменской, где противник тщетно пытался взорвать пути, он стянул на ст. Каменскую свои части, где разбежался, переодевшись в штатское платье, а частью, захватив орудия и воспользовавшись наступлением темноты, пошел вниз по течению реки Донец вглубь области Войска Донского, где местными казачьими военно-революционными комитетами приняты меры к его скорейшей ликвидации. К 5-ти часам вечера наши эшелоны, встреченные казачьей делегацией, встреченно приветствовались криками «ура» и возгласами приветствия со стороны представителей трудового казачества. Находясь на ст. Каменскую Петров вошел в нее через станцию, когда узнал от нас, что Каменская нами занята. На ст. Каменской нами найдены значительные запасы обмундирования, фуража, снаряжения и продовольствия, которые поступили

раскоряжение революционных войск. Командующий революционными войсками Юго-Восточного фронта Саблин».

К этому времени подоспел к нам отряд кронштадтцев с «главнокомандующим» Каллисом и комиссаром-анархистом Ярчуком во главе. Ребята очень требовательные, они сразу надели на наших табачников в Харькове, требуя себе по револьверу, добиваясь отдачи к отряду батареи и нескольких пулеметов. Я вынужден был их подогнать упрёком в недостаточно сознательном отношении к делу и обстановке. Ярчук ответил довольно обидчиво, и отряд тронулся быстро на фронт, вошёл в колонну Саблина. К Саблину же направлен 435-й полк. Эти подкрепления приободрили наших, и мы возобновили наступление к Новочеркаску. 12-го февраля произошла довольно упорная перестрелка у Шахтной.

Стрельба противника была редкая, но меткая, и наши части ее не выдерживали. Решило дело обходное движение, предпринятое Саблиным со стороны...

13-го февраля Донревком из Воронежа опубликовал следующее официальное сообщение: «всем, всем».

«На Дону 13-го февраля 1918 г. в 19 час. сообщают, что революционные войска находятся в 25 верстах от Новочеркасска. В наших руках Шахтная, Каменоломня. Донской Военно-Революционный Комитет принялся за организацию транспорта угля, первый поезд 60 вагонов уже нагружен и отправлен через Лихую в Царицын. Из Царицына сообщают, что борьба с партизанами в Северных Округах ликвидируется... Организатор партизанских отрядов Попов убит в Обливской. Путь Лихая-Царицын в революционных руках». На юго-восточной линии в районе ж. д. Р-м. К-м. задержан шпион, везший письмо из Ростова от генерала Алексева в одну из иностранных миссий. Шпион этот — военнопленный австриец, чех, получивший 100 р. и письмо Алексева. Ясно, кто питает контр-



Подтелков, председатель
Донского В.-Р. Комитета

революцию и свидетельствует о бесполезности и окончательно поражении ее. Письмо доставлено Совету Народных Комиссаров и будет опубликовано. Мы призываем всех к революционной бдительности. Наша победа близка. Председатель Областного В. Р. К. Донской Области».

Это сообщение было неточным — наше наступление, замедленное порчей железных дорог, преувеличенными сведениями о противнике и неуверенностью за свой тыл и за поведение своих союзников-казаков, развивалось довольно медленно. 13-го февраля мы были в 40 верстах от Новочеркасска и в 10-ти от Каменоломни, сильно занятой каледиинцами.

Донревком, вообще, чрезвычайно ревниво относился к руководству революционной борьбой и 15-го февраля прислал мне такое заявление:

«Во избежание излишнего возбуждения среди казачьего населения, Донской Военно-Революционный комитет считает, что высшая власть в войне с Новочеркасском официально принадлежит ему. Фактически же план всей кампании войны должен исходить от командующего советскими и казачьими войсками, которые действуют в неразрывной связи друг с другом. Председатель Подтелков, Секретарь Кривошлык».

Это заявление по времени совпало со слухами о самоубийстве Каледина. Уже 15-го февраля из Новочеркасских газет я почерпнул подтверждение этих слухов. И в тот же день телеграфировал в Петроград:

«Официально подтверждается в приказе походного атамана войска Донского генерал-майора Назарова от 13-го февраля 1918 г. самоубийство Каледина. В документе говорится: «в заседании своем 29/1 (11-го февраля) правительство, выяснив отсутствие реальной помощи со стороны населения и войск исполнять волю Кругов и Съезда, а также невозможность управлять всей Областью в виду перерыва связи с Новочеркасском, постановило: всему Объединенному Правительству во главе с Войсковым Атаманом сложить свои полномочия и передать управление, в городах — городским самоуправлениям, а в Округах — окружным управлениям и, впредь до созыва должных собраться 17-го февраля Большого Войскового Круга и Съезда неказачьего населения, Управление общими делами Области возложить на временный

блестной комитет общественного порядка. Через полчаса после того решения Объединенного Войскового Правительства, Войсковой Атаман, генерал-от-кавалерии Каледин покончил свою жизнь самоубийством».

«Приказом № 2 Назарова, объявлена всеобщая мобилизация всех способных носить оружие. Мобилизация дает мало и расстройство казаков растет».

В том же приказе № 1, Назаров сообщает, что согласился принять атаманство только после обещаний делегатов от ряда / атаманов дать несколько тысяч бойцов против б-ов (одна Новочеркасская обещала выставить до 2000).

Со своей стороны Донревком сообщал:

«15/II революционные войска передвигаются со ст. Шахтная на ст. Каменоломня. Со стороны Таганрога реввойсками заняты Морская и Синявская. Со стороны Тихорецкой — Кавказская. Революционная дивизия стоит в 15 верстах от Ростова. По сообщению «Приволжского Края» и по донесениям, Каледин застрелился. По проверке этот факт подтвердился. Повод самоубийства — решение Войскового Правительства сложить полномочия. Военная власть самочинно перешла к умирителю Ростова генералу Назарову. Из Войскового Правительства исчез Богатовский. Уланов и Логичев пошли в отставку, крестьянская часть уехала. В Новочеркасске паника, наличные части, стоящие там, обещают поддержку революции. В Ростове движение. Положение на фронте и в области Военно-Революционного Комитета уладилось. Распространившееся было мародерство, благодаря решительным мерам, почти уничтожено. Приехавшая из Петрограда сотня делегатов-агитаторов снабжена инструкциями и разослана по области для организации советов. Председатель Бюро Областного В. Р. Комитета».

Известие о самоубийстве Каледина сразу прояснило перед нами положение Донской контр-революции. С удвоенной энергией развернулось наше наступление.

18-го февраля Саблин сообщает из Шахтной:

«Сев. уч. фронта. Колонной из отрядов Черноморского флота, Московского 192-го полка и местной красной гвардии, заамурской конной сотней при взводе пролетарской батареи, после пятичасового боя с противником, силой до 5 эшелонов с артилле-

рией, была занята 16-го февраля ст. Каменоломня. Противник отступает к Казачьим лагерям. Наши потери 52 ранены, 9 убитых».



Карта Донской области, по которой г. Каледин в последний раз докладывал Правительству об обстановке на фронтах на заседании, после которого через полчаса застрелился. Белое вырезанное пятно — забрызганное кровью атамана место

Обычным маневром Саблина было — использование численного превосходства путем охвата флангов противника.

Но овладев Каменоломней, Саблин приостановился, смущенный сведениями о серьезных приготовлениях калединцев в Пер

Персиановке и Казачьих лагерях. Внушали беспокойство также беспорядки в нашем тылу и тогда уже какое-то хмурое настроение Глубова и других казачьих командиров. Некоторой помехой было и саботаж со стороны штабных работников отряда Петрова, изобилие подчинением их «командарму» Саблину. Не удалось дружеской беседой успокоить ревнивые мучения Петрова и побудить его подтянуть окружающую его кучку бездельных штабных щелкошпоров.

Наши союзники казаки, поскольку я к ним присмотрелся, внушали мне столько недоверия, что я предупредил Саблина следующей шифрованной запиской:

«Казакам доверять можно лишь, когда они идут впереди в бой, для атаки. Испытайте их при Персиановке, или при другом поучении на виду. Не оставляйте их в тылу у себя, укажите на необходимость демонстрации солидарности, а поэтому и похода в авангарде казаков».

Саблин готовился к упорной борьбе за Новочеркасск. Противник проявлял некоторую активность. 19-го февраля он пытался выбить нас из Каменоломни, предприняв обход обоих наших флангов. Но обходная колонна каледиццев, двинутая к Грушевку, была жестоко потрепана нашим резервом, а левофланговая уперлась в незамерзшую речку. Обход не удался; в центре же противник, благодаря беспечности Харьковцев (отряд Рухимовича, вернувшегося на фронт к 11 февраля), захватил нас врасплох и имел некоторый успех (захватил 3 орудия), но подошедшими подкреплениями (черноморцами и кронштадтцами) был опрокинут и отброшен в исходное положение.

Саблин занялся серьезной подготовкой к бою за Новочеркасск. Сиверс продвигался вперед также медленно, тяжело подтягивая артиллерию, страдая от недостатка продовольствия и фуража. Его силы были несколько ослаблены характерными проявлениями недисциплинированности. Командир бронепоезда Годлевский, ссылаясь на недостаток снарядов (их оставалось у него не более 30-ти) к морским орудиям, самовольно укатил через Никитовку на Москву. И мы оказались не в состоянии его задержать. Взамен этого мощного бронепоезда к Сиверсу направлен прибывший со славной поездки на Украину «бронепоезд» путиловцев (ком. Зайцев)—всегда отважных и почти всегда дисциплинированных

11-го февраля получилось, наконец, извещение о десанте черноморцев. Председатель Мариупольского совдепа сообщает, что в Мариуполь прибыли 196 севастопольцев на двух тральщиках при 2 четырехдюймовых орудиях «Кане», двух 120 миллиметровых и 1 зенитном, а также при 16 пулеметах. Через 4 дня ожидается отряд с 16 орудиями. В Таганрог, где положение еще не определилось, удалось доставить 150 винтовок, 15 тысяч патронов и 300 штук гранат.

Как только Таганрог был нами занят, я вызвал туда из Мариуполя часть эскадрилии тов. Ласкина ¹⁾. 14-го февраля 2-я воздушная эскадрилия полностью перебралась в Таганрог, в Мариуполе осталась часть ее, — летчик Рябов 17 февраля из Мариуполя совершил полет к Ростову, сбросив у вокзала несколько бомб. В Таганроге на авиазаводе Лебедева оказались в совершенно исправном виде 3 аппарата «Сопвича». Уже на следующий день наши летчики производили с них разведку к Ростову, бомбометание и сбрасывание литературы. По доставленным им сведениям, противник лихорадочно готовится к сопротивлению. Особенно сильно укреплены казачьи станицы Синявская и Гниловская — нарыты окопы, впереди проволочные заграждения.

Едва мы успели починить мост у Матвеева-Кургана, как Корниловцы взорвали мост у ст. Морская. Его починка велась днем и ночь. Я старался ее подтолкнуть, наезжая на эти работы. Железнодорожный путь сверх того был основательно разворочен корниловцами, станции сожжены до тла, водокачки разрушены.

Придавая особенное значение Ростовскому направлению, я большую часть времени уделял колонне Сиверса и 4-й кавдивизии. Частенько я бывал в штабе Сиверса, выясняя нужды его войск и распоряжаясь их усилением и удовлетворением. Мне почти не приходилось вмешиваться в оперативные распоряжения. Достаточно было общей директивы. В деталях Сиверс действовал самостоятельно и вполне разумно.

11-го февраля он телеграфировал мне из Таганрога:

«На Синявское противник обстрелял головной отряд. Войска колонны двигаются по намеченному маршруту. Поторопите Не-

¹⁾ Примечание. В Мариуполь она прибыла из Никитовки к 5 февраля.

инновку. Мост около Морской будет починен только через 4 дня, что осложняет ведение операций. Штаб помещается в Варесловке».

Напоминание о Неклиновке относилось к 4-й кавдивизии, штаб которой был расположен у этой станции и которая слишком медленно втягивалась в поход.

11-го февраля Генеральная слобода была занята прибывшими частями Сиверса.

К 14-му февраля 4-й уланский Харьковский полк вступил передовыми частями в с. Генеральский Мост, Новотроицкий драгунский занял Султан-Салы (2-мя эскадронами) и Петровскую (4 эскадрона с орудиями).

13-го февраля части Сиверса заняли Недвиговскую.

У противника обнаружился приток подкреплений,—подошли значительные, но бойкие отряды Назарова и Ильина, исключительно смелые части Корниловского полка (их отличие — на левом рукаве голубая нашивка с белым черепом и двумя кочками накрест под ним), и сильные казачьи дружины станицы Гниловской. 13-го февраля противник перешел в наступление по всему фронту у ст. Синявской и потеснил наш центр (отряд Трифонова), но ударом во фланг — латышский полк восстановил положение. Левый наш фланг одновременно был атакован казачьей Гниловской дружиной. Неожиданным налетом казаки взяли стрелковый полк 4-й дивизии, занимавший Ханженково, взяли у стрелков до 10 пулеметов и 7 походных кухонь. Но эскадроны 4-й дивизии взяли во фланг и смяли казаков. Гниловцы бежали. Противник, угрожаемый с правого фланга, отошел к Хопрам.

4-я кавдивизия подтягивалась с трудом из-за распутицы и разрухи мостов, и 16-го февраля ее разъезды вошли в связь с правым флангом Саблина.

17-го февраля Сиверс возобновил наступление. Противник, получивший некоторую подмогу из ст. Аксайской, не выдержал, однако, нашего напора и особенно угрозы со стороны нашей конницы, выдвинувшейся к Султан-Салы—Красников. После незначительного сопротивления, корниловцы отошли за р. Сухой Чалтырь. Нами заняты ст. Хопры и село Чалтырь, захвачены орудия, 6 пулеметов, 3 походных кухни.

Захваченные нами пленные передавали, что для них появление на нашей стороне солдат-фронтовиков было полной неожиданностью — им толковали «атаманы», что идут немцы да голыдрянцы-каторжане большевики. Казаки, упав духом, расселись по домам.

18-го февраля я на дрезине добрался до ст. Чалтырь. По дороге — следы разрушения. Сожженная станция. Взорванная водопроводная качка. Разбитые снарядами строения, сломанные повозки, глубокие следы в рыхлом снегу. То там, то здесь несколько обмерзших трупов корниловцев. По дороге вдруг навстречу одна, другая — кучки красногвардейцев... Бредут тяжело, почти выбившись из сил.

«Куда?!

«Нас разбили, отступаем...

«Какой чорт! Стыдно!.. Поворачивай, товарищи!»

Останавливаются, подтягиваются, вяло переговариваются... Ладно!.. Некогда с ними возиться. Еще раз приставив дезертиров, катим дальше.

Сиверса находим в железнодорожной будке, недалеко от станции.

Как всегда, педагогично аккуратен в сообщениях. Рассказывает об удачном бое за Хопры и Чалтырь. Рассказывает и трагический инцидент этой ночи.

Второй Петроградский занимал х. Недвиговский, выдвинув сторожевое охранение на его окoliце. Ночью несколько десятков партизан из отряда «Белый дьявол» сотника Грекова, с трещотками и Люисами, открыв адский шум, напали на нашу сторожевую. Услышав «пулеметную стрельбу» на окoliце, отряд пришел в сграшное смятение и бросился из села, во главе с комиссаром, который почти в одном белье примчался на оружейном передке в штаб Сиверса с донесением о «нападении «превосходных сил противника».

С трудом удалось успокоить отряд и вернуть большую часть его в село. И то лишь благодаря тому, что сторожевое охранение, не растерявшись, отбило партизан Грекова.

В Чалтыре, Крыму и Хопрах Сиверс несколько завяз из-за недостатков в снабжении. Богатые армяне — жители этих сел — отнеслись к нам недружелюбно и так искусно запрятали запасы

родолюбствия, что нашим отрядникам приходилось туго, особенно скверно было с фуражем.

В это посещение я подчинил Сиверсу 4-й кавдивизию и дал ему указания стремительно продвигаться к Ростову кавалерийскими частями, отрезав Корнилову выход к Аксаю. К сожалению, я не смог, как думалось, подкрепить его свежей кавалерийской частью «украинским Мазепинским полком», прибывшим из Петрограда — этот полк, по желанию его солдат, был мною в Таганрога повернут обратно через Харьков в Полтаву, где бывший полковник Бокитько, по поручению Муравьева, формировал «3-ю Украинскую армию».

На следующий день уже из Никитовки я сообщал Ленину: «На северном участке Донского фронта, после пятичасового боя, занята нами ст. Каменоломня. У Ростова взяты с бою селения Султан-Салы, Крым, Чалтырь и ст. Хопры, захвачены орудия и 6 пулеметов. Мобилизация, объявленная Походным штабом Назаровым, малоуспешна. Испробовав нашего артиллерийского огня, казаки станицы Гниловской разбежались. С южным участком фронта установлена связь и, согласно данного указания, части 39-й дивизии, занимавшей Торговую и Тихорецкую, перешли в наступление. 13-го февраля ими занят с бою Атайск в 10-ти верстах к югу от Ростова».

Этим действием армии Автономова заканчивалось стратегическое окружение противника. Теперь надлежало суживать затянутую петлю, и быстрым ударом по главному направлению отрезать врага.

Г Л А В А ХІ

Последние дни Новочеркасска. «Сегодня взять Ростов!» Взятие Ростова
Новочеркасска. Преследование Корнилова.

Подводя итоги, Доцревком, значительно сглаживая неблагоприятные для нас обстоятельства, сообщал к всеобщему сведению в середине февраля.

«На Дзю 3 и 4 февраля производилась очистка района Глубокой и Каменской от остатков Чернецовского отряда. Положение В. Р. К. стало укрепляться. 5-го февраля революционные части заняли Паревку; Глубокая, к этому времени, была совершенно свободна от войск. 5-го февраля объявлена мобилизация по волостям, хуторам, станицам; старые от 35 до 45 лет остаются с оружием в руках защищать на местах новую Советскую власть, а молодые от 20 до 35 лет формируют отряды для решительной схватки. 6-го февраля был захвачен плен, удирающий на телеге из Урюпина, организатор разгрома Ростовского совета генерал Потоцкий с адъютантом штаба, они были переданы в распоряжение Саблина. По словам последнего Таганрог в руках восставших рабочих. Первый день мобилизации дал удовлетворительные результаты — явился с хорошим настроением, но чувствуется недостаток организаторских и агитаторских сил. 7-го февраля из Царицына сообщают, что революционное движение широко разлилось по Северным Округам области. В Двойной был съезд, постановивший бороться с Калединым, организовываются советы в Котельникове, Урюпинске, Усть-Медведицке, Михайловском, Морозовской и др. В Урюпинске и Усть-Медведицке организованы военно-революционные комитеты, которые взяли власть в свои руки. И казачьи части и население признают советскую власть. Решили также бороться с Калединскими партизанами, против которых сильно

возбуждение. 39-я (неказачья) дивизия заняла Торговую-Тихо-еукую, установив контроль поездов. В Царицыне организован военный-Полевой штаб во главе с казачьим офицером Автономовым, членом бывшего Войскового Круга. Последний избран командующим революционными войсками Северных округов и области.

Наступление, начато 7-го февраля, продолжалось до 10 февраля, Каменское ожесточенно обстреливалось с обеих сторон. 10-го февраля в 21 час. в Каменскую вступили революционные войска. 11-февраля В. Р. К. готовился к переезду в Каменскую. За последнее время в штабе первой Южной армии (Петрова) были замечены случаи пьянства. В. Р. К. Донской области и командующий червонной Южн. армией решили показать недопустимость такого позорного явления в революционной армии, арестовали нескольких. Впредь все замеченные в пьянстве будут арестовываться, предаваться суду. 8-го февраля были получены сведения, что революционным отрядом, состоявшим из Царицынского отряда, части 2-го пешего казачьего полка, неказачьих частей, 23 и 40-го каз. полков, занята ст. Чир и станция Чирское, без боя, очистив их от партизанов. Из партизанов убито 3, есть арестованные, в революционных частях потерь нет. Революционным частям из Царицына были посланы подкрепления, им было предложено присоединить также к себе по пути революционные казачьи части. Эти отряды имеют приказание двигаться дальше по Донецкой области, давить на Зверово, чтоб соединиться с Каменскими революционными войсками и действовать заодно. Были получены сведения, что Саблин тоже производит давление на Лихую. 12-го февраля из Каменской сообщали, что туда перешел областной казачий военно-революционный комитет. Положение в области хорошее. Большинство населения на стороне революции. Председатель Бюро В. Р. К. Донской области».

Это извещение Бюро Донревкома свидетельствует, между прочим, об изрядной оторванности Бюро от наших отрядов — Саблин уже 9-го февраля был у Сулина, а Бюро сообщает: «Саблин тоже производит давление на Лихую».

Из Новочеркасска приходили смутные сведения о царящем там смятении и лихорадочных приготовлениях. Объявленная

12-го февраля Донправительством мобилизация офицеров дала ничтожные результаты. Был издан приказ о расформировании всех полков донского казачества, кроме, номерных 3, 5, 7, 9, 11, 13, 16, 17, 18, 21, 28, 29, 36, 40, 48, 49, а также двух гвардейских и формируемого в Сальском Округе — калмыцкого. Этот приказ обнаруживал на кадры каких приблизительно частей рассчитывало Донское правительство. Газета «Вольный Дон» перестала объявлять о формировании партизанских отрядов Семилетова, сотника Грекова, хорунжего Назарова, штаба Сибирского отряда, студенческих дружин, «дивизиона смерти» Донской военной дружины, отряда подъесаула Боброва, батальона «совета Союза казачьих войск», семинарской сотни, полеского уланского эскадрона «им. Понятовского» и т. д.

Избранный, вместо Каледина, съехавшимися на Большой Круг делегатами атаман, генерал Назаров развивал кипучую деятельность. Он выпустил свирепый приказ об объявлении Донской области на военном положении и объявил мобилизацию станичников. Ближайшие к Новочеркаску станицы зашевелились. Одновременно казалось, что старое богатое казачество этих станиц будет в состоянии создать Новому Донскому правительству некоторую опору. Но так казалось только на первый взгляд.

Большой Круг должен был открыться в Новочеркасске 17-го февраля. Но съехались едва $\frac{1}{5}$ делегатов, Круг назвался «Малым» и открылся 18-го февраля, под председательством Волынинова. Еще до официального открытия, 16 февраля, Круг, ввиду неисполнения рядом станиц приказа о мобилизации и формировании дружин «народной армии», постановил «ввести смертную казнь для применения ее военными судами по законам военного времени».

К этому времени, в Новочеркасске находились, кроме регулярных частей, следующие дружины: — 1 Новочеркасская (до 500 чел.), Аксаянская (до 150 чел.), Богаевская (250 ч.), Мелховская (200 ч.), Раздорская (100 чел.) и Сусатовских хуторов (100 ч.).

Новочеркасск объявлен на осадном положении.

В станицы Кривляинскую, Заплавскую, Бессергеновскую, Мелховскую, Богаевскую, Раздорскую и Кочетовскую — посланы отряды с приказом выступить, под угрозой ареста.

11 казаков Грушевской станицы были преданы военному суду.

Все это свидетельствовало о болезненном состоянии Дон-правительства.

Н. Саблин, несмотря на эту в общем благоприятную обстановку, затягивал операции, ожидая весьма серьезного сопротивления каледнищев пред Новочеркасском.

Воздушная разведка давала самые скудные сведения, но подвешивала какие-то подготовительные работы противника у казачьих лагерей.

Я, придавая попрежнему главное значение удару на Ростов, был озабочен, главным образом, подталкиванием Сиверса.

Сиверсу приходилось преодолевать все возраставшее сопротивление противника.

С начала февраля в Ростове обосновался штаб «Добровольческой Армии» (из Новочеркасска). Усиленная работа по ее формированию довела численность ее до 4.000 штыков, 200 сабель, 12 орудий. К этому надо присоединить различные партизанские отряды (Грекова, Семилетова и т. д.) и казачьи дружины (Гниловскую, Аксайскую, Старочеркасскую).

Особенной стойкостью отличались — Корниловский ударный полк, три офицерских батальона, юнкерский батальон и добровольцы Семилетова. Георгиевский полк был слабоват. Артиллерия действовала превосходно. Но противник сильно страдал от недостатка патронов и особенно артснарядов. Громадным нашим преимуществом являлось подавляющее превосходство в артиллерии, хорошо руководимой и не терпевшей нужды в снарядах.

Серьезнейшее значение имела также обеспеченность нашего тыла, в изобилии пополнявшего наши потери. Корниловцы же должны были не мало сил уделять на удержание в страхе и трепете большого рабочего города — на караулах в Ростове они держали «Ростовский Добровольческий полк», пару батальонов (офицерский и корниловский) и разные мелкие части.

21-го февраля Сиверс от ст. Хопры и Генеральского Моста повел наступление к Ростову. Главные бои завязались близ хуторов Олимпиадовки и Куренева. Противник сопротивлялся упорно. К нему подошли новые подкрепления (ростовские фор-

мирования, Старочеркасская дружина). Терпя недостаток в снарядах, он слабо отвечал на сильный огонь наших батарей.

По данным нашей воздушной разведки мы знали, что противник собирается эвакуировать Ростов. На аэроснимке Ростовского вокзала видно на путях большое количество поездов в сторону Аксая.

Брала страшная досада за медлительность нашей конницы Батайской группы.

22-го февраля я был в штабе Сиверса, двинувшемся вслед наступавшими по рыхлому снегу нашими частями к Гниловской Кавдивизия, из-за распутицы, крайне медленно совершала свой захват Ростова с севера, нацеливаясь на Аксай - Кизитеринский. Автономову в Батайск было послано мною предписание занять Ольгинскую, отрезывая корниловцам путь на Кубань. Но не было известия о получении им этого приказа.

Наша тяжелая батарея по кирпичному заводу у Ростова. Легкие батареи громили Гниловскую, отплавляя станинникам попытку поддержать Корнилова. В особенный раж впадали наши наводчики, при виде гордо высившегося над станицей церковного купола. По «куполу» шла азартная стрельба. Корниловская артиллерия скупо отвечала. Наши цепи двинулись вскоре вперед и штаб за ними. В станице все как вымерло. Корниловцы отступили. На площади у церкви следы разрушения от наших гранат. На путях — разгромленный санитарный поезд корниловцев. Он было уходил от нас к Ростову, но состав оторвался и пошел под уклон навстречу нашим цепям. Санитарный персонал и раненые встретили наших выстрелами и гранатами, все были перебиты. Тут же у вагонов, на снегу валялись они: две женщины, несколько мужчин, и люди — гены копошились около них.

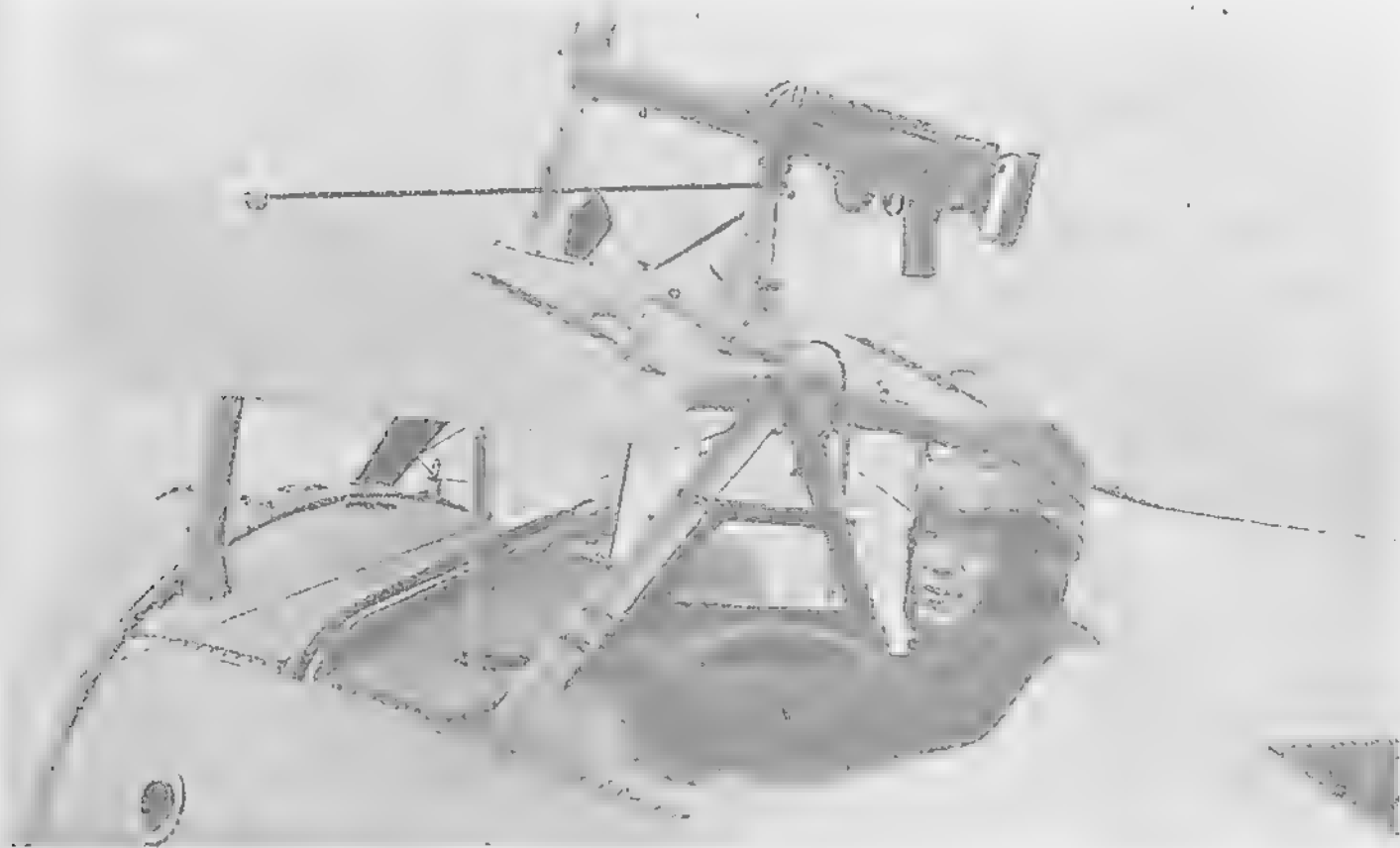
Гниловская нами взята в 12 час., следом был взят кирпичный завод, к 14 час. разбит цементный завод.

Из Гниловской я тотчас же выбрался дрезинной до Таганрога, дальше паровозом к Саблину.

У него было неблагополучно с Петровым, не желавшим подчиняться. Я помирил своих командующих, обещал Петрову более самостоятельное задание. Донревком из Воронежа сообщал, что в штабе Петрова до 140 человек бездельников, прося разо-

ать этот штаб. Эту задачу я предоставил Саблину. Положение Саблина ясно рисуется из следующего его доклада, размишавшегося со мною и полученного мною позднее:

«25/II—1918 г. Доклад Саблина. Тов. Антонову — Секретно. Мои указания насчет казаков приму к сведению. Голубов категорически настаивает на обходном движении с левого фланга направления Шахтная-Мелеховская-Бессергеновская-Новочеркасск. Принужден был согласиться, в виду крупного значе-



Красный летчик Шуман

я подобной операции, при условии производства ее каковыми частями. Выступят они 23-го, 24-го будут на параллели срановки; 25-го — в Мелеховской; 26-го — в Бессергеновской, дальнейшее движение в зависимости от обстановки.

«Сами казаки обоих полков¹⁾ настроены гораздо более революционно, чем их командный состав. Завтра устраиваем большой митинг, где выступят наши матросы и латыши.

«Петров в день моего пребывания у вас — неожиданно выехал в Воронеж (с артиллерией и 31-й сотней), где было восстание монахов. Там его вначале собирались арестовать и Моисеев (председатель В. Р. К.) и его собственный штаб, потому-то все время находящийся в Воронеже. Затем с Моисеевым помирился, часть монахов разогнал, а одного из известных

¹⁾ Примечание. 44 и 27 каз. полков.

максималистов Сахарова—арестовал и привез с собой. По моему требованию, дело Сахарова будет расследовано армейским комитетом и, в случае его невинности, в виду недопустимости необдуманных арестов серьезных политических деятелей такими политическими нулями как Петров, буду принужден принять некоторые меры по адресу Петрова».

«Сегодня он здесь, прочитав ваш приказ от 17-го в 5 номере «Известий» и воспользовавшись странным содержанием § 2, где вы утверждаете в должности командующего Юго-Восточным фронтом самого себя¹⁾ и тем, что он до сего времени считал себя командующим армией, командующим Юго-Восточным фронтом и т. д., замутил весь свой отряд, который и послал в мою пеленую телеграмму.

«Петров, конечно, уверяет, что ему еле удалось сдержать благородные порывы солдат, оскорбленных тем, что обойден боевой командир, но что телеграмма была послана без его ведома, но требование об изменении приказа, гласящего в § 2, вас, Сиверсе и мне, поддерживает в пределах необходимости упомянуть и о нем, говоря, что в противном случае солдаты пожалуй совсем оскорбятся и уедут на Румынский фронт. В случае дальнейших действий, я, опираясь на истинно революционные части, с представителями которых я уже переговоры вел, как то:—на Кронштадтцев и Черноморцев—не останавливаюсь перед репрессиями как по отношению к Петрову, так и к тем, кто посмеет дезертировать, хотя бы под флагом благородного негодования.

«Пишу сейчас из Зверева, куда прибыл, чтобы поставить перед Петровым вопрос—выступает он или нет.

«Получил ответ—что он всецело в моем распоряжении торжественные заверения о том, что завтра он выгрузится Шахтной. Двигаться будет по шляху, верстах в 10-ти от жел. дор. с левого фланга.

«В день моего пребывания у вас, после того, как наша батарея обстреляла появившуюся было пулеметную площадку и

¹⁾ Примечание автора. В приказе № 17 п. 2 говорит об утверждении в должности командующего Юго-Вост. армией тов. Антонова, — в печати опубликовано «Антонова», — отсюда недоразумение у Саблина и Петрова.

приятеля, противник перешел в наступление¹⁾, одновременно по линии жел. дор. с обоих флангов—тремя отрядами силою 400—400 штыков каждый. Первоначально ему, благодаря неожиданности нападения, удалось почти вплотную подойти к эшелонам и захватить выдвинутые, вопреки моему приказанию, далеко вперед пушки Харьковского отряда. Последовавшей затем контратакой, в которой особенно хорошо действовали Кропштадтцы в которой принимал участие 27-й казачий полк, противник был отбит, наши орудия отбиты, и немедленно открыт из них обстрел отступавшего неприятеля.

«Наши потери 2 убитых, 6 раненых, потери противника—около 70—80 убитых.

«Раненых нет—пленных тоже.

«Понемногу обрисовывается позиция у Перснатовки, там есть блиндажи, служившие ранее при учебной артиллерийской стрельбе, местность, следовательно, пристрелянная.

«Кроме того, все дачи и лес окружены канавами, много каменных построек, есть возвышенности с обстрелом во все стороны. Придется брать сложным развертыванием сил с обстрелом тяжелой артиллерией с фронта и ударом пехоты с флангов.

«В присланном мне вагоне телефонного имущества, кстати сказать, целый месяц стоявшего в Константиновке, оказалось всего 6 верст провода и старые испорченные аппараты. Очень прошу выслать еще проводов, из числа пришедших в день моего пребывания у Вас.

«С правого фланга у меня 600 штыков с 6-ой конной 2-оружийной батареей, выгрузились с Рудничной ветки, идущей на запад от Горной, заняли Кошкин, Несветайск и идут на юг тем, чтобы левым флангом войти в связь с моим отрядом, стоящим в Кутейникове, отдельные люди которого были у меня, правым флангом наступать на Перснатовку с запада на восток.

«Командует этим отрядом Медведев. Кстати сказать, Медведев пока помощи приносит мало; больше чешет языком и не особенно много, зато особенно нетактично. Мне с ним хлопот много, особенно, когда он в присутствии казаков начинает говорить о том, что,

¹⁾ Примечание. У ст. Каменоломня.

покончив с Калединым, мы примемся за зажиточных помещиков или, придя в Кронштадтский отряд, где много левых эсеров и анархистов, начинает им доказывать, что для успешного хода русской революции их всех надо повешать и т. д.

«Перед наступлением на Перснановку пришло вам со специально посланным план наступления. Комвойск Саблин».

22-го Саблин начал наступать в центре и выдвинулся в 5 верст от Каменоломни. Но тыл у него был все еще не вполне надежен. Раз за разом 22 и 23-го февраля произошли явно злоумышленные крушения — разбиты 3 платформы с бронетанками и несколько вагонов с воинским снабжением.

23-го я направлялся вновь к Сиверсу. Вечером получил следующую телеграмму:

«Экстренно. Антонову. Сегодня во что бы то ни стало взять Ростов. Ленин».

Мы запоздали на несколько часов против этого приказа.

Войска Сиверса были так утомлены, что едва передвигались. К вечеру 23-го мы уже вступили в предместья Ростова, сломив отчаянное сопротивление корниловцев у кирпичного завода окраины Темерника.

Городская Дума выслала к Сиверсу особую делегацию, молившую не обстреливать города и заверявшую, что корниловцы его покидают без боя.

К вечеру 24-го Ростов был прочно занят. Но части Сиверса в том числе и 4-я дивизия, были так утомлены, что оказались неспособными преследовать противника. Я спешно вызвал в Ростов из Таганрога отряд Шарова.

Еще более неприятным было известие о неисполнении группой Автономова приказа о занятии ст. Ольгинской. Было совершенно ясно, что, если мы не займем этой станции, то корниловцы, используя переправу у Аксая, уйдут в Сальский округ или на Кубань. Я немедленно лично направился в Батайск, чтобы добиться исполнения моего приказа.

Мост на 6 версте от Ростова к Батайску оказался взорванным корниловцами. Перебираться пришлось по льду. В штабе Батайской группы я застал полный беспорядок. Ставропольский полк оказалось, уже ушел самовольно в тыл. 112-й Бакинский — митинговал. Я был на этом митинге. Слушали меня, как будто

чувственно. И подозрительный тип, большой горлопан (впоследствии я узнал, что это бывший поручик полка, осолдавшийся после революции), упрямо подбивавший солдат не исполнять приказа о движении к Ольгинской, не встречал как что одобрения. Полк принял при мне решение выступить.

Вернувшись в Ростов я послал Саблину следующее письмо: «Моходным движением отряд Сиверса так переутомлен, что даже на сутки нуждается в отдыхе. Сообразуйте с этим ваше движение. Сведения от вас не приходят и это крайне скверно, но согласованность совершенно необходима. Из Ростова бежали 3.000 вооруженных и не вооруженных калединцев, оставив исправных броневика и 8 орудий, к которым найдены и замки. Часть бежала на Кубань, что было нетрудно из-за мало вдумчивой работы Батайской группы (станция Ольгинская—путь из Ростова—оказалась не занятой нами).

«Получены сведения, что в ряде городов существуют штабы Добровольческой армии. Пошлите немедленно секретно для ареста и препровождения в Москву: гор. Пенза генерала Рязанова, Ярославская соб. дом; Предводителя Дворянства Шеншина и членов продовольственного комитета (фамилии не знаю), образующих комитет для доставки пополнения Добровольческой армии. Гор. Саратов — капитан, князь Макаев и с ними трое поверенных (легко захватить вместе, фамилии неизвестны).

«В Новочеркасске — до семи, если не до 12 тысяч, способных к борьбе. Жду ваших сообщений. Нарком Антонов, 25-го января 1918 года.

В Ростове ждала меня делегация из Новочеркасска от Малого Круга.

Совсем не трудового облика делегаты заявили мне, что Круг согласен на немедленное удаление из области Добровольческой армии и ее штаба и высылку всех членов бывшего Временного правительства и других контр-революционеров, на следующих условиях:

1) прекращения нами военных действий и невступления в Новочеркасске, 2) беспрепятственного созыва Краевого съезда всего населения на основе всеобщего и прочего избирательного права, 3) оставления на Дону дружин из казаков, 4) Военно-революционный Комитет посылает представителей на Круг.

Суть моих переговоров с этой делегацией изложена в следующей моей телеграмме:

«Из Таганрога № 920, 26/II — 1918 г. Вчера прибыла в Ростов делегация Малого Войскового Круга Войска Донского в составе Кодорова, Планшена, Аресьева, Иванова и Карасева. Эта делегация предложила советским войскам прекратить военные действия и не входить в Новочеркасск, допустить беспрепятственно созыв Краевого съезда из казачества и остального населения Области. Со своей стороны, Малый Круг обязывается потребовать немедленного ухода из Донской Области добровольческой армии и ее Штаба, обязуется выслать из Области всех членов 6. Временного Правительства, но оговаривает возможность беспрепятственно оставаться на Дону казакам из казачьих дружин. Приглашает нас послать делегацию в Новочеркасск. На мои вопросы о политической платформе Малого Круга — ответили, что она еще лишь определяется, что Круг лишь по недоразумению вынес резолюцию о борьбе с советскими войсками, так как полагают, что эти войска посягают на самостоятельность Дона. Лишь Краевой Съезд определит отношение казачества. Центральным вопросом является вопрос об автономии Дона с правом самостоятельности разрешения земельного вопроса. Я не дал окончательных обещаний, заявив, что военные действия в районе Ростова прекратить не могу, так как Корниловские войска сосредоточены в его окрестностях, об остальном дам ответ после совещания с вами. Прошу немедленно дать указания, лучше всего будет снестись с казачьим отделом Ц.И.К., послать от него представителей надо. Малый Круг собрался, вместе с Большим Кругом, который был сорван выступлением военным революционного казачьего Комитета, он объявил себя вместе с Областным Правительством властью на Дону и распорядился о мобилизации боевых казачьих сил против советских войск. Эта мобилизация успеха почти не имела. Успехи наши по Ростовом и у Каменоломни и побудили Малый Круг послать свою делегацию. Я должен дать им ответ в течение двух суток. Поспешите с указаниями. Корнилов и корниловцы стараются прорваться к Екатеринодару к дикой дивизии. Дивизия еще не ликвидирована. Из-за порчи железных дорог и некоторой расхлябанности не сможем помешать. 1200 Нарком Антонов».

В связи с появлением делегации от Малого Круга, опасаясь за состояние дел у Саблина, я решил лично отправиться к нему. Перед отъездом из Ростова утвердил военным комиссаром тов. Войцеховского, которому оставил следующую, наспех набросанную, весьма характерную «программу»:

«Тов. Войцеховскому. Вам надлежит прежде всего опубликовать сообщение об объявлении Ростова и Нахичевани на военном положении от моего имени. Объявление Ростова и Нахичевани на военном положении утверждаю. Военным комиссаром назначается тов. Войцеховский, Нарком и т. д. Затем, с разработанной программой обратитесь в В.Р.К. и предложите совместную работу на основе этой программы. Если не захотят, то ищите других, кто захочет, из представителей партии большевиков и левых эс-эров. А эта программа должна быть примерно такова:

1) Оружие отбирается у всех, кто не является красногвардейцем, неподчиненным В.Р.К. или нашим отрядным начальникам или солдатам нашей армии.

2) Все остальные должны оружие сдать под угрозой ареста Ревсуда.

3) На оружие выдается В.Р.К. специальное разрешение.

4) Обыски и реквизиции только по разрешению военного комиссариата, отрядные начальники действуют также только по разрешению В.Р.К.

5) Грабители объявляются вне закона и убиваются на месте.

6) У спекулянтов имущество конфискуется и суд — низшее наказание (наименьшее) городские работы по очистке улиц и т. д.

7) Все грязные увеселительные заведения обыскиваются, закрываются и их помещения конфискуются для детских школ, клубов и т. д.

8) Все винные склады, кроме технических и врачебных, как-то передаются под надлежащую охрану и в заведывание ответственных органов, уничтожаются.

9) Тот, кто спаивает, объявляется вне закона и, как провокатор, истребляется на месте. Торговцы водкой идут под суд, имущество их конфискуется, как и их заведения.

10) Городская дума распускается, вместо нее — продовольственная, жилищная, врачебно-санитарная, культурно-просве-

тельная Комиссия из представителей сведущих лиц под контролем членов В.Р.К.

11) Все товары берутся на учет, все крупные торговые фирмы—под контроль служащих, цены—без прибыли только покрывающие издержки; фабрично-заводские предприятия по рабочий контроль; проводится прекращение квартирной платы мало имущими жителями—нормы устанавливаются по соглашению, порошники и просторные жилые помещения конфискуются и проводится уравнильное пользование квартирами муниципализация аптек и медицинских магазинов, бесплатная врачебная помощь.

«Банки национализируются. Золото и серебро—в Государственный Банк, который—под строгий контроль, выдача только через Комиссара.

«Особая комиссия содействует Совету для составления маршрутных поездов и т. д.

«При просветкомиссии совета создается группа лекторов для занятия в клубах, руководителей для занятий с детьми и т. д. Особо - Издательская Комиссия для издания революционной газеты и вообще революционной литературы.

12) Особая судебная комиссия, под председательством назначенного В.Р.К. лица, ведет список заведомых контр-революционеров, конфискует их имущество, их обезвреживает.

13) Все газеты, кроме органа В.Р.К., — закрываются.

14) Совет распускается и назначаются новые выборы.

15) Вводится обложение городским налогом всех имущих, возрастающее до полной конфискации у контр-революционеров.

16) Все городские служащие удовлетворяются содержанием на основании норм, выработанных их союзом и согласно требованиям большевистской муниципальной программы.

17) Комитет общественной безопасности арестовывается, созданная им армия разоружается, как и домовые комитеты.

18) В музей все исторические редкости, в Государственный банк все драгоценности—конфискации в пользу государства, предлагается все сдать добровольно.

«Далее вы содействуете организации Ростовского Революционного полка, взяв офицеров от 3-го Латышского полка и солдат по преимуществу из бывших на фронте. Это, конечно, далеко и

— организация, вместо милиции, красной гвардии для охраны революционного порядка, организация Революционного Суда и т. д. (Псков. 25/II 1918 г.).

С Шиверсом я сговорился о выделении специального отряда (Шимановского) для преследования корниловцев. Эта же задача поручена и Шарову (он с 21 февраля был в Таганроге, откуда вызван с 200 конниками и 2 орудиями в Ростов).

Отдав эти распоряжения, я выехал через Таганрог, Дебальцево, к Саблину.

Уже в Сулине я узнал, что Саблин со штабом направился Новочеркаску. Мост на р. Ряжи (8 вер. от Сулина) был сожжен еще 21-го февраля, и мой тяжелый «Сухомлиновский» вагон проскочил без греха. 27-го февраля вечером въехал в полный приглушенного шума и затеянного движения Новочеркасск. В ярко освещенном дворце наказного атамана — штаб Саблина и члены ревкома. Мне показывают «голубую комнату» Маледина, его окровавленную кровать. Рассказывают подробности занятия Новочеркасска.

Малый Войсковой Круг заседал спокойно. С фронта приходили вести более или менее успокоительные.

Газета «Вольный Дон» выходила аккуратно и аккуратно общала читателей, что все пока еще благополучно. Стратегическое окружение налицо. Но это не то, что окружение тактическое. «Стратегическое окружение даже выгодно для нас», писал военный обозреватель официальной газеты — мы целиком охраняем инициативу и можем бить врага по любым направлениям. Наступающие «немцы и латыши» не страшны Донобластным казакам, которые в великом порыве идут на помощь своему Дону». И тут же невольный ряд фактов, совсем в разрез этому жизнеутраченному тону.

В Новочеркасске — порядочное количество войск, но их... не выведешь на фронт. В Новочеркасске — масса офицерства, оно объявлено мобилизованным, но не является на мобилизацию. Много урапатриотов, но мало желающих рисковать своей шкурой.

В Новочеркасске как будто все благополучно, а ценности уже на подводах, именитые люди уже в бегах, атаман Попов со своими станичниками (до 1500 сабель) крадучись, выходит из города, держа путь в Сальский округ.

Много надежд возлагал Малый Круг на свои делегации, посланные к Сиверсу и к Саблину.

25-го февраля Саблин имел с этой делегацией такой разговор: «Ставка Командующего Сев. уч. Юго-Восточного фронта. Протокол заседания делегации от Войскового Круга, с одной стороны, и Командующего революционными войсками Северного участка Юго-Восточного фронта тов. Саблина, с другой, 12-25 февраля 1918 г. с 12 ч. 45 м. до 13 ч. 50 мин.

«Заслушав наказ представителей Войскового Круга, Командующий революционных войск Сев. уч. Ю.В. фронта делает следующее заявление. В виду двоекратного напоминания о войне с Доном, заявляю, что с Доном революционные войска войны не вели и не ведут, наоборот, всемерно поддерживают трудовое казачье население, ведя борьбу лишь с буржуазией за идеалы трудящихся масс и против участия буржуазии в управлении страной.

«По вопросу первому: какие причины заставляют войска Совета Народных Комиссаров быть в положении войны с Доном?

Последовал ответ: непризнание идеи Советской Республики, Совета Народных Комиссаров, декретов его, непризнания власти Областного Военно-Революционного Казачьего Комитета, факта наличия в Области В. Д. партизанских, юнкерских, офицерских и иного рода отрядов, оказывающих противодействие войскам Казачьего В. Р. К. и революционным войскам С. Н. К., непрекращающееся гонение на советские и иные рабочие организации.

«По вопросу второму: какие цели они преследуют, последовал ответ: Восстановление прав трудящихся, разогнанных Советом, упразднение казачьего и иных сословий и связанных с ними преимуществ.

Примечание: Декреты Совета Народных Комиссаров остаются в силе; создание в Области Войска Донского власти Советов Казачьих, Рабочих и Крестьянских Депутатов, к которым переходит вся полнота власти в Области от Войскового Круга.

«По третьему вопросу: по чьему распоряжению производится наступление на Дон — последовал ответ: По распоряжению Совета Народных Комиссаров в полном единении с Областным Казачьим В. Р. К.

«По четвертому вопросу: Почему в рядах войск Совета Народных Комиссаров есть германские и австро-венгерские военно-

...е, был ответ: В рядах революционных войск, стоящих за
...форму третьего Интернационала (левые эс-эры и большевики),
...одятся интернационалисты австрийского и германского проис-
...ждения, заявившие, что они равно пойдут воевать как против
...еской контр-революционной буржуазии, так и против австрий-
...ой и германской буржуазии. Командующий Северным участком
...онта Саблин заявил, что протокол настоящего заседания бу-
...дведен им до сведения Совета Народных Комиссаров.

Протокол подписали: Командующий Рев. войсками сев. участка
...В. фронта Саблин. Члены делегации: Петров, Ершов, Марков
...две подписи неразборчивы».

Тем временем развивается наше наступление к Новочеркаску.
...Голубов идет кружным путем к столице контр-революции. Его
...ры ускорен. 23-го он в Раздорской — на ночлег в Мелеховской,
...тем в Бессергеновской, и 25-го утром через Копельницкую
...стает в Новочеркасск, и прямо — к зданию Малого Круга. Весь
...уг, дрожа, встает на властный окрик Голубова, нежданно во-
...авшегося на заседание. Малый Круг разогнан. Несколько верхо-
...дов во главе с Назаровым — в тюрьму.

Голубов на несколько часов опередил центральную группу
...блина. 26-го в 12 час. в Новочеркасск входит Медведев,
...в 17 час. — Петров, сильно обиженный, что его опередили.

Комендантом Новочеркасска Саблин назначает Медведева.
...о начало разрыва с Голубовым.

Ревнивый к своему авторитету, разделявший с массовыми
...заками недовольство вмешательством в «Донские дела» север-
...ых пришельцев, Голубов с этого дня начинает готовить
...меленький переворот в Новочеркасске.

Я не имел тогда времени вдуматься в сложившееся положение.
...ограничился твердыми указаниями Медведеву держать тесный
...онтакт с Донревкомом, не выпячиваться политически, обуздывать
...оппштадтцев и черноморцев.

И в тот же день я поспешил прямым путем в Ростов, вслед
...Саблиным, выехавшим туда же на бронеплощадке. Путь ока-
...лся свободен. Легко постреливали только у Аксая.

В Ростове чувствовалась еще разладица. В городе кое-где
...здавались провокаторские выстрелы, ночью доходило до беспор-
...ядочной ураганной пальбы. В Штабе Сиверса открылся импро-

визированный ревтрибунал, который жестоко расправлялся с белогвардейцами, захваченными с оружием. Обывательская молва в тысячу раз преувеличивала эту расправу. Рупором этих слухов явились меньшевики в совете депутатов, во главе с тов. Васильевым. Этот господин истерически вопиял о том, что большевики расстреливают гимназистов, кадет и других «неповинных детей», творят грабеж и всяческие насилия. Военно-Революционный Комитет, составленный из неособенно твердых товарищей, не находил смелости резко порвать с меньшевиками и проявлял склонность поддержать их протест против наших «зверств». Такое настроение Ревкома воздействовало на кой-кого из наших боевых товарищей. Товарищ Е. Трифонов, комиссар первого Петроградского красногвардейского отряда, подзуженный этим обывательским нытьем, выступил в Совдепе с обвинительной речью против бесчинства и бессудных расстрелов, творимых отрядом Сиверса. Это выступление было восторженно встречено меньшевистско-соглашательской частью совдепа. Васильев обвинил Трифонова, но общее собрание Петроградского отряда резко осудило поведение своего комиссара и постановило о передаче его товарищескому суду. Постановление это было мною утверждено 2 марта.

В том же приказе от 2 марта я объявил и о другом позорном явлении — 112-й полк так и не выполнил приказа о занятии ст. Ольгинской, что спасло остатки корниловцев от разгрома. 112-й полк самовольно отбыл из Батайска в Ставрополь демобилизоваться. Я заклеил поведение 112-го полка и предал его командира и комиссара Сухоцкого ревсуду Юго-Восточной армии.

Из-за недисциплинированности 112-го полка и полнейшей переутомленности отрядов Сиверса, организовать преследование корниловцев толком не удалось.

Тов. Шаров, со своим небольшим отрядом, вызванный мною из Таганрога, только 24-го въехал в Ростов (у него 1 батарея 4-я Сибирская и 2 эскадрона).

В ночь на 26-ое корниловцы переправились у Ольгинской через Дон. Всего их было до 5.000 с 8 оруд. Шаров, установив связь с отрядом Шимановского (до 300 пехоты) и Черноморской батареей (у ст. Аксай), обстрелял Хомутовскую и переправился вслед Корнилову. Шимановский должен был действова-

Хомутовской, батарея обстреливает Ольгинскую. Летчики из Таганрога и Новочеркасска вылетели для разведки пути Корнилова и бомбардирования его колонны.

Сиверсу я предписал занять прочно Батайск и Кучевскую, не допуская Корнилова прорваться к Екатеринодару.

«Тов. Сиверсу, 27/II—1918 г. Прибыли: Макеевский отряд 10 штыков, батарея 5 орудий и 25 пулеметов; Таганрогский отряд — 200 штыков 4 пулемета, они посылаются на ту же дорогу. Примите на себя командование всеми силами, сосредоточиваемыми в районе жел. дор. до Тихорецкой. Вам, помимо отряда и 3-й Латышский) будут подчинены 2 батальона Бакнинского и батарея 39-й дивизии. С этими силами и другими с вашей Хомутовской группы организуйте охрану ж.-д. линии до Тихорецкой и противодействуйте прорыву корниловцев на Кубань. Помимо сего, следует установить тесную связь с Ейском от Таганрога, разведку в Азов и чистку Азова, разведку по линии ст. Сосыка-Ейск до разъезда Новоминский и разведку по линии на Торговую. Обращаю ваше внимание на желательность сведения вами в ваш штаб по вашему усмотрению кого-либо из Бакнинского полка и из штаба Батайской группы».

26-го февраля тов. Шаров занял без боя Старочеркасск и 27-го настиг у Хомутовской колонну Корнилова. Он сообщал об этом в записке от 29-го февраля:

«Со станции Аксай. Записка, Ростов, Наркому Антонову, тов. Сиверсу. — Доношу, что мною станция Старочеркасск взята без боя. На общем собрании казаков, в Старочеркасске, вынесено постановление, в котором выражают полное доверие, поддержку и подчинение власти Наркома, как единой Российской и Донской власти. Постановление у меня. Также и станция Ольгинская такое постановление вынесла. Вел бой под Хомутовской с четырехтысячным отрядом «Белого Дьявола», который был под командой Корнилова. Потерь у меня нет, а в время девятичасового боя убита у меня лошадь, четыре пулемета расплавились в бою. Участвовали пехота, в составе 40 человек, кавалерия и 3 орудия моего отряда. Противник переходил несколько раз в контр-атаку, его артиллерия с такими колоссальными пехотными и конными силами побита мною здорово.

Потерь у него около 600 человек; преследовать его я не могу. Мои лошади двое суток были в упряжи, таская артиллерию 36 верст, измучились, как и пехота и артиллеристы. Я вошел в Ольгинскую и мобилизовал казаков за 4 года перемены, которые могут быть нашим оплотом здесь на месте. Я получил предписание с Шимановским двинуться по направлению в человеческий походным порядком. Я не могу, так как был два раза в боях без всяких подкреплений. Если двинуться эшелонами железной дороге через Батайск, то через час выступим. Прошу вашего распоряжения. Предписание, которое подписано штабом колонны, вручено мне вчера 28-го в 4 часа дня. Ростов Большая Садовая 53 Начальник Колонны Потапов. Прошу также сказать, в какой колонне я нахожусь, и от кого я должен получить распоряжения, ибо я вступаю с бой самостоятельно, а подкрепления просить не от кого. Хорошо, что я и так захватил 4 трехдюймовых орудия».

Выяснилось, что отступающих корниловцев в Аксайской станице встретили весьма недружелюбно и настаивали, чтобы они поскорее убирались. В Ольгинской Корнилов пытался произвести мобилизацию казаков, но бывшие фронтовики не допустили.

Летчик Шурин на «Сопвиче», имея наблюдателем Крайнова, доставил некоторые сведения о движении корниловцев. Вылетев из Новочеркасска в 11 ч. утра 1-го марта в час дня он был над Хомутовской. По пути из Ольгинской к Хомутовской виден обоз в 30 подвод. Посреди пути между Хомутовской и Кагальницкой — сгружена батарея, коновязь; сброшено 3 бомбы, попавшие между коновязью и батарейными ящиками. В Кагальницкой — сосредоточение подвод. От Кагальницкой летчик повернул над Хомутовской к Новочеркасску.

Путь Корнилова приблизительно определен. Я решил, ограничиваясь преграждением Корнилову пути на Кубань, сосредоточить усилия против Екатеринодара, закрепить Советскую власть на Кубани, а затем уже прикончить и Корнилова, отброшенного в Юго-Донские степи.

Распоряжения в этом смысле были мною даны Сиверсу и Автономову. Последнему я писал 28-го февраля:

«Тов. Автономову. Командующему Юго-Восточной армии. Командование над революционными частями, действующими

Сасыка-Ейская, мною передано тов. Сиверсу. Вы отправьте в Тихорецкую и далее, где нужно, для организации района Ейско-Княжеская-Тихорецкая-Ставрополь, для подготовки населения на Екатериноподар».

В тот же день мы получили следующую приветственную телеграмму, одновременно служившую и ответом на мое сообщение о пожеланиях Малого Казачьего Круга:

«Ростов/Дон Антонову из Петрограда № 1220, 28/II—1918 г. ч. 40 м. Наш горячий привет всем беззаветным борцам за социализм, привет революционному казачеству. В ответ на вашу телеграмму из Новочеркасска, сообщаем, — пусть уполномоченный съезд городских и сельских советов всей Донской Области прорабатывает сам свой аграрный законопроект и представит на утверждение Совнаркома. Будет лучше. Против автономии донской области ничего не имею. Географические границы донской автономии должны быть определены по соглашению с населением смежной полосы и автономной республики Донецкого края. Послать к вам делегата не можем, здесь все занято в горло. Просим вас представлять Совнарком или назначить кого-либо по вашему выбору. 208 Ленин, Сталин».

В основном мы считали свою боевую задачу выполненной, ставалось закрепиться в жизненных районах Дона, Кубани, Северного Кавказа и добить отброшенного из них, деморализованного и лишенного источников снабжения и пополнения врага.

Эта задача представлялась уже второстепенной, перед лицом тех событий, которые разворачивались по ожившему германострийскому фронту.

ГЛАВА XII

Тревожные вести из Петрограда. Немцы наступают. Телеграфный потоп. Согласно на условия немцев — немцы наступают. Угроза Питеру. Угроза Киеву. Наши решения. Мое новое назначение.

Последние дни февраля мы работали в лихорадочном возбуждении. Приходили вести из Питера, Киева тяжелые беспокойные.

Мы знали о борьбе, которая шла в Центральном Комитете, а также в Питерском и Московском комитетах и во фракциях партий во ВЦИК, по вопросу о заключении мира с Германией. Мы, осведомленные о состоянии и настроении фронтовых частей, целиком стояли на точке зрения Ленина, еще 28-го января заявившего о необходимости согласиться на Германские условия мира. Но вначале переговоры с немцами шли, как будто, благоприятно, хотя и приобретали несколько непонятный для нас оттенок. Тов. Артем 28-го января сообщал из Питера:

«Движение в Австрии, связанное с переговорами в Бресте, не улегается, беспокойно и в Германии. Наша делегация делает все возможное, чтобы не подписывать аннексионистского мира; хотя воевать и не предполагается, но необходимо напрячь все силы для организации новой красной рабоче-крестьянской армии. Троцкий с нашей мирной делегацией вчера ночью уехал в Брест».

16-го февраля Сталин телеграфировал:

«Из Петрограда в Никитовку. Харьков. Наркому Антонову: Вся южная половина Финляндии в руках финских красногвардейцев. У белогвардейцев, во главе со старым сенатом, линия между Николайстадом и северной частью Карелии и Гельсингфорс и проч. В южных и прибрежных городах вплоть до Таммерфорса на север, власть безраздельная в руках нового Рабочего Правительства. Все данные говорят за то, что Рабочее Правительство в Финляндии безусловно победит.

«В Бресте дела обстоят пока сносно, Троцкий возмущается, что Харьковские и Киевские наши товарищи не держат его в курсе дела. Делегации старой Рады получают ложные сведения с поля битвы Голубовича о вторжении советских войск в Киев, а наши милые товарищи из Харькова и Киева добровольно мысленно молчат, не информируют Троцкого и тем своим молчанием подтверждают слухи Голубовича, укрепляя тем самым положение несуществующей Рады. Сегодня я два раза ездил Народному Секретариату, проживающему в Харькове и Киеве, сообщить Троцкому совершенно официально с обозначением даты с официальными подписями, что Киев окончательно взят Советскими войсками тогда-то, по новому стилю. Если они такого сообщения не дадут, немцы не замедлят заключить мир с несуществующей Радой для того, чтобы обеспечить себе вмешательство в дела Украины. Из Германии сведения поступают неаккуратно, по всей видимости каша заварилась порядочная».

Тут явно уже проступила опасность сепаратного мира претельской и разбитой Рады с немцами. Но все же тон скорее поконителен.

И вдруг 18-го февраля пришла копия следующего запроса Германскому Правительству:

«18-го февраля 1918 г. Наркому Антонову. Копия. Правительству Германской Империи. Сегодня 17/II нами получено сообщение по прямому проводу из Брест-Литовска: генерал Гофман заявил, что с 18-го февраля в 12 час. дня между Германией и Россией возобновляется состояние войны. Правительство Российской республики предполагает, что полученная нами телеграмма не исходила от тех лиц, которыми подписана, имеет провокационный характер, так как, если даже допустить прекращение перемирия со стороны Германии, то предупреждение об этом, согласно условиям перемирия, должно быть сделано в заседании. Просим вас разъяснить по радио относительно этого недоразумения. Л. Троцкий».

На следующий день пришло сообщение, что Германское правительство на запрос Троцкого ответило подтверждением возобновления войны. Немцы будто бы уже взяли Двинск, Минск и наступают к Петрограду.

В тот же день из Петрограда передают телеграмму Стокгольма:

«Германия и Австрия намерены взять силою оружие, чем политика не дала им. Под предлогом необходимости гарантировать исполнение трактата, австро-германские войска вступают на Украину, причем Австрия заявляет, что она не возобновляет войны против Великороссии. Германцы вступают в польские провинции, якобы для защиты своих единомышленников».

Как обухом по голове, хватили нас эти извещения. Из смертельно разбитым нами с такими усилиями тщедушным внутренним врагам — нет, в прямую им поддержку, ибо эти враги еще не добиты, — выдвигался новый, куда более грозный, враг — Германский империализм.

Найдет ли в себе силы, найдет ли в себе волю страна рабочих и крестьян, только что начавшая дышать, без армии, без твердой организации оказать сопротивление этому великолепному организованному мощному врагу.

Сообщения понеслись все ускоряющимся потоком, «в Могилеве, 20-го февраля, образован Верховный Военный Совет в составе 15 товарищей, которому передается вся полнота власти по ведению партизанской гражданской войны против контр-революционных немецких войск и своей буржуазии».

... «По постановлению Совнаркома об обороне 21 февраля Социалистическое отечество в опасности. Чтобы спасти истерзанную страну от новых испытаний, мы пошли на величайшие уступки и объявили немцам о нашем согласии подписать условия мира. Наши парламентарии 20 февраля вечером выехали из Режицы в Двинск и до сих пор нет ответа. Немецкое правительство медлит с ответом, оно явно не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм хочет задушить русских и украинских крестьян, вернуть земли помещикам; фабрики и заводы — банкирам; власть — монархистам..... Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности, пока поднимается и победит пролетариат Германии. Священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против буржуазной империалистической Германии. Совнарком постановляет все силы и средства страны предоставить для дела обороны».

- 1) Всем советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови.
- 2) Железнодорожные организации и связанные с ними Советы обязаны всеми силами препятствовать врагу воспользоваться паратом путей сообщений; при отступлении уничтожать пути, взрывать и зажигать железнодорожные станции, подвижной состав, вагоны и паровозы, — немедленно направлять на Восток, в глубь страны.
- 3) Все хлеба, продовольственные запасы, а равно всякое ценное имущество, которому грозит опасность (попасть) в руки врага — подвергать безусловному уничтожению. Наблюдение за этим возлагается на местные Советы, под личной ответственностью их председателей.
- 4) Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева и всех городов, поселков, сел, деревень, по линии нового фронта, должны мобилизоваться в батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов. В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев. Сопrotивляющихся расстреливать!
- 5) Все издания, противодействующие делу революционной обороны и становящиеся на сторону немецкой буржуазии, а также стремящиеся использовать нашествие империалистических полчищ в целях свержения Советской власти, закрываются. Работоспособные редакторы и сотрудники этих изданий мобилизуются для рытья окопов и других оборонительных работ. Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы агитаторы и германские шпионы — расстреливаются на месте.

И через некоторое время дополнительное известие:

«Наступление немцев, по сведениям, ведется отдельными отрядами разведчиков, подкрепленными ударными группами. Наши войска отступают на Северном фронте, отступившие силы стягиваются в направлении Пскова. Желдорпуть между Двинском и ближайшими станциями не оказалось возможным взорвать. Значительное количество снарядов уничтожено при отступлении, часть досталась немецким отрядам, наступающим по широкому фронту на юго-западе; перевозка австро-германских войск увеличивается.

«Возле Ровно 19-го февраля австрийцы сконцентрировались в большие полчища; здесь также сосредоточился украинский штаб, который действует в полном контакте с австро-войсками. Австрийские войска двигаются по восточной части Буковины, имеют своей задачей отрезать город Житомир от Кременчука. Австро-германские отряды, устанавливающие дозоры и застава таким образом, загромождают движение русских войск к Житомиру. Военные власти Юго-Западного фронта принимают все зависящие меры к приостановлению движения немецких войск. Формирование украинских отрядов в районе Волыни идет усиленным темпом. Украинская Центральная Рада снабжает австро-германские войска провиантом. Германские войска появились в 12 верстах от Витебска, военные власти распорядились об уничтожении железнодорожной Витебск-Полоцк. Благодаря усилиям военных властей, удалось сформировать отряды русских войск для противодействия австро-германцам в районе Витебска. По имеющимся здесь сведениям, германские войска поставили своей задачей занять Минск и приблизиться к Могилеву для того, чтобы захватить главный червь русских (фронтов), однако, есть надежда на то, что Витебск удастся отстоять, ибо из Могилева туда же двинуты русские войска. Таким образом, здесь возможно поражение».

«По полученным сведениям немецкие кавалерийские отряды заняли вчера город Полоцк, немецкие части вошли в город с двух сторон с севера по линии железных дорог Минск-Полоцк и с запада по линии фронта. При взятии Полоцка, удалось захватить лишь небольшие запасы интендантского имущества и инженерного, так как заблаговременно все было вывезено».

По телефону из Москвы 28 февраля 1918 г.

«В 2 часа дня Ленину был вызван по телефону ЦИК тов. Фельдманом, уполномоченным фракции большевиков, и запрошен во-первых, о фактах, происшедших после телеграммы из Берлина во-вторых, о мерах, принятых Советом Наркомов в данный момент, в третьих, не было ли еще помимо телеграммы Гофмана ответа из Берлина. На первый вопрос тов. Ленин ответил: «армии нет, с кем же наступать по всему фронту от Риги? Взятые Двинск и Режица, наступают на Лудку и Минск. Кто интересуется делом, а не фразой, тот должен заключить мир».

«...одолжать дело закрепления и углубления революции внутри». Второй вопрос — «пока наступление не прекращено, от нас никак не ожидается оказывать возможное сопротивление, уничтожая на всем пути абсолютно все, вплоть до последнего куска хлеба». На третий вопрос — «нет, не было». Совнарком обсуждал вопрос о том, как поступить в том случае, если германцы поставят невыносимые тяжелые условия; пришли к единогласному решению: — «Если германцы поставят такие условия мира, кои окажутся неприемлемы для революционной России, тогда объявить всеобщую мобилизацию и всячески продолжать с врагом войну. Решено, что Совет Народных Комиссаров в полном составе станет во главе революционной армии и будет, совместно с солдатами, бороться против врага. Однако рабоче-крестьянское правительство надеется, что Германия в настоящее время не выставит невыносимых условий мира, проект брестских переговоров вряд ли будет изменен. Совнарком надеется, что недалеко то время, когда политическая конъюнктура Европы изменится. Тогда, конечно, Германия вынуждена будет захваченные ею области освободить. Совнарком не верит в возможность дальнейшей оккупации русской территории, ибо такой факт со стороны Германии объединит круги, бывшие несогласными с политикой Совнаркома, в борьбе с Германским нашествием».

«Советская власть, как передают, будет настаивать на прежних условиях, предложенных Центральными Державами, категорически будет протестовать против возможного условия со стороны Германии, о немедленном прекращении войны на Украине. Ответственные представители Советской власти, беседуя с журналистами, указывают, что в случае, если Германия предъявит условия, в которых будут усмотрены стремления центральных держав вмешиваться во внутренние дела России, русская делегация прекратит дальнейшие переговоры и аннулирует свои заявления о сепаратном мире и, возвратясь в Петроград, объявит «священную войну».

«По частным сведениям, идущим из ж.-д. рук, в Гансале произошел ряд крупных столкновений между Германскими частями, ибо некоторые из них отказывались участвовать в военных действиях, считая войну оконченной. Это известие передано из Ревеля, который до 2-х часов дня свободно сносился

по прямому проводу с Питером. «Вечерняя Звезда» телеграфирует из Двинска, что получено сообщение, что «Германские войска пытаются отрезать Виндаво-Рыбинскую (Романовскую) железнодорогу, соединяющую Двинск с Молодечно. Совнарком Западной области издал распоряжение об установлении воинских застав в связи с продвижением германцев на западном фронте. Совнаркому западной Области не удалось получить войска с Юго-Западного фронта, так как они спешно вызваны для отражения напора неприятельских войск. В ожидании приближения немцев к Двинску, Совнарком Западной области спешно готовится к эвакуации. Занятие Двинска угрожает прифронтовым городам — Могилеву и Гомелю, в которых сосредоточены большие запасы товаров, оружия и других интендантских вещей. Отдельные выборные командиры Запфронта пытаются воодушевить солдат и призывают их к самозащите.

«Викжель сообщает, что сегодня с раннего утра над станцией Режица реют немецкие аэропланы. Над вокзалом и станционными домами были разрывы бомб, часть вокзала разрушена. Получена телеграмма из Дриссы о том, что одновременно с движением на север, германцы двигаются от Двинска на восток к Ковелю. Наши войска отходят, не оказывая пока сопротивления при отходе все мосты взрываются.

«На Украине — Старая Центральная Рада в районе Житомира организует отряды, которые передались в полное ведение Австро-Венгрии, во главе их стоят австро-германские офицеры. Переброски Австро-Венгерских войск в районе Юго-Западного фронта усиливаются. Австро-Венгерские войска появились недалеко от местечка Кременец, Волынской губ. Революционные армейские комитеты Юго-Западного фронта приостанавливают демобилизацию войск, принимая все меры к тому, чтобы препятствовать дальнейшему приближению неприятеля. Минский Военно-Революционный Комитет выслал отряды красной гвардии и войск на границу Австро-Венгрии и Украины».

«Во фракции большевиков Центрального Исполнительного Комитета. Перед заседанием ЦИК'а, состоялось заседание фракции большевиков, которое затянулось до глубокой ночи. На заседании фракции большевиков выступали с большими речами Карл Радек и Главнокомандующий Крыленко. Радек призывал объявить

Германии «Священную войну», организовав немедленно сопротивление наступлению германцев, так как заключение сепаратного мира, несомненно, явится тяжелым ударом для революции Западной Европы. Крыленко в ярких красках рисовал состояние армии. Солдаты совершенно не оказывают сопротивления, бегут, бросая на произвол судьбы пушки, снаряды и пр. Немцами уже взят Двинск, и они с головокружительной быстротой идут далее. Нет никаких материальных средств, чтобы остановить их движение. Организацию борьбы в несколько дней составить нельзя. Поэтому он видит единственный выход из создавшегося положения — заключение немедленного мира».

«Московский Комитет партии большевиков, на экстренном заседании утром 20 февраля, обсудив согласно Совета Народных Комиссаров на мир с Германским правительством на условиях, предложенных делегацией четверного союза, заявляет, во-первых, Исполком остается верным решению, принятому им на общепартийной конференции 25-го января, во-вторых, наступление венстро-германских войск, как можно было и должно было предвидеть, не изменяет нашего отношения в пролетарской борьбе за демократический мир, мы считаем правильными наши прежние лозунги. Наши надежды на поддержку революционного пролетариата Запада остаются непоколебленными, несмотря на факт возобновления Германией наступления. В третьих, Исполком считает решение Совнаркома вредным для мировой революции. Исполнительный Комитет попрежнему призывает пролетариат к организации красной армии. Наша социалистическая борьба продолжается с прежней силой на всех фронтах. Красная армия, уверенная в победе западно-европейского пролетариата, ведет беспощадную борьбу за демократический мир. В четвертых, Исполнительный Комитет настаивает на пересмотре Советом Народных Комиссаров принятого решения и на отказе от него».

«21 февраля 1918 г. Из Петрограда. Вне всякой очереди. Всем ЦК, ИЧ, всем Наркомам, копия Совдеп. — Переживаемый страной трагический момент, в связи с разбойничьим наступлением германцев, ударников, белогвардейцев и гусар смерти, требует от железнодорожников — железнодорожного пролетариата — того героизма, на который могла бы рассчитывать Российская республика советов. Созданный Октябрьской революцией Викжедор

призывает товарищей железнодорожников к усиленной и организованной работе по эвакуации фронтов, в то же время Викждор предлагает военным и другим организациям не вмешиваться в распорядительную часть движения, дабы не создавать затруднения узловых пунктов, могущего довести до полной остановки движения. Товарищи солдаты! Во имя революции призываем действовать в контакте с железнодорожниками, не теряя революционной дисциплины и выдержки. Настоящую телеграмму вывесить на станциях и других учреждениях. 1/1007 Председатель Викждора Жуков. Секретарь Волков».

Верховным Главнокомандующим было выпущено следующее обращение:

«Товарищи граждане. Совнарком уже объявил в своем воззвании о неуклонном решении защищаться до последней степени против разбойничьего набега германских капиталистов и германского правительства. По полученным известиям, совершенно определенно установлено, что Германия не в состоянии бросить на революционную Россию достаточно крупных сил. Наступление ведется сравнительно небольшими отрядами и только обща разруха нашей армии, усталой и измученной и истерзанной, связи с всеобщей жаждой мира и провокационные слухи, распространяемые буржуазией и ее агентами о немецком нашествии создают невозможность для нас сразу в первую минуту организовать сопротивление.

Буржуазные агенты — все те, кто до сих пор кричали и обвиняли нас, и все, кто кипели патриотизмом, — теперь ждут и дождутся момента пришествия немцев, которые должны избавить их от власти рабочих и крестьян, от власти Советов, от власти рабочего и крестьянского правительства, — правление, которое оказалось для них в достаточной степени солоно. Не даром в Двинске и других занимаемых или угрожаемых немцами городах буржуазия всех национальностей русская, еврейская, польская, белорусская, забыв свою вражду, вся объединилась в ненависти к Советской власти и в первую голову стремится к ее низложению. Недаром украинская рада старается восстановить свою власть при помощи австрийских штыков. Молдаванская буржуазия, при помощи румынских солдат... (перерыв) всем должно быть ясно, за что идет борьба. Теперь борьба идет не за те усло-

мира, не за подписание того или иного договора, чтобы избавить истерзавшийся народ от бедствий продолжения войны, чтобы с успехом докончить дело борьбы с буржуазией у себя дома, чтобы докончить упрочение Советской власти во всех областях Российской республики. Совет Народных Комиссаров объявил, что готов подписать этот мир для спасения революции тылу, но германское правительство в союзе с нашей буржуазией понимает, чем пахнет для него сохранение Советской власти... (перерыв) Войска для восстановления буржуазной власти и опровержения Советской власти, как пишут в своих прокламациях немцы, посылая своих офицеров и юнкеров против нас, их встречают цветами наша буржуазия, как избавителей. При таких условиях нам нет другого выхода, кроме борьбы не на жизнь, а на смерть в случае отказа немцев заключить мир. Борьба не на жизнь, а на смерть беспощадная борьба, в которой нет отступления ни отдыха, в которой есть либо смерть, либо победа. Народную месть, народный террор должны мы противопоставить нашествию противника, и если нам удастся, то бросить на встречу им все сплоченные массы революционных граждан, которые не только по правилам военной стратегии, а из-за голов всюду везде мелкими отрядами и крупными отрядами за каждый город, и каждое село, и за каждую улицу, и за каждый дом — завяжут отчаянный бой гражданской войны. Нет сил, которых немцы могли бы нам противопоставить. Отряды в 100 — 150 человек, достаточно снабженные элементарным вооружением легкими батареями, отряды способные быстро окапываться и нападать со стремительностью наших революционных отрядов гражданской войны, — достаточны; нападение таких отрядов будет достаточно для задержания немецкого продвижения, и революция вправе требовать сейчас от всех такого самоотвержения. Во исполнение постановления Наркомов, объявляется настоящим революционная мобилизация, все незаписавшееся способное население должно быть привлечено к работам по укреплению и устройству заграждений на всех путях немецкого движения.

«Всякий буржуа, противящийся таким распоряжениям, должен быть немедленно предан суду и привлекаем к работе.

«Запись революционных войск открывается по всем районным Советам, по всем районным штабам красной гвардии, вооруже-

ние выдается из соответствующих отделов. Революционная дисциплина должна быть доведена до высшего напряжения с преданием всех неповинующихся революционному суду. Запись инструкторов открывается в отделе формирования красной гвардии. Формирование идет по утвержденным штатам красного батальона.

«Все к оружию, — на защиту революции.

«Поголовная мобилизация для рытья окопов и высылки оковых отрядов. Это поручается советам с назначением ответственных комиссаров с неограниченными правомочиями для каждого отряда.

«Настоящий приказ рассылается в качестве инструкции по всем Советам и по всем городам. Главковерх Крыленко».

22/II — 1918 г. мною было получено для распространения следующее воззвание Совнаркома:

«Всему трудящемуся населению всей России. Рабочие, солдаты и крестьяне! Советская власть была поставлена народом под знаменем борьбы за мир. Мы, Совет Народных Комиссаров, обратились с предложением общих мирных переговоров ко всем воюющим странам. Союзные правительства отвергли наше предложение и поддерживали против нас Духонин, Каледина, Алексева, Киевскую Раду и Румынское правительство, стремясь сорвать нашу борьбу за мир. Германское и Австрийское правительства вступили в переговоры, но мир, который они нам предложили, оказался построенным на захвате и насилии. Рабочий класс Германии и Австрии, уже пробужденный русской революцией, еще не сумел, однако, справиться со своими империалистами. Мы, Совет Народных Комиссаров, считаем, что сейчас революционная Россия не может взваливать на свои израненные плечи бремя новой войны. Не подписывая аннексионного мирного договора, мы заявили, однако, что демобилизуем нашу армию и состояние войны с Германией объявляем прекращенным! Это означало, что Германскому народу не грозит никакой опасности с нашей стороны. Наступление Германии являлось в этих условиях не чем иным, как открытым коварным разбойничьим набегом. Это, однако, не остановило Германские власти. Выждав развития нашей демобилизации и не сделав даже предупреждения за семь дней, как полагалось по условиям

Империя, правительства Гогенцоллернов и Габсбургов двинули свои войска в наступление против революционной России. Разбитые остатки наших войск почти без сопротивления отступили перед организованным натиском врага. Неприятельские войска, заняв Двинск, Венден, Луцк, продвигаются вперед, угрожая отрезать важнейшие пути и удушить голодом важнейший центр революции. Считаясь с настроением нашей истощенной армии, а также состоянием всей страны и, в особенности, ее продовольственных и транспортных средств, Совет Народных Комиссаров сделал новую попытку приостановить наступление войск Гогенцоллернов, выразив согласие подписать предъявленные условия мира.

Солдаты, Рабочие и Крестьяне! Мы сделали этот тягчайший для нас шаг, чтобы ценою величайших уступок спасти страну от окончательного истощения и революцию от гибели. Буржуазные группы, с одной стороны, предвкушают присутствие германских генералов для расправы над революцией, а с другой стороны, поднимают бешеную травлю против Советской власти. В том же духе пишут газеты соглашательских партий. Они изображают дело так, будто мы добровольно склонили знамя перед Гогенцоллернами. Но вы, товарищи рабочие, солдаты и крестьяне, знаете положение страны и фронта так же, как и мы. Раз Германский рабочий класс оказался в этот грозный час недостаточно решительным и сильным, чтобы удержать преступную руку собственного милитаризма, то нам не оставалось другого выбора, как принять условия немецкого империализма до тех пор, пока Европейская резолюция не изменит положения. Сейчас же мы еще не знаем, какой будет ответ германского правительства. Оно не торопится давать ответ, тремась, повидимому, овладеть как можно большим количеством новых важнейших позиций нашей территории. Мы сейчас глубоко убеждены в том, что Германский рабочий класс поднимется против попытки своих правящих классов задушить революцию, но мы не можем предвидеть с уверенностью, когда это произойдет. Мы ждем предъявления германских условий и готовы на величайшие жертвы, чтобы обеспечить нашему истощенному народу возможность справиться с ужасающими последствиями войны и выйти по дороге социалистического раз-

вития страны. Но в то же время мы считаем необходимым предупредить вас, рабочие, крестьяне и солдаты, что германские империалисты могут не остановиться ни перед чем в своих стремлении сломить Советскую власть, отнять землю у крестьян, восстановить власть помещиков, банкиров и монархию. Для этого мира, мы готовы принять тяжкий мир. Мы должны быть готовы к отпору, если германская контр-революция попытается окончательно затянуть петлю на нашей шее. Совет Народных Комиссаров призывает все местные Советы и армейские организации приложить все силы к воссозданию армии. Все развращенные элементы, хулиганы, мародеры, трусы — должны быть беспощадно изгоняемы из рядов армии и при попытках сопротивления должны быть стерты с лица земли. Все свободные производительной деятельности рабочие крестьяне сознательные и мужественные борцы революции должны немедленно строиться в ряды Красной армии. Необходимо напрячь все силы к упорядочению транспорта и улучшения продовольственного дела. Буржуазия, которая при царе и Керенском отводила от тягот войны, наживалась на ее бедствиях, должна быть привлечена к выполнению своего дела самыми решительными, беспощадными мерами. Нужно установить в рядах армии и в войсках страны строжайшую дисциплину. В Петрограде, как и во всех других центрах революции, необходимо железной рукой поддерживать порядок. Рабочие, крестьяне, солдаты — пусть знают наши враги и внутри, что завоевания революции мы готовы отстаивать до последней капли крови! Подпись — Совет Народных Комиссаров. 21 февраля 1918 года 2 часа ночи».

В тот же день было получено распоряжение Наркомпути и всем железнодорожникам и в копии мне. «22/II-1918 г. Всем ЛЧ, ЛМ, И. прифронтовых дорог НУ. т. Антонову. — В связи с продвижением германцев, обращаюсь ко всем товарищам железнодорожникам с просьбой напрячь все усилия к возможному сопротивлению, недопущению неприятеля во внутрь страны. Оказывая сопротивление, прошу в то же время помнить, что ни один фунт груза, ни один паровоз и ни один вагон не должен быть оставлен неприятелю, и все средства к спешному продвижению неприятеля должны быть устранены. Когда же все необходимое для сопротивления уже будет исчерпано, надлежит

вертено уничтожить все сооружения, мосты; оставшиеся по каким-либо причинам невывезенными паровозы, вагоны и грузы, — взорвать или сжигать. За Нарком Пути Невский».

В целях обороны самого Петрограда, точно так же принялись экстренные меры, как о том гласила нижеследующая телеграмма:

... «23 / II - 1918 г. Из Петрограда. Приказ Наркомвоендел 157. 21/II - 1918 г. Во исполнение постановления Совнаркома учреждается чрезвычайный штаб Петроградского Военного Округа, которому согласно осадного положения поручается: 1) Немедленно перевести город на осадное положение. 2) Решительно прекратить все выступления преступного и уголовного элемента. 3) Беспощадно подавлять малейшие выступления контр-революционных сил. 4) Немедленно конфисковать все взрывчатые вещества, находящиеся в частном владении. 5) Отдавать все распоряжения по учету и распределению продовольствия. 6) Мобилизовать и обращать на военные потребности все трудоспособное население целиком, или по частям. 7) Реквизировать все необходимое в целях обороны движимого и недвижимого имущества. 8) Чрезвычайный штаб утверждается в составе: Бонч-Бруевича, Василевского, Еремеева, Лавровского, Коренева. 9) Представителем Народного Комиссариата по Военным Делах т. Механошин. 10) Местом пребывания чрезвычайного штаба объявляется штаб Петроградского Военного Округа — Дворцовая 4. Народный Комиссариат по Военным Делах — Подвойский, Склянский, Крыленко».

«23/II - 1918 г. В Петрограде 21 февраля на заседании ЦИК выступает меньшевик интернационалист Абрамович, указывающий на неясность принятой резолюции, называющий ЦИК захватчиком власти. Слева страшный шум, Абрамович восклицает — мы в меньшинстве, но что вы сделаете с немцами? Председатель прерывает Абрамовича слова, после чего он удаляется с возгласом: — это насилье! — Ставится на голосование: — предложение прекращения всяких прений, даже заявлений о порядке дня. Предложение это принимается. Свердлов именем президиума ЦИК заявляет — Президиум обсуждает вопрос приведения ЦИК'а в боевое состояние. Перманентное заседание невозможно, ибо работа отвлекает членов ЦИК'а. Пленарные заседания будут созы-

ваться только в экстренных случаях, может быть каждый день. ЦИК должен быть связан со всеми организациями. Президиум предлагает составить расширенный президиум, таким образом, чтобы в дополнение к старому президиуму было выбрано по одному 15 членов ЦИК, а всего новых 8 членов. Расширенный президиум может принимать ответственное решение именем ЦИК, оставаясь в то же время ответственным перед Пленумом. Свердлов сообщает, что ответ Германии без пленарного заседания ЦИК разослан местам не будет. Предложение организации расширенного президиума принимается без прений при протестах сара. Свердлов далее сообщает решение президиума обратиться с воззваниями всем советам, всему населению, всем трудящимся во всех странах. Президиум решил также принять суровые меры по отношению всей прессы, выступающей против Советской власти и всем противникам революции, указывая при этом, что на Балтийском море происходят летучие митинги, на которых ведется агитация за свержение Советской власти».

...«из Вены, что Австро-Венгерское правительство высказывается против продолжения войны с Россией, считает, что в этом вопросе возможен конфликт между Германией и Австро-Венгрией».

«Копенгаген, 21 февраля: в связи с уступкой Украине Холмской губернии, положение Австрии все больше обостряется. Польские в союзе с чехами и Юго-славянами заняли край, враждебное положение по отношению к правительству».

Берлинские газеты сообщают, что Германские империалисты истинные намерения которых раскрыты русской делегацией в Брест-Литовске перед лицом всего мира, совершенно потеряли самообладание и не в состоянии больше скрывать своих алчных аппетитов. Они требуют покорения всей Западной России».

...«21 февраля экстренное заседание ЦИК'а Совнарком одобряет все мероприятия, направленные к заключению мира, выражает полную и непоколебимую уверенность, что все рабочие, солдаты и крестьяне сплотят свои ряды для дружной поддержки и защиты Социалистической Советской власти от всяких на нее покушений. Резолюция принимается всеми, кроме 6 оборонцев».

Перехвачена радиотелеграмма, содержащая следующее официальное сообщение Германского Правительства:

«В своем известном заявлении 11/II Троцкий объявил окончание войны для России и демобилизацию. Однако, отказался от подписания мирного договора. Он отказался также принять участие в следующем пленарном заседании, на котором черной союз хотел сообщить свои решения. Троцкий прервал переговоры... Русским односторонним заявлением, само собой разумеется, состояние войны не прекращено, состояние мира также не обосновано. Отказ подписать мирный договор сделал невозможным заключение мира. Как раз с целью заключения мира, был заключен 15-го декабря 1917 г. договор о перемирии. С целью заключения мира, большевистская Россия просила перемирия. Эта просьба была уважена. Императорское правительство констатирует по этому поводу, что Петербургское правительство фактически окончило перемирие. Окончание считается 12/II. Германское правительство через предвиденный шестидневный срок получает свободу действий в любом направлении».

На следующий день радио-ответ:

«Согласно условий перемирия, каждая сторона обязалась, в случае прекращения перемирия, предупредить о том другую сторону за 7 дней. Русская делегация заявила 10 февраля о прекращении со стороны России состояния войны и о полной демобилизации армии. Со стороны Германии было 3 возможности: 1) заявление о прекращении войны, 2) дальнейшее подерживание состояния перемирия, 3) прекращение перемирия с предупреждением о том за 7 дней. Между тем германское верховное командование 16/II заявило о том, что 18 февраля в 12 час. дня прекращается состояние перемирия и возобновляются военные действия. Таким образом, Германские власти пошли возможным поправить элементарнейшие обязательства, вытекавшие для них из условий перемирия. Бесчестность этого образа действий вырисовывается тем ярче, что все предшествовавшие дни представители Германии в Брест-Литовске и Петрограде делали заявления, которые имели тот смысл, что состояние перемирия продолжается. Так, накануне своего отъезда, граф Мирбах заявил, что Германское правительство согласно вернуть в оккупированные области насильственно уведенных туда граждан в обмен за возвращение жителей Восточной

Пруссии, уведенных русскими войсками. Такой обмен, вытекавший из состояния перемирия, предполагает дальнейшее сохранение перемирия. Между тем, генерал Гофман предупредил Председателя Русской комиссии о прекращении перемирия 2 дня, причем в дни, предшествующие этому заявлению германские власти передвигали значительные группы войск к наш фронт, вопреки опять-таки взятым ими на себя обязательствам по договору перемирия. Это бесчестный, даже с политико-экономической точки зрения, образ действий только дополняет все разбойничью операцию».

Немецкое наступление началось и стало систематическим развиваться. 18-го февраля ими был занят Двинск. Заявив Минусинск они направились к Гомелю, отрезая пути отступления наших войскам, сражавшимся против польских легионеров, занимавших Бобруйск.

В суматохе получался переплет самых разноречивых слухов. 23/II—1918 г. пришло успокаивающее извещение по прямому проводу, что на фронтах 7 и 8-й армии никакого движения с стороны неприятеля не наблюдается. «Примите меры к прекращению распространения ложных известий Одесских газет о взятии Могилева-Подольского австрийцами».

Из Австро-Венгрии доносились отголоски парламентской борьбы:

«В Австрийском Парламенте во время обсуждения бюджета Вальтер заявил: цель Австро-Германского похода на Россию — уничтожение завоеваний русской революции. Вальтер энергично протестует против правительственной карательной экспедиции в Россию. Выступивший затем соц.-демократ Сукуп бросил Украинскому делегату Севрюку обвинение в предательстве Украинской Радой социалистической революции. Поляк Дашинский заявляет, что доверие поляков к Австрии и Германии убито, между Украиной и Польшей создана вторая Эльзас-Лотарингия. Лидер социал-демократов большинства Виктор Адлер в своей речи требует прекращения войны с Россией, невмешательства в русские дела. Адлер кончает заявлением, что соц.-демократы будут голосовать против бюджета».

Затем, наконец, 24-го февраля пришло извещение о принятии нами новых предложений немцев.

«Из Харькова. Принята по радио. Никитовка — Наркому Анто-
ву: Германскому правительству Берлин. — Согласно решения,
того Центральный Исполнительным Комитетом Советов
даческих и крестьянских депутатов, 24-го февраля в 4 ч. 30 м. утра
вет Народных Комиссаров постановил: условия мира, пред-
таемые Германским правительством, принять, выслать делегации
Брест-Литовск. Председатель Совета Народных Комиссаров
ьяков - Ленин, Народный комиссар по иностранным делам
оцкий.

Делегация выезжает в Брест-Литовск 24/II—1918 г. в 20 час.
кретарь Народных Комиссаров Горбунов».

А наступление немцев продолжалось.

Из Смоленска сообщали о занятии Борисова и Полоцка.
гром ударила весть о взятии немцами 25-го февраля в 19 час.
кова и о подготовке ими оттуда наступления на Питер.
го февраля из Либавы и Данцига вышли к северу транспорты
войсками — к Финляндии, к Кронштадту.

В Петрограде образован специальный военный штаб в составе
ича-Бруевича, Еремеева, Васильевского, Юренева. — Петроград
военном положении, реквизируются все предметы, необходимые
обороны, объявлена мобилизация буржуазии для рытья
опов. Фабрично-заводскими гудками созваны рабочие. Запись
социалистическую армию идет с громадным подъемом.

Десятки, сотни телеграмм от совдепов, рабочих, крестьянских
гапзаций с выражением готовности бороться за революцию.
ива крепнет. Телеграф захлебывается.

...«Исполком совдепов города Нарвы сообщает, что среди
бочих и солдат города Нарвы огромный подъем духа.
гарнизонном собрании солдат 180, 179-го пех. полков
235-го зап. пехотного полка и артиллерийской бригады
й дивизии приняли единогласно встать как один на защиту
волюции. Весь гарнизон и рабочие объявлены красной армией.
е имеется сводный отряд.

«Вятка исполком и губернский совнарком, Ливны совдеп
зьмодемьянск совдеп, Чернихово временный революционный
митет и совет, Саратов комитет партии, Кирсановский совет,
ровчатасовет, Кадниковский кредеп, Стрелецк Управа волостного
иства, Надеждинский завод совдеп, Богуславского округа

совдеп, Пенза совдеп, Павлоград объединенное заседание городского и уездного исполкома, Севск совдеп, Кострома губернский совдеп, Пинега совдеп, Казань объединенное заседание комитетов большевиков, эс-эров, левых эс-деков Мусульманского социального комитета, Вел.-Устюг исполком совдепа, Дергачи совдеп Царицын исполком совдепов, президиум конференции фабрично-заводских комитетов, президиум центрального совета профессиональных союзов, штаб обороны красной гвардии, президиум военной секции, Жокшены исполком совдепа, Усте-Тосно совдеп Тверь совдеп единогласно посланы отряды Бологое, Угальск областной земельный комитет».

Начальник Могилевского гарнизона, товарищ Архангельский телеграфировал: «положение дел для Могилева не угрожающее получаю телеграммы от начальников охраны отрядов Гомеля и Жлобина. Все телеграммы свидетельствуют, что страшного ничего там нет. Немцы заняли Минск и Борисов небольшими силами всего человек 100, к ним присоединились польские легионеры и контр-революционеры. В Могилев красная гвардия, увлеченная фронтом, отсутствует. Сорганизована городская охрана из членов профессионального союза около 800 человек. Ставка окончательно эвакуировалась. В уездах продолжается набор красной армии, многие польские офицеры арестованы своими же легионерами, которые являются в революционный штаб и изъявляют желание идти против немцев. Из Москвы на помощь Могилеву отправлено несколько отрядов красной армии, также будет отправлен отряд на Гомель и Смоленск. В сторону Орши пути разобраны, сейчас положение следующее: Из Пскова германцы в сторону Петрограда продвинулись на 19 верст. К Полоцку со стороны Двинска германцы продвинулись до ст. Адамово, куда они прибыли 4 эшелонами, откуда они двинулись в Полоцк. На участке Минск-Орша германцы отошли от ст. Крупки, но сообщений с последней нет. На участке Лунинец-Гомель германские отряды продвинулись из Калинковичи в сторону Гомеля на 1 переход, занят Гомель, 104 верст от Гомеля. Из Гомеля сообщают, что революционными войсками занята ст. Калинковичи, грабительские шайки немцев и украинцев отступили, на Волыни в боях под Житомиром немцы потерпели поражение, среди взятых пленных, помимо германских белогвардейцев

...имеются русские и украинские офицеры и юнкера. В Вилково произошел бой между румынскими мониторами и нашими миноносцами во время которого 1 румынский монитор погиб, другие отступили. Наши войска сражались с воодушевлением.

«Положение на Украине остается то же. Из Киева получают известия, что настроение бодрое и воинственное, местами формируются отряды. В Екатеринославе записалось около 1.000 человек добровольцев. Есть сообщения, что на фронте местами наступление приостановлено. Немецкие солдаты во многих случаях перебежали вооруженные в наши ряды. Представители революционной Украинской власти выехали через Москву в Берлин для участия в мирных переговорах, в общероссийской делегации».

И прорезом — отголосок из Германии:

«Рейхстаг отклонил внесенное социалистами требование освобождения депутата Дитмана, приговоренного к пятилетнему тюремному заключению, в связи с последними забастовками в Берлине, Рейхстаг голосами всех, против независимых социалистов и поляков, одобрил подписание Германским правительством мира с Украиной».

И опять советская волна:

... «ЦИК партии левых эс-эров постановил срочное образование исполнительного комитета для организации революционной борьбы. 24-го утром на стоящих в Петербурге кораблях, «Диана», «Воскресения», «Заря», «Свобода», состоялись митинги о текущем моменте. Команды кораблей единодушно постановили выступить на защиту революции и привести суда в полную боевую готовность».

«В связи с последними событиями и принятием советскими властями решительных мер обороны Петрограда, резко изменилась физиономия уличной жизни города. 24-го февраля вдруг стало известно, что Псков занят немцами, несмотря на нашу телеграмму о том, что Советская республика примет их мирные условия. Ответ был послан в 7 час. утра, Псков занят в 16 час. Немедленно было созвано экстренное заседание военкома, где решено было защищать Петроград до последней возможности, приостановив германское наступление решитель-

ными мерами. К десяти часам вечера издан был приказ, чтобы все заводы и фабрики немедленно забили тревогу. Всю ночь ударили гудки всех окраин, созывая рабочих и работниц. Петроградский гарнизон был извещен срочной телеграммой о скорейшем формировании. Из трамвайных парков были вызваны все вагоны, которые курсировали целую ночь, подвозя вооруженные отряды к Смольному, а от Смольного к станциям жел. дор. В час ночи экстренно вызвали в Смольный членов ЦИК, которым была поручена ответственная работа обороны. Начиная с часу ночи, начали подходить вооруженные отряды рабочих, работниц, матросов и солдат. Приходили делегации фабрик, прося записать их добровольцами. Первым пришел целиком гренадерский полк. 25-го пришел весь состав рабочих завода Вулкан. Всю ночь Смольный срочно организовал первые отряды столичных рабочих, человек, двинутых по направлению Псков — при каждом отряде — сестры милосердия и медицинский персонал. С раннего утра 25-го производилась погрузка первых партизанских отрядов. На вокзале непрерывно работает Штаб Главнокомандующего по обороне Псковских позиций. Тысячный отряд Гренадерского и Измайловского полков отправился с музыкой. К вокзалу идет непрерывная доставка провианта, обмундирования, патронов и инвентаря. Вечером погружались тяжелые и легкие батареи, радиостанция, автомобили. Настроение боевое, твердое. Формирования на заводах идут энергично. Солдаты почти до конца ноября записываются добровольцами».

Но телеграф не умолкал: «Продолжение резолюции о поддержке: Богородицкий совдеп, представители волостных советов и земельных комитетов, Никитское собрание граждан волости, Мало-Архангельский исполком совдепов, Епифанский совдеп, Попадынский совдеп волостных и земельных комитетов сельских обществ, Романоборисоглебский исполком совдепов, Масловский кредеп, Подольский совдеп неопределенная позиция, Егорьевский совдеп заводскими комитетами, Долгое представители местных организаций, Кругский совдеп, Глебовское собрание граждан волости, Севастополь совдеп и кредеп, Великий-Устюг группе интернационалистов, Усолье Пермской губернии исполком совдепа, Веркола Архангельской губ. волостное кредеп и земельных комитетов с участием граждан, Черни-

комитет общественной безопасности, Беледин совдеп, Ферского креден, Боровск исполком совдепа, Кобулики совдеп, Куряжское общее собрание, Сумы собрание граждан волости, Говардовское соединенное собрание совета рабочих писчебумажной фабрики Говарда, Вышегород сельское собрание, Ачинск совдеп, Хароловка».

«27-го февраля получены сведения о начавшейся партизанской войне в тылу немцев, занявших Минск. В партизанской войне нашей стороны участвуют отряды красногвардейцев, солдат, оставшихся в тылу у немцев после занятия Минска. Им оказывают деятельную поддержку местные крестьяне, дающие им пищу и служащие им проводниками. Партизаны обезоруживают части немецких войск, главным образом, ударные войска и бело-гвардейцев. Также получены сведения о начавшейся резне между копными немецкими солдатами, нежелающими наступать, и ударными войсками. Между ними дело доходит до вооруженных стычек. Обсудив телеграмму вторжения австро-германцев, изменчески нарушивших перемирие, исполком Минского совета постановил: 1) организовать временно революционный комитет, облеченный диктат. полном., объявить уезд на военном положении. Для борьбы с немецкими захватчиками приступить к организации партизанских отрядов. Требуем немедленно всеобщей мобилизации, введения трудовой повинности, монополии всех продуктов. Да здравствует борьба с мировыми угнетателями демократии! Смерть империалистам! Да здравствует социализм».

И одновременно тревожные вести из Киева:

«24/II — 1918 г. Наркому Антонову. Германские войска наступают широким фронтом, предшествуют им гайдамацкие банды бывшей Центральной Рады. Германское правительство официально объявило нам, как об этом имеются сведения, что германские войска идут поддерживать Центральную Раду для освобождения Украины от большевистского зла. Одним словом целью мужит водворение порядка буржуазного. Германцами взяты Луцк, Говно и по слухам Новгород Волынский. Наши войска организовываются, ведут партизанскую борьбу. В Коростене — Петлюра. Главнокомиссия Рады скопляет свои силы. Гайдамаки пытались напасть на Бердичев, но вчера потерпели полное поражение. Сведений о фронтах Северном и Западном не получили,

вероятно, вследствие порчи проводов. Имеется телеграмма из Петрограда, что Австрия отказалась участвовать в продолжении войны. Один Австрийский польский легион пробился назад и идет вместе. Здесь положение серьезное, но мы порешили до конца бороться с контр-революцией. Нарсекретарь Скрынник.

Откликнулся и Муравьев своими характерными, по своему уверенности и похвальбе, телеграммами:

«26/II — 1918 г. Из Полевого штаба Антонову. Вы получили уже от меня переадресованную телеграмму от Главкоюза Гусарского о положении дел в Киеве и вообще на Украине. Действующие армии Югзапфронта отказались повиноваться Народному Секретариату. Главкоюз Гусарский сложил с себя полномочия. Виной тому служит Коцюбинский» (Идет несколько строк отрывка).

«Такое положение Украины грозит опасностью Румынскому фронту и без того неорганизованному. Именем революции, памятью всех погибших героев, прошу принять энергичные меры к восстановлению порядка на Украине. Если же вы не имеете возможности сделать это сами, дайте мне восстановить авторитет Советской власти на Украине и порядок в армии, объединив в моем лице командование всем фронтом. Главкоюз Гусарский просится работать со мною и будет у меня в штабе. Вообще все мои сотрудники высказываются за то, что работа и спасение революции возможны при наличии твердой Советской власти. Жду самого срочного ответа. Катастрофа в Киеве близка. Главнокомандующий Муравьев».

«28/II — 1918 г. в Ростов и/Дону и по всем адресам Украины. Приказываю всем посылать отряды в Слободку и Бирзулу. Все призываю к спасению Советской власти, как во всей Федерации, так в частности и на Украине, куда я собираюсь двигаться и бороться с Австро-Германскими и гайдамацкими полками. Только мои революционные армии могут спасти положение под Киевом, а потому спешите ко мне под красные знамена. Главнокомандующий Муравьев».

А положение в Киеве все ухудшалось. Тов. Бакински
✓ 28-го февраля сообщал:

«Положение тяжелое. На Киев насаждает германский корпус во главе с 5-й конной Баварской дивизией. Пока сдерживаем его наступление. Как развернутся далее события, не знаю».

1-го марта пришло по радио донесение Германского главного штаба:

«Берлин официально. 1 марта восточный фронт. Вдоль северной границы Украины наши войска, наступая на Восток, достигли непра. У Речицы мы взяли сильно укрепленное и защищаемое противником предместное укрепление; штурмом овладели городом воззалом. Захвачено несколько сот пленных. У Мозыря мы хвали речную флотилию реки Припяти, состоящую из 6-ти бронированных лодок, 35 моторных лодок и 6-ти госпитальных. Фастово, Казатино мы достигли железнодорожной линии Киев-Жмеринка. Юго-западной Старо-Константиновки наши войска подоспели на помощь польским legionерам и разбили противника. Призванные Украинским правительством и населением для защиты против неприятельских банд, Австро-Венгерские войска вторгнулись на широких участках Северного Прута в Украину. Генерал-квартирмейстер Людендорф».

И вслед за этим, траурное сообщение Парсекретариата Украины: «Ко всем комендантам и комиссарам!

«На подступах к Киеву в последние дни велась упорная борьба между Советскими войсками и Германскими отрядами аварского корпуса и Вюртенбергской дивизии и бандой гайдамаков, предводительствуемой Петлюрой.

«Наши войска, под напором превосходных сил, с боем отступают на Дарницю.

«Нашествие германских войск, комплектованных Германской буржуазией, и гайдамацких банд грозит подавить рабоче-крестьянскую революцию на Украине.

«Борьба не решена. Необходимо принять все меры, самым решительным образом организовать в защиту интересов трудящихся масс.

«Обратитесь к рабочим и крестьянам с особым воззванием, призывая всех, кому дорога революция, встать под ружье для борьбы с полками буржуазии.

«Разъясните всем трудящимся Украины, что после подписания мира с Австро-Германией нашей мирной делегацией в Бресте, полки Германской буржуазии вынуждены будут вернуться, и бывшая Киевская Рада останется одна с бандами гайдамаков, с которыми борьба нам не страшна и которые будут сломлены и

разбиты. О всех важных событиях сообщайте в Дарницу, оперативный штаб Советских войск, в Гребенку и Ромодан советскому комиссару, Полтаву — Исполнительный Комитет Украины Народный Секретарь Украины Николай Скрыпник».

Будущее показало, насколько наивны были эти представления относительно того, что по подписании в Бресте мира, германские войска уйдут с Украины. Всем было известно, что центральная Рада заключила сепаратный мир с Германией и Австрией. Ясно было, что делегаты Советской Украины не будут признаны немецкими правительствами.

Этот поток сообщений захлестнул нас. Мы лихорадочно торопились кончать с корниловцами. Петроградские и Московские красногвардейцы, а за ними Кронштадтский отряд, потребовали своей немедленной отправки к северу на защиту столицы революции.

Центральный Военно-Революционный Комитет Донецко-бассейна 27-го февраля выпустил твердое воззвание ко всем революционным комитетам и штабам Красной Армии:

«Товарищи, — революция переживает самый тяжелый момент. Международная контр-революция активно выступила.

«Большая ответственность ложится на нас, представителей революционного пролетариата. Темные силы воспользуются острым моментом и поведут свою темную работу.

«Необходимо возобновление деятельности военно-революционных комитетов. Советы должны выделить военные отделы и открыть широкую пропаганду по лозунгам: «спасайте социалистическое отечество, расправляйтесь беспощадно со всеми попытками похода против Советской власти. Настал час смертельной схватки и в этот тяжелый момент кто не с нами, — тот против нас. Либо революция, либо контр-революция.

«Пьянство и хулиганство — как контр-революционные действия должны быть прекращаемы всеми мерами вплоть до расстрела.

«Всех необходимо призвать к исполнению революционного долга.

«Саботажников посылайте в шахты на горячие и мокрые работы.

«Необходима усиленная агитация в деревне за организацию Красной Армии и сбор и отправку хлеба.

«Создавайте революционные полки из рабочих, бывших солдат, военно-пленных, передавайте их в распоряжение Центроштаба Красной Армии Донецкого бассейна в Юзовке.

«Центроштаб взял на себя организацию Красной гвардии. Немедленно и энергично беритесь за дело.

«За всеми инструкциями и указаниями обращайтесь в Центральный Штаб в Юзово. Центральный Военно-Революционный Комитет Донецкого бассейна».

Съехавшись 28-го февраля в Ростове мы (Сиверс, Саблин, я) решили предложить свои силы на борьбу с наступающими германцами.

Склонившись над картой России, мы толковали, к каким пунктам сосредоточивать наши отряды. Единогласно решили — войска наши должны быть сосредоточены для защиты Питера, треугольнике Дно — Великие Луки — Новосokolьники. Отсюда удар во фланг немцам, идущим на Питер из Пскова.

Тов. Шимановский был послан в Москву и Орел, куда переправлялся Цекодарф, с нашими предположениями.

Он вскоре известил нас — отряды направить к Москве — Брянску. 28-го февраля я издал такой приказ:

«Товарищи рабочие, крестьянская революция восторжествовала на Дону в братском союзе с фронтовым казачеством. Советские войска сломали главную опору буржуазной контр-революции в Ростове. Каледицы, Корниловцы бегут с Дона. На Кубани тоже победоносное восстание беднейшего казачества против контр-революционных бандитов. Но фронт империализма идет на подмогу разбитым бандам контр-революции, банды германского империализма и изгнанная крестьянским восстанием из Киева Рада возвращаются в столицу под прикрытием германских штыков. Над столицей революции, над Петроградом занесен удар мирового империализма. В этих условиях именем революции и по призыву Совета Народных Комиссаров предписываю всем революционным отрядам, подчиненным моему штабу, спешно отправиться в Москву, где ожидать дальнейших распоряжений. Командующим отдельными колоннами тов. Саблину и Сиверсу отдать соответствующее распоряжение, озаботившись выделением представителей в особую комиссию для продовольствия революционных войск. Нарком Антонов».

Но только что отданы были мною соответствующие распоряжения, как пришла шифрованная телеграмма от Ленина с приказанием мне, — вспомнив свое украинское происхождение, принять командование над всеми советскими войсками, борющимися против германо-австрийского вторжения на Украину.

Я спешно выехал в Харьков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стран.
Автора	7

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Революция у власти. Борьба за ставку — борьба за мир. Демонстрация учредительского бессилия. «Доньем Романовские остатки!» Украинизация, — Дутов — Каледин — Центральная Рада. Контр-революция организуется. Первые боевые действия, — Берзин, Кудинский	9— 36
--	-------

ГЛАВА ВТОРАЯ

Казачьи настроения. Совет казачьих войск и Казачий Комитет при ВЦИК. Совнарком и казачество. Мое назначение. В Ставке. Центральная Рада и Советская власть, Ультиматум 17 декабря. Из Питера — в Харьков. Общая обстановка. Первые распоряжения.	37— 62
--	--------

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Противоречия на Дону. Казачество и многогородние. Сложная игра Каледина. Разложение казачьих частей. Партизанские отряды. Алексеевская армия. Наши действия в Купянском, Екатеринославском и Донецком направлениях. Вступление Сиверса и Саблина в Донбас	63— 77
---	--------

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

А. Муравьев — его биография. В октябрьские дни. — «Триумфатор». В плену у юнкеров. Муравьев — главком. Из моей работы с ним. Муравьев в Москве. Дислокация к 7 января	78— 92
---	--------

ГЛАВА ПЯТАЯ

Формирование моего штаба. Переговорная канцелярия у Чертково. Пересмотр оперативного плана. Наступление Сиверса. Первые неудачи. Восстание в Екатеринославе. Подкрепления подвходят. Организационная работа. Сведения из Царицына. Переходом в казачестве, — новое наше наступление. Тревоги Александровска. Татарская контр-революция. Дислокация к середине января	93—121
--	--------

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Отношения с Радой обострились. Предательство Рады. Провокационная работа Рады. Наступление решено. Полтава — занята. Первые осложнения 132—

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Наступление продолжается, Ромодан-Гребенка-Круты. Восстания в Киеве. Бой за Киев. Рада в Житомире. Осложнения с Муравьевым. Назначение его главкомом Румфронта. Победа над Румынами. Новый враг 143—

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Соглашательская практика Ревкома и наше самоуправство. Обостренность взаимоотношений. Эпизод с капиталистами. Деловой контакт с «Цикухой». Наставление Ленина 170—

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мой штаб в Донбасе. Калединская маневренность. Каменский ревком. Колебания и неудачи. Сиверс терпит урон. Организационная работа 183—

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Разгром корниловцев у Матвеева - Кургана. Поражение и гибель Чернецова. Действия Юго-Восточной армии. Растерянность в Новочеркасске. Самоубийство Каледина. Стратегическое окружение завершено 225—

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Последние дни Новочеркасска. «Сегодня взять Ростов!». Взятие Ростова и Новочеркасска. Преследование Корнилова 252—

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Тревожные вести из Петрограда. Немцы наступают. Телеграфный поток. Согласно на условия немцев — немцы наступают. Угроза Питеру. — Угроза Киеву. Наши решения. Мое новое назначение 272—



ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К СХЕМЕ № 2
(главы II, III, IV и V).

Обстановка на январь 1918 года.

1) Штаб Антонова—Харьков.

2) В Белгороде польский полк, поднявший восстание, разоружен Московским отрядом Саблина, который, следуя по указанию штаба Антонова направлению Зверево-Иловайская, в Купянске разоружил гайдамаков и запасные части, после чего вернулся в Донбасс (Луганск-Кахово) 6 января (76 стр.).

3) Отряд Гусель-Горского (см. об. зап. № 1), отзываемый в Севастополь, пути туда из Харькова, имел бой 23/хп с гайдамаками, которыми был убит Александровск.

4) Сиверс, сидевший в эшелонах в Харькове, выделенным отрядом своих войск разоружил в Люботине 2 эшелона украинцев, а затем наведен со всеми силами в Донбасс для действий в связи с Саблиным (стр. 77). Продвигаясь с большими трудностями, имея перед собой украинцев, разбиравших путь, Сиверс в Балаклее разоружил 5-й украинский полк (в Змиеве его отряд разгромил винные склады и предался пьянству) 4 января достиг района Никитовка-Дебальцево, имея перед собою части Каледина, а на фланге — держащую нейтралитет 3-ю кав. дивизию.

5) 30 декабря прибывшие в Харьков московские красногвардейцы, под командой Егорова, двинуты на Лозовую, занятую гайдамаками, против которых действует отряд Руднева (30-й полк, красногвардейцы и бронепоезд). Тот же день Лозовая занята Егоровым без боя (гайдамаки бежали). Руднев возвращен в Харьков, а Егоров повел дальнейшее наступление на Юг: 31/хп занял Павлоград (стр. 75); 3/1 — Синельниково и после этого получил приказание действовать в направлении на Екатеринослав, занятый гайдамаками.

6) Отряд Ховрина, полуразложившийся в Харькове, усилен 300 человек рабоче-го пополнения и 28 декабря двинут на разоружение Чугуевского военного училища, после чего разложился окончательно.

7) 17-я колонна Минского отряда после попыток овладеть Чертков, отступила и эшелонами Кантемировке (стр. 97).

СХЕМА № 2
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДО 7 ЯНВ. 1918 г.
ОПЕРАЦИИ
Сиверса, Саблина, Егорова и Берзина



ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К СХЕМЕ № 3

(гл. V, VI и VII).

1) Муравьев, назначенный во главе специального отряда для борьбы с повстанцами полтавщины, занимает 19/1 Полтаву и разрабатывает движение на Киев.

2) Егоров с московским отрядом, усиленный рудничными партизанами Жлобы, заняв Синельниково (см. об. зап. № 2 и 5), потерял здесь неделю, не решаясь выступить против занятого гайдамаками Екатеринослава. Он занял его только 9/1 после чего, согласно директивы Муравьева, направился на соединение с ним в Полтаву, куда прибыл 21/1, разоружив в Константинограде 20/1 батальон гайдамаков.

3) Кудинский, назначенный комиссаром при ставке, приступил в Брянске к оформлению штаба (стр. 93) и формированию отрядов против Рады.

4) Отряд д-ра Знаменского, прибывший из Москвы, по собственной инициативе, занимался агитацией в районе Ворожбы, после чего получил приказ от Штаба двигаться на Киев через Конотоп, причем в подкрепление Знаменскому двинулись отряды Щеглова от Курска и Васина от Кудинского. Усиленный последними, Знаменский 27/1 занимает Конотоп.

5) В то же время Муравьев совместно с Егоровым, выделив колонны на Гребенки-Киев и Гребенки-Бахмач 28/1 и 30/1 вступил в бой с Петлюровцами у Бахмача, куда 28/1 прибыли и силы Минского отряда Берзина, после чего решено совместное наступление на Киев, где 29/1 началось восстание, подавленное петлюровцами до прибытия Советских войск.

6) Петров, командующий на Воронежском направлении, действует нерешительно, ведя переговоры с казаками (стр. 100 — 103).



(ГЛ. V—IX).

2) 10/1 у Сиверса в тылу Чернецов, подбрав тайком в ршелогах, совершил налет на Дебальцево (стр. 104). Это заставило: 1) Сиверса отступить из Макеевского района, 2) Саблина выслать в Дебальцево отряд из Купяйска, 3) Петрову приказано из Чертково наступать на Миллерово. Чернецов исчез. Сиверс вернулся в Никитовку, Саблин — в Дебальцево.

4) В исполнение той же директивы, Саблин запл 19/1 Петровеньки (стр. 114), 22/1 Щеглово и Колпаково (198), 30/1 — Замчалово, 31/1 — Лихую, но на следующий день, потерпев поражение от Чернецова, отскочил по двум направлениям: в В.- Дуванное и Семейкино (Рухимович) и в Долженское, Проваье.

6) Ободренный последними и укрепленный черноморцами, Саблин занял 8/II Звереву и Лихую и продвинулся до ст. Сулин.



10 0 10 20 км.

Образованная штабом обороны г. Царицына Юго-Восточная армия командой Автономова (стр. 239), начала стягивать силы к Тихорецкой, отсюда начать действия в тыл Добровольческой армии, штаб которой — в Ростове. 13/II Автомоновым занят Батайск, где части армии начали митинговать.



(гл. XI).

2) Группа Автономова, благодаря развалу митинговавших частей, не смогла выполнить предыдущего (п. 1) приказа и отступившим к Екатеринодару белым сопротивления не оказала.

3) Саблин 22/II — в ст. Шахтная, имея на левом фланге отряды Петрова (б. Минская группа), Голубова с войсками Донревкома, а на правом отряд Медведева, повел наступление на Новочеркасск, имея перед собою войска генерала Абрамова, по временам делавшего набег на советские части.

4) Движение на Новочеркасск открывается войсками Добривкома с Голубовым, который двинулся ускоренным маршем и кружным путем. 23/II он — в Новочеркасск, войдя в него не с той стороны, с которой ожидали, и потому не встретив сопротивления (267). 26-го в Новочеркасск входит Медведев, а еще через несколько часов — Петров. Новочеркасск взят.



71 211
T. 1.

